

АХМЕТ КЕНЕСАРИН

БУЛТАНБИ
КЕНЕСАРЫ
И
СЫЗДЫК

АХМЕТ КЕНЕСАРИН
БУЛТАНЫ
КЕНЕСАРЫ
И
СЫЗДЫК

Tyulemissov Madi مەدى ابو اصل

tmadi1@gmail.com

СУЛТАНЫ КЕНИСАРА И САДЫКЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
СУЛТАНА АХМЕТА КЕНИСАРИНА.

Обработано для печати и снабжено примѣчаніями

Е. Т. СМІРНОВЫМЪ.

Съ портретомъ Садыка, 5 рисунками и 9 полнотипажамы.

ИЗДАНИЕ

Сырѣ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета.

ТАШКЕНТЬ.
Типо-Литографія С. П. Лахтина.
1889.

АХМЕТ КЕНЕСАРИН

**БУЛТАНЫ
КЕНЕСАРЫ
И
СЫЗДЫК**

Обработано для печати и снабжено примечаниями
Е. Т. СМЕРНОВА

Алма-Ата
«Жалын»
1992

Печатается по изданию: Султаны Кенисара и Садыкъ. Биографическіе очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаніями Е.Т.Смирновымъ. Съ портретом Садыка, 5 рисунками и 9 политипажами. Изданіе Сыр-Дарьинскаго областного статистическаго комитета. Ташкентъ. Типо-литографія С.И.Лахтина. 1889.

Кенесарин А.

К33 Султаны Кенесары и Сыздык: Биограф. очерки /Обраб. и примеч. Е.Т. Смирнова. —Алма-Ата: Жалын, 1992.—144 с., илл.

ISBN 5—610—01126—4

Ахмет Кенесарин рассказывает о национально-освободительном движении казахского народа под предводительством султанов Кенесары и Сыздыка против колониальной экспансии царской России в середине прошлого века. Его рассказ носит характер документального свидетельства.

Книга представляет интерес для историков, творческой интеллигенции и широких читательских кругов.

К 4702250104—034 без объявл.
408(05)92

ISBN 5—610—01126—4

ББК 63.3 (2К)

©Издательство «Жалын», 1992.

©Художественное оформление.
С. Майоров, 1992.

©Предисловие «Загадка Кенесары» Р. Соболевой, 1992.

ЗАГАДКА КЕНЕСАРЫ

О султане Кенесары Касымове и его брате Наурызбае казахский народ еще при их жизни сочинял поэмы, песни, где они прославлялись как могучие батыры, неустрашимые борцы за независимое казахское государство. И в наши дни казахи бережно хранят память о непокорном, гордом и своевольном султани, впоследствии избранном ханом, не желавшем подчиняться русскому царю. Хранят несмотря на то, что с 1950 года имя Кенесары было предано анафеме сталинским правительством. Был нагнан такой страх, что имя мятежного султана боялись даже произнести. Это табу снято только сейчас, когда осуществилась наконец вековая мечта многострадального казахского народа (и Кенесары Касымова) — республика стала подлинно независимой, равной среди равных.

По официальной версии, с которой можно ознакомиться в любом учебнике, историческом труде, энциклопедии, изданных после 1950 года, феодал Кенесары — жестокий, деспотичный правитель, всюду творивший произвол и насилие, грабивший равно как русские, так и казахские поселения.

Так кто же он на самом деле, султан Кенесары Касымов, одна из самых загадочных личностей в истории Казахстана прошлого века? Если враг казахского народа, как навязчиво подсказывают официальные источники, то тогда почему даже в годы суровых сталинских репрессий тайком, в кругу родных и близких, о нем пересказывались легенды, предания, пелись песни, под страхом ареста хранились портреты Кенесары и членов его семейства, рукописные и печатные документы о его деятельности?

Популярного рассказа о Кенесары для широких народных масс до сих пор не написано, хотя в архивах имеется целый ряд исторических документов и трудов. Казахские историки, такие, как М. Абдыкалыков, И. Омаров и Е. Бекмаханов, произвели исторически объективный анализ деятельности Кенесары, отметив и положительные, и отрицательные ее стороны. Но не потрафили вкусу сталинских держиморд, которые в любой похвале свободомыслию и независимости усматривали крамолу, могущую пошатнуть трон «отца народов». Особенно сильное великодержавное раздражение вызвал труд Е. Бекмаханова «Казахстан в 20—40 годы XIX века» под редакцией проф. М. П. Вяткина 1947 года издания, в котором

делается вывод, что в 1837—1846 годах происходило «национально-освободительное движение казахов под руководством Кенесары Касымова». И несмотря на то, что исторический труд сверялся с трудами Сталина, 26 декабря 1950 года в газете «Правда» совершенно неожиданно для автора появилась статья-рецензия на его книгу «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» под невинной рубрикой «Критика и библиография». В ней утверждалось: автор идеализирует реакционные феодально-ханские порядки, возвеличивает деятельность ханов и султанов, поднявших восстание в своих узко классовых целях, так как были недовольны ликвидацией ханской власти и некоторых привилегий султанов. В своем безудержном стремлении опорочить цель борьбы Кенесары — создание независимого казахского государства — верные слуги Сталина-самодержца переусердствовали, неумно выказав свою пристрастность. «Идеализируя реакционных феодальных деятелей, Бекмаханов всячески превозносит не только Кенесары, но и всю семью Касымовых, — говорится в правдинской статье. — Он отводит целые страницы восторженному описанию Кенесары, его деда и отца, брата, сестры, матери, племянника, всюду подчеркивая их особую душевную и физическую красоту, их превосходство над окружающими». Мол, если я тебя не люблю, так не смей быть обаятельным!

Известно, какую грозную силу приобретали в сталинской «Правде» даже заметки, выражающие «волю народа», которую незамедлительно спешил выполнить «гений всех времен и народов». Последствия этой рецензии за подписями Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина были трагическими для многих: пострадали, например, историк Е. Бекмаханов, писатель М. Ауэзов, был снят с должности президент Академии наук Казахской ССР К. Сатпаев.

Во всех последующих изданиях по истории Казахской ССР критика сталинского периода была учтена. Слова «национально-освободительное движение под руководством Кенесары» заменены, для подстраховки, на прямо противоположные по смыслу — «феодально-монархическое движение». Книга Е. Бекмаханова, вышедшая 10-тысячным тиражом, повсеместно уничтожалась. В настоящее время в национальной библиотеке Республики Казахстан сохранился только один экземпляр в отделе редких (!) книг.

Где же истина в оценке Кенесары?

Внук хана Аблая, сын султана Касыма, Кенесары родился в 1802 году в семье, почти столетие игравшей руководящую роль в политической жизни Среднего жуза. Активная политическая деятельность, по свидетельству Бекмаханова, была традицией семьи, начиная с деда и кончая братьями и сестрами Кенесары. Образ деда, прославленный в песнях и легендах, был любим Кенесары. Он гордился Аблаем и подчеркивал, что является продолжателем его дел и законным наследником его прав. Кенесары открыто и прямо заявлял, что «будет ходить путем деда своего»

и что он борется «за принадлежавшие его деду Аблаю земли». В своих воззваниях он напоминал, что при Аблае «казахи жили свободно и мирно». Имя Аблая было боевым кличем войск Кенесары.

Но как «ходить путем деда своего», если внук и дед жили в разные исторические эпохи? В 1750 году хан Аблай принял подданство России. В период его правления казахи Среднего жуза сохраняли политическую самостоятельность и территориальную целостность. Так выглядело первоначально добровольное принятие казахами русского подданства.

В первой половине XIX века царизм берет курс на применение всех методов активной колониальной экспансии. Вместо ханской власти в 1822 году в Казахстане был введен «Устав о сибирских киргизах». Ввели округа с окружным начальством. При всей мягкости царя Александра I он все же пришел в казахскую степь со своим «уставом». А кому это понравится? У Кенесары Касымова была четкая позиция — стать ханом казахов и хозяином казахской земли. Причем стать ханом в рамках Российской Империи. Но ханом независимым, не вассалом. А с Россией мирно жить и торговать. Для царского правительства он был неприемлем с самого начала, так как не хотел подчиняться безропотно и бездумно. Кенесары хотел жить с русским народом в дружбе, но жить на равных правах.

Жесткая колониальная политика царизма вызвала гневный протест Кенесары. Уже в 20—30-х годах царская Россия, наступая на Казахскую степь с двух сторон — со стороны Сибири и Оренбурга, захватила значительную часть лучших казахских земель и вплотную продвинулась к центральным районам Казахстана. На захваченных территориях воздвигались военные укрепления, крепости, приказы (диваны) и т. д. Карательные отряды подавляли малейший протест коренного населения против захвата их земель. Кенесары в отчаянии писал царским властям: «Теперь, с каждым днем захватывая наши земли, на них закладывают укрепления и этим доводят население до отчаяния. Это не только для нашей будущности, но и для сегодняшнего существования опасно». Это и другие письма оставались без ответа, и наконец в 1845 году наступил финал переписки: «Все киргизы Оренбургского ведомства, кочующие на землях Киргиз-Кайсацкой степи, составляют неотъемлемую собственность Российской Империи, платят по 1 р. 50 копеек серебром с кибитки», — говорилось в высочайшем царском повелении. Далее в письме царского правительства следовали еще несколько не менее унижительных для казахского народа пунктов. Ханская власть высочайшим повелением отменялась. Степные правители теперь назначались царем, а не путем традиционного избрания — поднятия на белой кошке.

Из вышеуказанных причин ясно, почему в 20—40-е годы прошлого века произошло одно из наиболее крупных в истории казахского национально-освободительного движения восстаний под руководством Кенесары. Оно продолжалось в течение десяти лет, последовательно охватив все три казахских жуза, и вовлекло в борьбу широкие народные массы. Все

основные казахские роды так или иначе участвовали в восстании Кенесары, хотя вступали они в него не одновременно.

Кенесары оказался в центре сложного узла внешних и внутренних политических проблем. С одной стороны, агрессия среднеазиатских ханов Хивы, Бухары и Коканда создавала угрозу порабощения ими казахского народа и в конечном счете расчищала дорогу для захвата Казахстана английскими колонизаторами, с другой стороны — центробежные тенденции феодально-патриархальной знати, которая на каждом шагу предавала Кенесары... Казахский народ, испытывавший двойной гнет, пошел за ним, ожидая, что его победа облегчит ставшие невыносимыми условия жизни.

Кенесары не был националистом, как утверждает сталинская историческая наука. Документы и современники мятежного султана свидетельствуют, что с первых же дней восстания к Кенесары присоединились представители различных национальностей, жившие в районе восстания. Вместе с казахами на борьбу с общим врагом — царизмом — поднимались те русские, каракалпаки, киргизы, башкиры, татары, узбеки, туркмены, которые скрывались в казахских степях от преследования властей. Беглый русский солдат Николай Губин служил у брата Кенесары Наурызбая личным адъютантом, личным секретарем Кенесары также был беглый русский. Беглые русские солдаты Бедашев и Манкин служили у него предводителями отрядов, доверенным помощником Кенесары был узбек Сайдак-ходжа Оспанов, татарин Алим Ягудин был членом военного совета. Кенесары не придерживался лозунга «газавата» — священной войны против неверных, так усиленно пропагандировавшегося в то время среднеазиатскими ханами и духовенством. Он с распростертыми объятиями встречал всех бежавших к нему представителей других народов, предлагая им, с соответствия со знаниями и опытом, хорошие посты. Какой же Кенесары националист, сепаратист и реакционер, если он собирал под свое зеленое знамя всех обиженных? Отталкивало казахов от России не их общение с русским народом, а реакционная, жесткая колониальная политика российского самодержавия, против которого дружно боролись лучшие сыны казахского и русского народов.

Как же отзывались о Кенесары современники? Отметим, что к Кенесары с уважением и сочувствием относились подполковник Российского Генерального штаба М. Красовский и оренбургский военный губернатор В. Перовский, из множества положительных отзывов выберем два. Штабс-капитан Фомаков в 1844 году доносил: «Умный, отважный потомок Аблая, хан Средней орды, успел все покушения сибирских отрядов против себя сделать тщетными, так как приобрел в этих странах некоторую славу как предводитель, к нему слетелись роями все разбойники, скитавшиеся в сих местах...» Историк Н. Я. Коншин в 1903 году писал: «Это был выдающийся во всех отношениях человек, далеко стоявший выше таких вождей волновавшихся киргиз, как Худайменды Газин, Сиванкул Ханжожин и др. Все они не были способны выйти из узкой сферы родовых

киргизских отношений, и только в лице Кенесары Касымова мы встречаем в истинном смысле народного киргизского героя, мечтавшего о политическом единстве всех киргиз без различия племен и даже орд». Трудно заподозрить в необъективности русских офицеров и историка, служивших во благо России.

Причины поражения восстания Кенесары Касымова, его дипломатические неудачи в переписке с царским правительством объясняются тем, что он не понимал происшедших со времени Аблая перемен во внешнеполитических отношениях казахов и царской России. Ко времени Кенесары царизм прочно обосновался в важнейших районах Казахстана, укрепил там свои аванпосты, построил укрепления и отнюдь не собирался покинуть освоенную территорию. Сообразно изменившейся обстановке Кенесары нужно было найти другой, более гибкий, путь в политике, приемлемый для царской России.

Запоздала его попытка создания централизованного независимого Казахстана. Россия уже уверенно внедрилась в казахстанские земли, а феодальная раздробленность, усиленно разжигаемая феодальной верхушкой, тормозила все начинания Кенесары.

Большинство султанов и богатых влиятельных биев не поддерживали Кенесары. Дело было не только в том, что они состояли на службе у царя, они вообще не были заинтересованы в образовании и укреплении централизованного, независимого казахского государства.

Крупным политическим просчетом Кенесары было то, что он во время борьбы с султанами и биями нападал на аулы мирных родов. Трижды подверг жестокому разгрому аулы рода жаппас за отказ примкнуть к восстанию. К сожалению, в отличие от деда он скорее был полководцем, чем политиком. Эмоции часто брали в нем верх над разумом. Вместо того, чтобы обрушиться на феодально-родовую верхушку, а народ привлечь на свою сторону, без разбору громил тех и других, увеличивая число врагов восставших. Царское правительство воспользовалось этой его ошибкой. Оно стравливало казахов между собой, а на Кенесары наклеило ярлык деспота, тирана, разбойника, врага казахского народа. При этом царское, а затем и советское правительство не смущало, что, к примеру, если умолчать о положительной роли в истории Ивана Грозного, Петра Первого, других крупных исторических деятелей, то они еще более заслуживают подобных отрицательных эпитетов. Исторический процесс нельзя оценивать односторонне, примитивно. Нет такой крупной исторической фигуры, которая не совершала бы ошибок.

В этой книге вниманию читателей предлагается рассказ сына Кенесары Ахмета Кенесарина о событиях трагического десятилетия, о победах и поражениях восставших. Повествование свое он ведет лаконично, языком воина, лишенным стилистических красот. Сообщаемые им факты разрозненны, не систематизированы, не выстроены в строгую сюжетную линию, но, тем не менее, представляют интерес как для историков, так и для

писателей, а также для тех, кто не забыл своих исторических корней. Исторического материала здесь достаточно, чтобы вдохнуть жизнь в давно минувшие драматические события, развернуть в воображении эпическую картину боев, страданий, нравственных исканий, мытарств казахского народа, обнажить мятущиеся души членов семьи Касымовых, сложивших свои головы в борьбе за независимость казахского государства, раскрыть сложные интриги султанов и биев. Это «белое пятно» в истории Казахстана ждет пера и кисти великих мастеров независимо от их национальной принадлежности.

Рассказу Ахмета Кенесарина предшествует предисловие русского историка В. Т. Смирнова, жившего во второй половине прошлого века. Примечания в конце книги также принадлежат ему и представляют собой короткие исторические зарисовки, посвященные отдельным личностям и событиям того бурного, переломного времени.

Книга «Султаны Кенесары и Сыздык» состоит из двух частей, соответствующих двум полярным взглядам на восстание: Кенесары и его сподвижников; царских офицеров и солдат (в «Примечаниях»). Таким образом, нередко одно и то же событие описывается и восставшими, и их врагами.

В «Примечаниях» использованы боевые донесения, рапорты, журналы военных действий «слуг царя» в Туркестане, другие архивные материалы. Обе части книги в совокупности правдиво освещают преданные насильственному забвению страницы истории казахского народа.

Р. СОБОЛЕВА.

Выдержки из постановления ЦК ВКП(б) Казахстана, принятого в связи с публикацией в газете «Правда» от 26 декабря 1950 года статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» (постановление опубликовано 19 апреля 1951 года в газете «Казахстанская правда»).

«Движение Кенесары... не было ни народным, ни массовым, ни освободительным, а было реакционным движением.

Несмотря на это, Е. Бекмаханов в своих работах путем подтасовки цитат и фактов и, используя материалы алашордынцев и пантюркистов, извратил историческую действительность о движении султана Кенесары Касымова и утверждал, что это движение было массовым, народно-освободительным, сыгравшим прогрессивную роль в истории казахского народа.

Извращая историческую правду, Е. Бекмаханов не показал, что присоединение Казахстана к России имело глубоко прогрессивное значение, определившее исторические судьбы казахского народа, при этом намеренно выпячивал одну лишь сторону последствий присоединения Казахстана к России — колонизаторскую политику царизма...

... ЦК ВКП(б) Казахстана обязал президиум Академии наук Казахской ССР переработать и в 1952 году издать первый том «Истории Казахской ССР», устранив политические ошибки, допущенные во втором издании этой книги; разработать вопрос о национальных движениях в Казахстане в XVIII—XIX вв. под углом зрения разграничения народных, освободительных движений от движений реакционных, феодально-монархических; осветить вопрос о движении Кенесары Касымова, как реакционном, феодально-монархическом, в многотомнике «История Казахской ССР», в «Истории казахской литературы» и в других изданиях.

Директорам Института истории, археологии и этнографии и Института языка и литературы, Академии наук Казахской ССР, редакторам республиканских газет и журналов предложено подготовить и опубликовать серию статей, разоблачающих реакционное движение Кенесары Касымова.

Обкомам, райкомам и обкомам КП(б) Казахстана предложено обсудить статью газеты «Правда» от 26 декабря 1950 года «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» и постановление ЦК КП(б) Казахстана по этому вопросу на открытых собраниях партийных органи-

заций вузов и педагогических коллективов всех средних учебных заведений республики.

... ЦК КП(б) Казахстана обязал Министерство просвещения Казахской ССР в соответствии с постановлением бюро ЦК КП(б) Казахстана пересмотреть раздел по истории Казахстана в учебных программах по истории СССР для школ и вузов республики».

Султан Садык (правильно по-казахски Сыздык.— Прим. ред.), сын знаменитого в киргизских степях султана Кенесары Касымова, был в свое время очень известен в Туркестанском крае как энергичный предводитель партий киргизских и туркменских наездников, бившихся с русскими войсками при завоевании Средней Азии.

Враждебная деятельность Садыка против нас прекратилась вскоре после хивинского похода, а в 1877 году этот последний боец за независимость киргизского народа перешел на наши пределы вместе с кашгарским ханом Беккулыбеком после взятия г. Кашгара китайскими войсками и уничтожения мусульманского государства, основанного в бассейне Тарима известным Якупбеком.

Деятельность Садыка, обнимающая период времени с 1864 до 1876 года, должна представлять интересный и ценный материал для истории покорения нами Кокандского и Хивинского ханств, войн с Бухарою и сношений с Кашгаром, почему в 1886 г. и возникла мысль предложить ему написать свою автобиографию, для чего и была дана ему мною программа. К сожалению, сам Садык, вероятно плохо владея пером, не взялся за дело, а поручил его своему брату султану Ахмету Кенесарину, который и доставил в 1877 году рукопись на киргизском языке. По поручению г. председателя Сырдарьинского областного комитета генерал-майора Н. И. Гродекова подстрочный перевод ее на русский язык переделан мною для печати, несколько обработан в отношении ясности изложения фактов и снабжен необходимыми примечаниями.

Нужно заметить, что рукопись составлена со значительными отступлениями от данной программы, с пропусками и недосмотрами, но тем не менее сообщаемые в ней факты весьма интересны как рассказ нашего противника о разных эпизодах войн в Средней Азии. Более выдающиеся из них пояснены примечаниями, представляющими дело по нашим официальным и частным сведениям.

Более значительное отступление заключается в подробном рассказе биографии Кенесары, чем автор, очевидно, увлекся, отдавая дань громкой деятельности своего отца. Это отступление, однако, принесло большую пользу делу, так как рассказ выясняет многие особенности характера

www.bizdin.kg
Кенесары и случаи его деятельности, неизвестные доколе в нашей литературе о нем.

Таким образом вместо одной биографии получилось две: Кенесары и Садык, самых деятельных и предприимчивых наших противников — бойцов за независимость тюркских народностей в Средней Азии.

В настоящее время султан Садык живет в Чимкентском уезде, на р. Арысь, верстах в шести на север от сартовского сел. Кара-Булак, близ развалин Хан-Кургана, бывшего когда-то ставкою его предка, киргизского хана Аблай хана. Садык занимается скотоводством и хлебопашеством близ своей зимовки, проводя свободное время за чтением и в молитве. Это совершенно бодрый, среднего роста человек лет пятидесяти пяти; смуглое лицо киргизского типа с черною небольшою с легкою проседью бородою оживлено замечательно красивыми, выразительными глазами. Вся его наружность, пропорционально сложенная фигура с мягкими контурами лица, маленькими женскими руками, манера держать себя, спокойствие, как бы некоторая застенчивость в разговоре, все это изобличает в нем человека, пожившего при среднеазиатских ханских дворах и вместе с тем кровного тюркского аристократа, «белую кость», каков он и есть на самом деле по своему происхождению. При первом взгляде на этого задумчивого, спокойного человека как-то не верится, что это именно тот наездник Садык, с именем которого всегда соединялось понятие об отчаянном степном разбойнике и самом упорном, назойливом партизане, что это тот Садык, который наводил в семидесятых годах страх на наши передовые линии в Туркестане, являясь всегда неожиданно на слабых местах и нападая более смело и энергично, чем другие предводители киргизских и туркменских партизанских партий. Но когда в разговоре оживляется его лицо, потечет быстрая, выразительная речь, разгорятся глаза, впечатление смиренного, задумчивого человека исчезает совсем. Перед вами является другой человек: живой, энергичный и безусловно талантливый, с «божьей искрою» и юностью души, — качествами, столь неотразимо действующими на рядовых людей и на народные толпы. Становится понятным его успех как сановника и советчика в военных и политических делах при ханах Бухары, Хивы и Кашгара и его умение держать в руках полудиких, своевольных наездников и энергично двигать их нестройные толпы на убийственные залпы туркестанской линейной пехоты, делать с ними огромные и быстрые переходы в мертвой Кызылкумской пустыне и падать как снег на голову на зазевавшегося неприятеля, приобрета этим от него вполне заслуженный эпитет степного разбойника.

Е. Т. СМЕРНОВ,
действительный член Сырдарьинского
областного статистического комитета.

ГЛАВА I.

Первоначальная деятельность султана
Кенесары Касымова

Аблай хан (в современной транскрипции Абылай хан¹. В дальнейшем в написании имен и географических названий сохраняется орфография первоиздания.— Прим. ред.) имел тридцать сыновей, бывших очень известными среди киргизского народа. Урда² его находилась в урочище Кокчетав.

После смерти Аблай хана сделался ханом сын его Обайдулла хан³, который царствовал десять лет. Пограничные русские власти, а именно начальство граничившей с его владениями Акмолинской области⁴, желая завладеть уроч. Кокчетав, послало к Обайдулле хану требование об уступке Кокчетаву под постройку города. Хан дал следующий ответ: «Я не согласен на постройку города. Лучше будем спокойно жить каждый на своем месте согласно письменному договору, заключенному между Аблай ханом и бслым царем. Если же вы хотите силою захватить место и построить город, то сами отвечайте за последствия». Получив такой ответ, русское начальство вызвало хана и задержало его у себя.

Обайдулла хану наследовал брат его Вали хан⁵. Он дал согласие на постройку города в уроч. Кокчетав, на что согласились было и все прочие дети Аблай хана.

Младшим из тридцати сыновей Аблай хана был султан Касым, имевший двух жен. От старшей жены родилось шесть сыновей: Сарыджан (в современной транскрипции Саржан.— Прим. ред.), Исенгельды, Агатай, Бопы, Бучак и Кенесары, а от младшей родился только один сын Наурызбай. Султан Агатай умер в то время, когда Наурызбай был еще малолетен.

По поводу уступки русским уроч. Кокчетав султан Кенесары сказал своему отцу и четырем братьям: «Нам наносит большой ущерб нарушение письменного договора, заключенного с Россией при Аблай хане. Если бог поможет, то соединим всех киргизов и будем опять тем, чем были

при Аблай хане. Иначе да будет иад нами его святая воля!»⁶. Это мнение Кенесары было одобрено султаном Касымом и его сыновьями, и все они сговорились действовать против России, причем к ним присоединилось и большинство киргизов⁷. Об этом предприятии султанов Сарыджана, Исенгельды, Кенесары и прочих детей Касыма довел до сведения русского начальства Вали хан. Из Акмолинска вышел русский отряд и три раза разгромил аулы султанов и подчинившихся им киргизов⁸, после чего дети Касыма откочевали от Кокчетава.

Вместе с ними ушли подвластные им роды Средней орды: алтай, тока, керей, уак и части других родов, всего в количестве 40.000 кибиток. Они заняли р. Чу и другие местности, подвластные Коканду и Туркестану⁹.

Султан Кенесары поселился в кишлаке Карнак, предаваясь созерцательной жизни под руководством ишана Рахман-Излера. Отсюда, желая завязать сношения с Ташкентом, он отправил к ташкентскому правителю Беглербеги¹⁰ своих братьев Сарыджана и Исенгельды. Беглербеги, предполагая, что султаны Сарыджан и Исенгельды никогда не будут преданными ему людьми, а, напротив, только возмутят и перетянут на свою сторону местных киргизов, которые не преминут принять их сторону как потомков Аблай хана, злодейски убил их в гор. Аулие-Ате. В то же время был схвачен и убит Касым хан, приехавший на богомолье в Хазрети-Туркестан¹¹. Он похоронен в мечети Хазрет-султана рядом с Аблай ханом.

Султана Кенесары схватили в Карнаке, в мечети ишана, привели в Ташкент и бросили в тюрьму. Жен и малолетних детей Сарыджана и Исенгельды поселили близ Ташкента. Султаны Кучак, Бопы и Наурызбай с большою толпою своего народа отошли к верховьям р. Сарысу в местности Улытау и Кичитау.

Султан Кенесары просидел в Ташкенте в тюрьме около года. Наконец ему удалось при посредстве кого-то послать в г. Коканд тогдашнему кокандскому хану Мухаммед-Али хану¹² просьбу об освобождении. Али хан, исполняя его просьбу, писал Беглербеги: «Так как он (Кенесары) ханского рода, белой кости, то тебе следовало бы дать мне знать о его вине и действовать по моему приказанию. Ты раб. Неприлично, чтобы раб казнил господина. Немедленно выпусти султана Кенесары из тюрьмы!» Беглербеги освободил Кенесары и выдал ему его семейство и всех родственников. Кроме того, он объявил: «Причинять зла я вам больше не

АБДАЙ ХАН

буду. Приведите сюда своих сородичей и платите мне зякет и другие подати». При отправлении из Ташкента он дал Кенесары охранную стражу в сто человек джигитов под начальством жузбасы¹³ Абдушукура.

Придя в Сузак, Кенесары оставил там родственников и при них кокандскую стражу, а сам только с двумя стражниками из сотни Абдушукура отправился в кочевья на Улытау и Кичитау, откуда и привел своих сородичей в Сузак. Когда на обратном пути до р. Чу ему оставалось сделать только однодневный переход, он отправил вперед, к семейству в Сузак, обоих стражников, говоря им: «Я во время бесин¹⁴ отправляюсь в путь и завтра буду на р. Чу, к которой вы доставьте моих родных. Мы там остановимся кочевать и будем платить вам зякет¹⁵ и другие подати».

Отправив этих двух человек в Сузак, Кенесары отослал назад, в Улытау, лишний народ, оставив с собою двести человек лучших джигитов. Он повел с собою пятьсот лошадей и верблюдов, которые были навьючены пятнадцатью принадлежавшими ему белыми юртами¹⁶. Дойдя до р. Чу, он, у переправы Бескулан, расположился со своими пятнадцатью юртами подобно большому аулу. Лошадей и верблюдов, привезших юрты, он распределил между местными кочевниками для пастбы их вместе с их собственными стадами. Сам Кенесары с двумястами джигитов отошел от р. Чу к стороне Сузака, поставил две белые юрты, убрал их дорогими коврами, одеялами из бухарского шелка и пуховыми подушками, одну из них для себя, а другую для ожидаемых им гостей. Приведенных с собою двести джигитов он спрятал в близлежащих камышах, при себе же оставил только около десяти человек.

Когда ташкентский жузбасы получил известие о том, что Кенесары ожидает его на р. Чу, он вышел из Сузака со своею сотнею. Придя на Чу, увидел на берегу ее аулы, среди каждого аула — белую юрту, а кругом — пасущихся лошадей и верблюдов. Успокоившись при виде такой мирной картины, жузбасы без опасений вошел в приготовленную для него белую юрту, снял с себя оружие и предался отдыху; то же сделали и все его люди. Когда все они вошли в юрты, появился Кенесары и крикнул своих спрятанных джигитов. Они быстро выскочили из камышей и изрубили всю сотню сартов¹⁷, не успевших выбраться из кибиток.

Султан Кенесары возблагодарил Бога за то, что он дал ему случай убить сто человек сартов в возмездие за убиение ими троих его близких родственников¹⁸. После этого, взяв

с собою оружие и лошадой перебитой им кокандской сотни и семейства своих братьев, он отправился вслед за народом, откочевавшим на уроч. Улытау. Достигши берега р. Тургая, он справил поминки по своему отцу султану Касыму и братьям Сарыджану и Исенгельды.

Здесь, под предлогом устройства конских скачек, он пригласил к себе Среднюю и Малую орды. Когда собрались все начальники родовичи обоих орд, они по киргизскому обычаю подняли Кенесары своим ханом¹⁹. Но при этом сказали ему: «Россия сильное государство. Мы теперь не можем подняться и кочевать вместе с вами, да притом, если бы мы и откочевали, то вся масса нашего народа не поместится на том небольшом пространстве земли между Россиею и Кокандом²⁰. Поэтому, пока вы не укрепите, мы останемся в подданстве России, но для поддержания вас мы будем платить вам зякет». С этим их общим решением согласился и хан Кенесары. К нему присоединились самые храбрые батыры²¹ из Средней и Малой орд и сопровождали его во всех дерекочевках. Множество его новых подданных кочевников, подчиняясь русским и оставаясь на своих прежних кочевьях, втихомолку платили ему зякет и доставляли все новости, касавшиеся русских.

С этого времени Кенесары стал называться ханом. Он надеялся, что русский царь предоставит управление киргизами ему и заключит с ним такой же договор, как и с Аблай ханом. Кенесары желал и надеялся, что, опираясь в тылу на Россию, он отомстит Коканду за убийство отца и своих братьев, отделит от Коканда Большую орду и даже завоюет ханство. С расчетом завести отношения с русскими он прикочевал на низовья реки Ирғиз ближе к г. Оренбургу. Но цель не была достигнута. По распоряжению генерал-губернаторов Оренбурга и Омска с оренбургской и сибирской линий выступили отряды для поимки Кенесары хана. Тогда волей-неволей хану опять пришлось сражаться против России²².

С 1840 по 1847 год хан действовал против русских отрядов²³. Над подробным описанием всех схваток пришлось бы просидеть целый год. Джигиты Кенесары хана поджигали по временам поселения²⁴ русских и грабили их имущество, а также наносили уроны и поражения²⁵ русским отрядам. Последние, в свою очередь, разоряли кочевья киргизов, подчинившиеся Кенесары хану, грабили их имущество и обращали в бегство ханское войско. В эти семь лет было совершено много дел²⁶.

Народ Кенесары хана кочевал в следующих местностях: Улытау, Кичитау, Жиланчике, Тургае, Билауты и Буланты.

В 1844 году отряд, выступивший с сибирской стороны, разгромил в отсутствие Кенесары хана его аул, зимовавший в уроч. Акчий, близ Жезди и Улытау, и увез оттуда старшую его жену Кунимжан-ханым. Узнав о нашествии отряда, хан вышел против него со своим войском, но не встретил русских, которые прошли другим путем. Кенесары хан, покоряясь воле Божией и следуя изречению пророка — да будет над ним благословение!²⁷ — «Терпение есть ключ к радости», стал терпеливо ждать. На следующее лето он собрал своих наездников и разорил и сжег укрепление, называемое по-киргизски Адырлы²⁸, между Троицком и Орском. Мужчин, женщин и детей увел с собою. Затем, обменявшись посольством с оренбургским генерал-губернатором, он выдал захваченных в Адырлы людей и получил обратно свою любимую ханшу. После этого он короткое время находился в мире с Россией.

В то время русские заложили укрепления у горы Улытау на берегу р. Тургая при переправе, называемой Тонкайма, и при переправе через реку Иргиз²⁹, называемой Ярмулла, именно на таких пунктах, через которые кочевал Кенесары хан.

ГЛАВА 2.

Действия манапов Джантая и Урмана и смерть Кенесары и его приближенных в войне с кара-киргизами

Киргизов, кочевавших в то время с ханом Кенесары, было около 20 000 кибиток. Видя, что народ умножается день ото дня, а пространство кочевий, вследствие постройки в степи русских укреплений, сузилось и кочевать стало тесно, Кенесары задумал сблизиться с китайским ханом. Кроме того, у него была еще и следующая мысль: упрочившись где-нибудь и оперев тыл на какую-нибудь сильную державу, подчинить себе всех киргизов. Со времени заключения договора между Аблай ханом и Китаем между последним и потомками Аблай хана никаких враждебных действий не происходило.

С целью завязать сношения с китайцами он покинул старые кочевья на Улытау, Жиланчике и Тургае и переместился ближе к Китаю на уроч. Каракум и р. Или. В то время там жили роды Большой орды: албан, суан, жалаир, шапрашты и много других. Среди них находились потомки Аблай хана, а именно его сыновья: султан Али и султан Сюк³⁰. Они оба во главе кочевников, занимавших берега р. Или, окрестности Алматы и пространство до р. Чу, в том числе и дулатов³¹, находившихся на рр. Жирен-Айгыр и Курти, встретили хана Кенесары с подарками; он, со своей стороны, тоже одарил их.

В это время при хане из потомков Касыма находились четыре человека: сын Касыма султан Наурызбай, сыновья Сарыджана султан Эрджан и Худайменде и сын Исенгельды султан Джехангир. Первые трое были во цвете лет, начальствовали над войсками³² и были известны врагам и друзьям. Султан Джехангир был еще молод.

Кенесары хан послал султана Худайменде послом к китайскому начальнику в Кульджу. Китайский начальник продержал у себя посла месяц, оказывая ему почести, устраивая каждый день пиры и увеселения; кроме того, он показал ему своих солдат, стрелявших из лука. В это время он снесся с китайским императором, обещал поддержать дружбу, начатую при Аблай хане, и отпустил Худайменде с богатыми подарками.

Хан Кенесары снялся с уроч. Каракум, переправился через р. Или, пошел на правый берег р. Чу и занял, рядом с кара-киргизами, урочища Жирен-Айгыр, Курти, Ыргайты, Узун-Агач и Каргалы. Отсюда он отправил послов к начальникам кара-киргизов и аулие-атинских дулатов. Цель передвижения и сношений хана была следующая: подчинить себе кара-киргизов и Большую орду, зимовать на р. Чу, летовать на Уч-Алматы, жить в мире с Россией и Китаем и воспользоваться этим миром для взыскания хуна³³ с кокандцев за убийство отца и братьев. Но воля Бога — да будет Он превознесен! — как увидим ниже, была совсем иная.

Колено чемыр с Байзаком датхою, Бельходжа-бием и Медеу-бием, колено сейким с Худайбергенем датхою³⁴, колено ботпай с Сыпатай батыром и Андес батыром, колено шапрашты³⁵ с Саурык батыром, начальствовавший над дулатами тюре Рустем султан и прочие начальники дулатов явились с подарками и с изъявлением покорности. Получив также подарки от хана, они с искреннею преданностью

опоясались поясом служения. Но начальники кара-киргизов, посоветовавшись между собой, отказали в подчинении: они еще помнили то, что было при Аблай хане³⁶. Киргизская пословица говорит: исконные враги не могут подружиться, как отрезанная пода не может быть перекроена в рукав.

Начальники кара-киргизов манапы³⁷ Урман, Карибоз и Джантай подстрекали народ через особо разосланных им людей к хищническим набегам на подданных хана небольшими шайками в 30—40 человек для угона лошадей. Узнав о поведении кара-киргизов, Кенесары хан решил наказать их. Он выслал против них небольшое войско под начальством Алике батыра и Базар батыра из колена буреме, Агыбай батыра из колена шубуртбалы³⁸ и Бухарбай батыра из рода табын. Услышав об этом, манапы Джантай, Урман и Карибоз собрали кара-киргизов, вышли из своей земли и залегли в засаду в одном ущелье. Киргизские батыры разделили свое войско на две половины, по 500 чел. каждая; одну половину они послали разорять аулы неприятелей, а с другой двинулись вслед с целью сразиться с кара-киргизами, если у них приготовлено войско. Первый отряд из 500 человек достиг кара-киргизских аулов перед зарею, напал на них и до времени саске³⁹ успел угнать их скот. Вторые пятьсот человек, осмотревшись кругом по восходе солнца и не замечая нигде неприятелей, соблазнившись добычей, предались грабежу и, не слушаясь своих начальников, разошлись в разные стороны для угона скота. Тогда кара-киргизские манапы ударили своим войском и разбили их. Во время схватки Агыбай батыр в единоборстве с манапом Карибозом убил его, взял его лошадь, кольчугу и саблю и все это поднес в подарок своему хану. За исключением этого небольшого успеха, киргизы потерпели поражение. Хан был сильно смущен этим и строгими словами пристыдил своих военачальников за бегство перед народом, не составляющим сильного государства, а кочующим аулами в 5—10 кибиток. Но, как увидим ниже, это еще не было самым тяжким из испытаний, ниспосланных Богом, да будет Он превозвышен!

В гневе своем хан сам принял начальство над войском. Узнав об этом, кара-киргизские начальники отослали свои аулы на вершину гор Алатау и, собрав отряды, расположились каждый пред местом своих кочевий в ожидании нападения. Войско Кенесары хана встретило колено кощи⁴⁰, предводительствуемое Халча-бием. Битва продолжалась целый день. Наконец колено кощи потерпело поражение.

Захватив 700 чел. пленников, в числе коих был и сам Халча-бий, войско победоносно возвратилось в орду Кенесары хана.

В следующем году он выпустил на свободу Халча-бия и всех его людей, отдав им их лошадей и одежду. При этом хан послал всем родоначальникам кара-киргизов, манапам Джантаю, Урману и другим письма следующего содержания: «Цель моего прихода сюда не враждовать и проливать кровь, а соединить силы киргизов и кара-киргизов в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев. Между тем случились некоторые нежелательные дела. Теперь на все, происшедшее между нами, я объявляю *салават*⁴¹ и прощаю ваше неразумие. Что я не питаю злобы, можете видеть из того, что я выпускаю на свободу невредимыми Халча-бия и его двести джигитов. По получении этого письма удалите из сердца опасения и сомнения и явитесь ко мне, чтобы соблюсти обряды покорности и тем достичь высокой степени счастья, после чего вы возвратитесь домой.

Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу. Предупреждаю, что если кто-нибудь из моих людей будет убит без вины или если хоть заплачет малый ребенок, то грех будет на вас».

Мананы Джантай и Урман, прочитав это письмо, собрали кара-киргизов и на общем совещании остановились на мысли не подчиняться хану. Получив это известие, Кенесары хан созвал всех датха, биев и батыров Большой орды и объявил им решение кара-киргизов, спрашивая совета. Передовые люди Большой орды: Бейт-бий, Сыпатай, Тайчибек, Худайберген датха, Саурык, Белькожа и Медеу-бий сказали: «Соберем ополчение от всех киргизов и очистим совершенно эти места от кара-киргизов». Только Рустем султан не высказал своего мнения. Как говорят, в войне с кара-киргизами он держал их сторону, хотя это, впрочем, неизвестно с достоверностью.

Родоначальники Большой орды, собрав каждый свой отряд, соединились с ханом и подступили к крепости Мерке⁴², которою командовал сарт по имени Мухаммед-Али. Он вышел навстречу хану и подарил ему знаменитого аргамака, носившего кличку «Кызыл-Ауыз»⁴³. Хан Кенесары отдал Мухаммеда-Али многими вещами и оставил его по-прежнему начальником крепости Мерке. Аргамака

он подарил султану Наурызбаю, который ездил на нем в позднейших войнах.

Этого коня певцы прославляют следующими стихами:

В день битвы испытывается годность
джигита и коня...
Умершему человеку нет возврата
в этот мир!
Был между кара-киргизами славный
батыр Бедер, внук Каная.
Он выехал, вызывая на единоборство
Наурызбая,
Наурызбай вышел на бой с ним
на статном коне Кызыл-Ауыз.
На этот раз один Бог помог Наурызбаю...
Когда они сошлись лицом к лицу,
когда сломали копья,
Бедер батыр полетел со своего коня,
как падает тубетейка с головы.

Оставив Мерке, хан пошел к горным ущельям, нанося урон кара-киргизам, и вернулся с богатою добычей к р. Чу, где пробыл до зимы в уроч. Иткичу. Отсюда он три раза посылал своих людей в набеги на кара-киргизов, а весной 1847 года напал на них со всем своим войском, причем его отряды до трех дней разоряли аулы кара-киргизов. В этот раз особенно отличились султаны Наурызбай, сын Касыма, и султан Эрджан, сын Сарыджана. Отделившись от главного войска, они в течение трех дней гонялись по горам, по направлению к перевалу Кара-Кистак-Шунгир⁴⁴, за кара-киргизами, разбивая их и отнимая у них скот. Некоторые из джигитов отстали, потому что гнали отбитый скот, другие — потому что у них устали лошади, так что когда оба предводителя поднимались на перевал, то при них уже не было никого из их людей. Дорога по этому перевалу шла по карнизу и имела ширину, достаточную для прохода только одного человека. Оступившийся путник должен был упасть в пропасть, которую не может измерить глаз и из которой и на сем свете нет выхода. Другая сторона ущелья представляла крутизну, на которую не могла взобраться лошадь. В этом узком месте дороги они нагнали уходивший караван кочевков манапов Джантая и Урмана. Манапы, следуя со своими людьми за караваном, заметили одиноких наездников и остановились для борьбы, расставив по дороге пеших стрелков. Стреляя отовсюду из

ружей и бросая с вершины горы большие камни, кара-киргизы обратили наездников в бегство и преследовали их. Так как вследствие малой ширины дороги двое не могли стоять рядом, то Наурызбай сражался впереди, а Эрджан позади. Пика Эрджана сломалась, но он выхватил саблю и продолжал отбиваться от преследовавших. Лошадь под ним была сильно уставшая и притом не кованная; утомившись на крутом спуске, она повернула в сторону и поднялась в гору. В это время манап Джантай и несколько его джигитов прошли вперед мимо него. Увидя это, Наурызбай ударил нагайкой своего коня Кызыл-Ауыза, напал на них и оттеснил назад дальше того места, где находился султан Эрджан. Последний повернул лошадь опять к дороге и стал бить ее нагайкою, но она не тронулась с места. Между тем кара-киргизы, подойдя толпою, опять обратили Наурызбая в бегство. Султан Наурызбай пять раз оттеснял кара-киргизов, но лошадь Эрджана не могла спуститься с горы, и он в конце концов был взят в плен.

Султан Наурызбай, спустившись в долину, собрал своих рассеявшихся людей и повел их в горы. Кара-киргизы также собрались и, радуясь плену Эрджана, бодро пошли по следам Наурызбая с криком «*Жау кашты!*»⁴⁵.

В это время главное войско хана уже вернулось домой со своею добычей. Кенесары хан отправил людей за султанами Наурызбаем и Эрджаном, а сам с восначальниками остался в ожидании их приезда у р. Чу, на холме близ уроч. Кеклик Сенгир⁴⁶.

В полдень он получил известие о приближении Наурызбая и плене султана Эрджана. Сильно огорчившись этим известием, хан спешился, а за ним спешилось и все его войско. Так они просидели до времени намаздигер⁴⁷, когда приехал Наурызбай. Удостоверившись в плене султана Эрджана, хан продолжал сидеть в огорчении. Из страха перед ним никто не посмел сказать: «Уйдем с этого холма!» — хотя и люди и лошади оставались в эту ночь голодными. Между тем манапы Джантай и Урман послали во все кара-киргизские кочевья за помощью. В ту же ночь прибыли к ним подкрепления от кокандских кара-киргизов, а между тем большинство войска Кенесары хана разошлось по своим аулам. На холме с ним остались почти все начальники, пятьсот ружей и одна пушка.

Утром люди его увидели, что они окружены кара-киргизским войском в несколько рядов и что протекавший мимо холма ручей отведен в другую сторону. Положение

ханского войска было опасное; кроме того, оно было без пищи и воды. В этот день с утра до ночи происходила битва. От людей, посланных ханом к разошедшимся войскам, не пришло известий, между тем кара-киргизы росли числом день ото дня.

Окруженные киргизы три дня сражались без пищи и воды. В ночь на четвертые сутки Кенесары хан собрал всех начальников на совет. Каждый из них советовал что-нибудь, но ни один из советов не был одобрен. Наконец султан Наурызбай встал с места и сказал: «Дайте мне двести годных к бою джигитов под начальством Курмана батыра из рода тама и Агыбая батыра. С этими двумя сотнями я ударю на строй кара-киргизов и пробью его. Хотя они и многочисленны, но это ведь те самые кара-киргизы, с которыми мы сражаемся каждый день. Вы же с главным войском двинетесь за мною и пройдете через открывшуюся дорогу. Потом мы будем отступать, продолжая бой».

Этот совет был одобрен всеми, кроме Кенесары хана. Он возразил: «Раз мы пробьемся, мы побежим уже безостановочно, у кого лошадь быстра, тот спасется, большинство же народа погибнет. Если я сам, предводительствуя войском, обращусь в бегство, то уже не смогу больше быть ханом народа. Если вы меня послушаетесь, то вот мой совет: заколите лошадей, и мясо заколотых навьючим на двадцать лошадей, которые и повезут провизию. При отступлении с одной стороны у нас будет р. Чу, а на прочие три стороны мы обратим пятьсот ружей. За отборными джигитами пойдем с пиками в руках. Никто не может разбить пеших, храбро сражающихся и вооруженных пятьюстами ружей».

Хотя пред ханом и высказывали одобрение этому совету, но большинство не согласилось с ним, потому что, по обычаю киргизов, лишение лошади равнозначно смерти. Словом, совет хана заколоть лошадей и отступить пешими никому не понравился. Все разошлись со словами: «Сегодня уже поздно. Завтра придет подкрепление от остального войска, а если и не придет, то с решением дела подождем до завтрашнего дня».

В эту ночь, в темноте, часть войска дезертировала; узнав об этом, и остальное войско разбежалось. Ночь была до того темна, что не видели друг друга и невозможно было остановить кого-либо. Что можно предпринять против predeterminedного Богом!

КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВ,
ВНУК АБДАЙ ХАНА

Кенесары хан, столько лет воевавший против русских, пал, когда ему исполнилось время, от злодейской рус- кара-киргизов. «Мы от Бога и возвратимся к Богу!»⁴⁸

Из родственников Кенесары хана в этом бою погибли султаны Наурызбай, Эрджан (?) и Худайменде. В живых остались: султан Кучак, сын Касыма, султан Джеханги сын Исенгельды, султан Абульфайз, сын Агатая, султан Арсланбек, сын Кучака, и султан Кочкарбай, сын Сары джана⁴⁹.

ГЛАВА III.

Потомство Кенесары хана

После смерти Кенесары хана от двух его жен остались восемь сыновей. От старшей жены, взятой девицею, ханша Кунимжан, были следующие сыновья: Джафар, Тайчик и Ахмет, от второй жены, взятой вдовою, по имени Жаны ханым, было пять сыновей: Омар, Осман, Абубакир, Садык⁵⁰ и Шыгай. В год смерти хана султану Тайчику было двадцать, Садыку десять и Ахмету пять лет.

После смерти хана они⁵¹ со всем народом перекочевали на низовья р. Чу, в горы Каратау и в г. Туркестан. Здесь подчинились Коканду, которым тогда владели мусульмане, а именно кыпчаки с Худаяр ханом⁵², на условии, чтобы дети и родственники Кенесары хана с сорока кибитками своих служителей — теленгутов были освобождены от плательжа податей.

Дети Кенесары хана, подчиняясь туркестанскому хакану, жили между кунградями⁵³. По достижении совершеннолетия они нанимали в свои аулы мулл и учились грамоте, кроме того, упражнялись в стрельбе из ружей и в верховой езде. По достижении совершеннолетия султаны Тайчик, Садык и Ахмет поступили на военную службу и стали везде выказывать свое удалство. За это кокандский хан дал им всем чины пансат-басы⁵⁴ и поставил каждого из них во главе пятисот человек. В этом занятии они провели несколько лет. В 1860 году, когда Ташкентом правил прославившийся в Коканде своей храбростью Канагатшах⁵⁵ из Верного⁵⁶ вышло войско под начальством генерала Колнаковского⁵⁶, взяло Токмак⁵⁷ и разрушило его укрепление. Канагатшах парванаши⁵⁸ повел 40.000 чел. войска⁵⁹ против

Верного. Султаны Тайчик, Садык и Ахмет были тоже взяты в этот поход.

Узнавши о походе Канагатшаха, генерал Колпаковский расположился у пограничной крепости Кастек и стал ожидать. Канагатшах, пройдя с войском перевал⁶⁰ из местности, называемой Ыргайты-Кайынды, отправил вперед отряд, состоящий из киргизов и кара-киргизов, под начальством султанов Тайчика, Ахмета и Садыка с следующим приказанием: «Выступайте к Узун-Агачу и возьмите его, если будет возможно. В противном случае все-таки не подпускайте никого к Кастеку; завтра мы двинемся к нему».

Когда султаны подошли к Узун-Агачу, он оказался занятым двумя сотнями солдат при одном орудии⁶¹. Султаны не дали возможности солдатам стрелять из ружей или из пушек, почему с обеих сторон пало немного народа⁶². Случалось, что лихие наездники насккивали на солдат, выхватывая у них из рук ружья, и уносили назад. Таким порядком стычки продолжались три дня. В ночь на четвертый день русское войско отодвинулось от Кастека и подошло ближе к Узун-Агачу. На рассвете появились 800 солдат под начальством самого генерала Колпаковского. Они открыли огонь из ружей и пушек и заставили султанов отступить. После этого между Узун-Агачем и Кастеком происходило еще несколько стычек. Наконец на местности, называемой курганом Саурьк батыра⁶³, появился Канагат парванаши во главе 40.000 чел. Увидя это огромное войско, генерал Колпаковский остановился. Войско Канагата парванаши нападало до полудня, стреляя из ружей. Когда сарбазы близко подошли к русским солдатам, генерал Колпаковский приказал зарядить семь орудий картечью и дал залп. После залпа кокандские сарбазы пали как бараны, пораженные болезнью *топаланг*⁶⁴. Сарбазов было убито 700 человек и, кроме того, пало много конных джигитов⁶⁵.

Потерпевши поражение, Канагат парванаши отступил и расположился ниже Кастека, на берегу речки Жирен-Айгыр. На рассвете следующего дня он послал все киргизские и кара-киргизские войска против Верного под начальством султанов Тайчика, Садыка и Ахмета. При отправлении сказал им: «Я завтра пойду отсюда в Кастек, вы же произведите нападение на Верный. Меня вы всегда найдете около Кастека».

Миновав Узун-Агач, в местности, называемой Каргалы, они оставили более пожилых⁶⁶ людей, носивших чины датха: Батырбека, Байзака, Мумынбека и Ходжабека, ка-

ра-киргизского манапа Джантая и батыра Сыпатая, а сами с манапом Шадманом и батырами Суранчи и Байсеидом и отборными, молодыми, храбрыми джигитами из киргизов и кара-киргизов в числе 500 чел., пройдя день и ночь, залегли в засаде около Верного. На другой день рано утром они произвели нападение на окрестности города и захватили в плен четырех русских мужчин и дочь одного крестьянина. К полудню они уже успели соединиться с датхами, оставшимися в Каргалы, и возвратились к Кастеку. Оказалось, что войско Канагата парванаши в тот же день ушло назад и что их послали к Верному с хитростью, с расчетом, чтобы русское войско не погналось за отступавшими. Султаны нагнали отступавших у р. Кайынды-Ыргайты и поднесли пленных русских в подарок Канагату парванаши.

Прибыв в Токмак, Канагат парванаши занялся восстановлением укрепления, а султаны, простившись с ним, вернулись в Туркестан к своим родичам.

ГЛАВА IV.

Причины переселения сыновей Кенесары хана на берега р. Сыра

По возвращении из-под Верного братья стали совещаться между собой. Султаны Тайчик и Ахмет говорили: «И раньше уже кокандское войско потерпело поражение под Ак-Мечетью⁶⁷, и на этот раз 40.000 чел. победены 800 русских. Судя по этому, могущество Коканда близко к падению, и русские, вероятно, скоро займут эту страну. Поэтому, не ожидая занятия, перейдем на сторону России и будем служить ей, если это удастся; в противном случае будем пользоваться спокойствием в подданстве у нее». Султану Садыку не понравилось такое предложение. Он возразил: «Я не пойду к русским, бросив путь, по которому шли мои предки. Если русские возьмут Коканд, я перейду в Бухару; если возьмут Бухару, я пойду в другое мусульманское государство. Таких много. Но я не оставлю пути моего отца!»

Султан Садык остался в Туркестане, а султаны Тайчик и Ахмет со всем подвластным им народом в 1861 году перекочевали на берега реки Сырдарьи и явились к находившемуся в г. Перовске начальнику Сырдарьинской линии генералу Десу с изъявлением покорности. В этом же году

они, при взятии крепости Яны-Курган⁶⁸, были на стороне России и оказали государству большие услуги, за что в 1862 году оба получили в награду чины зауряд-хорунжих.

Переход их доставил России большие выгоды. Так, по их увещаниям перешли в подданство России подчинявшиеся Туркестану часть отделений родов конрат и кыпчак и колено сунак, киргизы, живущие в долине р. Чу, и много других. Кроме того, оба брата со своими джигитами сторожили летом и зимой границу между русскими и кокандскими владениями, отражая силою войска, приходившие со стороны Туркестана.

В 1863 году со стороны Туркестана подошло большое войско и разгромило киргизские роды, подчинившиеся России. Тогда оба брата, султаны Тайчик и Ахмет, взявши у Жулека четыреста верховых киргизов, встретили кокандское войско близ уроч. Кара-Мурун, обратили его в бегство и возвратили похищенное кокандцами имущество. В этой стычке трое кокандских военачальников: Бектибай батыр и Айдарбек батыр из рода канлы, Телькожа батыр из рода конрат, увидев перед собой султана Тайчика, напали на него сразу все трое. Султан Тайчик бросился им навстречу и на пути пронзил пикою Бектибая, сына Джалантоса батыра; острие пики, попав в рот, вышло в затылок. Бектибай этим ударом был убит наповал. В это время Телькожа батыр поразил султана Тайчика пикою в левое плечо, спереди. Тайчик удержался на лошади, но от силы удара седло съехало ей на крестец. Конец пики сломался, и одна пядь железа осталась в теле. От этой раны умер султан Тайчик. «Мы от Бога и возвратимся к Богу!»⁶⁹

Султан Ахмет остался на службе у русских, участвовал в разных походах и получил несколько чинов. В 1867 году, когда был образован Туркестанский край и назначен генерал-губернатор, он получил место младшего помощника-начальника Чимкентского уезда и находился в этой должности до новых штатов 1887 года⁷⁰

ГЛАВА V.

Деятельность султана Садыка до взятия русскими Ташкента

После того, как султаны Тайчик и Ахмет перешли на сторону России, султан Садык в 1864 году по приказанию

кокандского хана был назначен хакимом (начальником) Сузака⁷¹, и ему было поручено наблюдение за русской границей.

В этом году полковник Веревкин, начальствующий над войском, пришедшим со стороны Оренбурга, осадил г. Туркестан⁷². Узнав об этом, султан Садык покинул Сузак и пошел со своими джигитами на помощь к кокандцам через Каратауские горы, которые и перешел по Суюндукскому ущелью. Ночью он пришел в Туркестан, а утром узнал, что русское войско уже несколько дней осаждает город и что кокандцы кроме стрельбы из ружей и пушек ничего решительного не предпринимают. Между тем русские уже подвели подкоп под городскую стену с восточной стороны и готовились наполнить его порохом⁷³. Видя, что кокандские военачальники не знают, как предотвратить взрыв, султан Садык в ту же ночь выбрал из своих джигитов сто человек пеших, вышел в полночь за стену, напал на копавших солдат, убил из них пять человек, а прочих обратил в бегство, и ночью же привез в город тридцать ружей и все инструменты работавших солдат. После этого в течение трех дней не было столкновений, так как русские приостановили работы.

На третий день султан Садык сказал туркестанскому хакиму (начальнику) мурзе Даулету: «Выдерживая пассивную осаду, мы не можем победить неприятеля. Сделаем ночью общую вылазку». На это мурза Даулет возразил: «Мои сарты не выйдут за стену. Если вы сами сделаете вылазку, то я против этого ничего не имею».

Главный туркестанский аксакал Джанти Утебов предупредил генерала (?) Веревкина через лазутчиков, что в эту ночь Садык тюрбе собирается сделать вылазку. Получив такое известие, русские приготовили пушки и ружья и стали ожидать. В полночь султан Садык и сын Косум-ходжи Курбанжан магзум вышли из города с двумя сотнями и увидели, что они замечены русскими часовыми. Несмотря на это, они быстро повели в атаку свои сотни. Русские дали им подойти очень близко и тогда дали залп из пушек и ружей. Атакующие, однако, не остановились перед ружейным огнем, а вступили в рукопашный бой на саблях, перешли ров, окружавший пушки, но были отброшены солдатами. Бой продолжался целый час. Неизвестно, сколько пало русских солдат, из мусульман же пали за веру Курбанжан магзум и сорок его джигитов, а пятьдесят было ранено. Обе стороны отступили на свои позиции.

Пять дней спустя аксакал Джанти рано утром сам-отворил ворота русским и впустил их в Туркестан. После этого султан вместе с туркестанским хакимом мурзой Даулетом удалился в Чимкент⁷⁴.

Неделю спустя занимавший ханский престол⁷⁵ в Коканде мулла Алимкул пришел в Чимкент с большим войском. В то же время со стороны Сибири двинулся генерал Черняев и взял Аулие-Ату⁷⁶.

Будучи известен мулле Алимкулу, султан Садык получил от него прежнее звание пансата.

Спустя месяц пришло известие, что из Аулие-Аты идет генерал Черняев, а из Туркестана другой отряд. Последний, состоящий из трех сотен человек, подходил к Чимкенту с западной стороны. Мулла Алимкул встретил его со всеми своими силами в местности Ак-Булак. Он надеялся разбить этот отряд раньше прихода генерала Черняева. В полдень он приказал всем спешиться и атаковать. Русские зарядили орудия картечью, приготовили ружья и подпустили атакующих без выстрела. Когда султан Сыздык, идя впереди со знаменем, подвел своих джигитов на сто шагов, русские дали залп из трехсот ружей. Из джигитов, двигавшихся густой толпой, укрываясь друг за друга, первый ряд был расстрелян на месте, задние же ряды со страха упали на землю. Из 10.000 человек ни один не поднял головы! Только султан Садык со знаменем в руке простоял с час в ста шагах от русской линии. Солдаты стреляли в него так ожесточенно, что полотно знамени было все продырявлено подобно ситу; целого места на нем не осталось! Но бог сохранил султана Садыка невредимым. Через час мулла Алимкул послал людей, чтобы отозвать его. Когда Садык пошел назад, то и лежавшие грудями джигиты поднялись и ушли с ним.

В этом нападении была убита тысяча человек; трупы их увезены вечером.

На следующий день мулла Алимкул подвез большие пушки и стал стрелять из них в окруженное войско. Рядом солдат, расположенным густо, пришлось плохо: они стали делать земляные насыпи и укрываться за ними.

Если бы отряд пробыл в таком положении еще немного времени, то⁷⁷ был бы разбит, но генерал Черняев подоспел на помощь.

На другой день генерал Черняев, предводительствуя соединенными отрядами, повел их на Чимкент. Когда он был у Коштегермена, в пяти верстах от Чимкента, султан

Садык выехал для наблюдения за движениями его войска в сопровождении приблизительно шестидесяти человек. Генерал Черняев ехал впереди своей пехоты в сопровождении офицеров и больше сотни человек конницы. Увидя находившегося в Коштегермене пешего⁷⁸ мельника, генерал послал двух человек захватить его для расспросов. Султан Садык, заметив это, послал за ним тоже двух человек. При виде этого генерал Черняев послал четырех человек; Садык сделал то же, т. е. и со своей стороны послал тоже четырех человек. Наконец обе стороны поскакали к Коштегермену в равном числе и открыли упорную перестрелку, а сойдясь лицом к лицу, вступили в схватку на саблях и батиках⁷⁹. В это время и пешие солдаты вступили в бой и начали стрелять из ружей. Джигиты Садыка отступили, потеряв четыре лошади; ранено было пять человек, убитых же не было. У русских было отбито 17 лошадей; раненых у них оказалось много, число же убитых неизвестно⁸⁰.

Генерал Черняев осаждал Чимкент десять дней, в течение коих каждодневно происходили стычки; наконец он отступил, не взяв города. После этого мулла Алимкул усилил оборону города, набрав гарнизон из сартов и киргизов. Закончив это дело, он поставил в Ташкенте начальником мирзу Ахмета, а сам с кокандским войском ушел в Коканд⁸¹. Султан Садык тоже перешел в Ташкент.

Спустя три месяца генерал Черняев снова подошел к Чимкенту и взял его⁸² в пять-шесть дней. Султана Садыка на этот раз в Чимкенте не было.

Зимой, когда выпал снег, мулла Алимкул пришел (из Коканда) в Ташкент с кокандским войском, где и услышал подтверждение слуха о падении Чимкента. После некоторого пребывания в Ташкенте он однажды опросил, в особых аудиенциях, мнения всех военачальников о положении дел. Все высказались, что зимою нельзя ничего предпринять, а нужно вернуться в Коканд, чтобы выступить опять с начала лета. Только султан Садык сказал: «Нехорошо отступить перед русскими без битвы после стольких расходов на сборы и привода такого большого войска. Если не идти на Чимкент, то пойдем на Туркестан, где, по слухам, войска немного. Мы возьмем его, а если и не удастся, то все-таки приобретем добрую славу». Этот совет понравился мулле Алимкулу.

Расставив на дорогах караульчиков для предосторожности, он в продолжение трех дней приготавливал войско к выступлению, а на четвертый день двинулся по сары-агачской дороге⁸³ и в полдень следующего дня дошел до берегов.

р. Арыси. Султан Садык, выбрав из своих джигитов 800 чел., с разрешения муллы Алимкула пошел вперед в сел. Чилик, где взял в плен 60 чел. киргизов, стороживших это селение, после чего стал ожидать Алимкула, который и пришел с главным войском за час до заката солнца. В ночь султан Садык снова выступил вперед со своими во-семьюстами джигитов и к утру дошел до Икана, где, схватив иканского аксакала Ибн Амина⁸⁴, снова остановился в ожи-дании Алимкула.

Под Чиликом показались двенадцать джигитов киргизов, бывших почтарями, под начальством Тумана из рода кыпчак. Султан Садык послал на них своих людей. Одиннадцать человек из почтарей были схвачены, а двенадцатый ускакал.

Подойдя к Икану, мулла Алимкул расположился против него с главным войском с чиликской стороны, Садык же встал со своими джигитами с туркестанской стороны, вы-ставив пикеты на туркестанскую дорогу.

Пикеты Садыка дали знать, что они видят две прибли-жающиеся толпы каких-то людей. Дело было ночью. Султан Садык сам выехал вперед и остановился около дороги. Оказалось, что это были русские казаки⁸⁵, курившие и разговаривающие между собой. Садык дал знать мулле Алимкулу и приготовил своих джигитов; в свою очередь и Алимкул устроил свое войско и вывел его. Оказалось, что перед ними находится сотня конных русских под началь-ством есаула Серова. Увидя неприятеля, русские начали стрелять из ружей и пушек, спешились и были окружены со всех сторон; по ним тоже открыли стрельбу из ружей и пушек. Перестрелка продолжалась и после восхода солнца. В полдень русские казаки возвели вокруг себя ограду из павших своих лошадей и продолжали отстреливаться. В это время пикеты, выставленные к стороне Туркестана, дали знать, что оттуда подходят приблизительно триста солдат. Узнав об этом, мулла Алимкул растерялся. Он спросил совета у своих военачальников: «Если мы не можем уничтожить эти две сотни русских, то по присоединении к ним еще трехсот солдат мы не имеем никакой возможности разбить их. Что нам делать?» Никто из военачальников не нашелся, что посоветовать. «Вы сами решите!»— говорили они. Тогда султан Садык сказал мулле Алимкулу: «Вы с главным войском нападайте на этих русских, а я со своими людьми встречу подходящих солдат и не допущу их до вас». Так и было сделано.

Султан Садык встретил подходивших солдат при Сасык-Булаке, по дороге в Туркестан, и вступил с ними в перестрелку, во время которой у него было убито шесть лошадей и ранено десять джигитов. Пули солдат не допускали подходить к ним близко по окружающей открытой местности. Отстреливаясь, Садык начал отступать по дороге в Икан.

Так как, очевидно, нельзя было остановить наступление русских, то султан Садык придумал следующую уловку: он оставил солдат и со всеми джигитами пошел по направлению к Туркестану. Это движение заставило русский отряд подумать, что, вероятно, Садык пошел к Туркестану потому, что находящиеся впереди русские казаки уже взяты в плен. Действительно, русские повернули назад и пошли вслед за ним к Туркестану. Султан Садык остановился около Туркестана в саду мазара, называемого Али-ходжата; к закату солнца вернулись в город и русские солдаты.

Видя это, султан Садык поспешно возвратился в Икан, куда прибыл к рассвету и узнал, что русские все еще не разбиты, а продолжают отстреливаться. Тогда султан Садык сказал Алимкулу: «Этих русских таким порядком разбить нельзя, сколько бы вы ни нападали на них. Мой отец, Кенесары хан, при нападении на таких, остановившихся и засевших, русских обыкновенно атаковал их, защищаясь от пуль толстым непроницаемым валом травы». Потом он приказал войску нарезать камыша и нарвать полыни и сделать большие связки. Эти связки (мантелеты) покатили к русским, причем для каждой было назначено по ста человек. Подкативши связки к русским возможно близко, нападавшие выскочили из-за них и бросились; в это время главное войско подскочило сзади; русские были разрознены, частью убиты, а частью взяты в плен и увезены. Начальник русских казаков есаул Серов пробился через кокандское войско и с 30-ю казаками стал отступать к Туркестану. В суматохе это прошло незаметным. Увидев отступавших русских уже далеко, Садык догнал их на вороном аргамаке и со словами: «Аман! Аман!»⁸⁶ — поднял руку и остановился. Русские опустили⁸⁷ ружья и остановились. В это время сзади аксакалы сарты, не знавшие о вступлении султана Садыка в переговоры, насмерть закололи несколько русских, бесстрашно стоявших перед ними. Тогда есаул Серов приказал стрелять, и снова завязался бой. В это время из г. Туркестана подходили на выручку триста солдат.

Завидя их появление на горизонте, султан Садык понял, что после присоединения он нелегко справится с русскими.

Он собрал своих людей и напал на казаков. Снова завязался ожесточенный бой. Сам Садык был ранен в бедро; верховой конь его, раненный пятью пулями, пал на месте. Заметив падение с лошади Садыка, мулла Алимкул прискакал с главным войском, убил пятнадцать казаков и выручил султана Садыка. С пятнадцатью человеками, оставшимися от двухсот казаков, есаул Серов соединился с подошедшими на выручку солдатами и отступил в Туркестан.

С мусульманской стороны в этом деле пало 400 человек и много было раненых. Мулла Алимкул вернулся в Икан, откуда увез в Ташкент аксакала Ибн Амина и людей, годных для службы⁸⁸.

ГЛАВА VI.

Взятие русскими Ташкента

В 1865 году генерал Черняев осадил⁸⁹ Ташкент. Десять дней спустя произошло сражение на Шортюбе, в котором мулла Алимкул нашел от пули смерть за веру. Войско его было разбито и заперлось в Ташкенте.⁹⁰

Вскоре после смерти муллы Алимкула кокандское войско рассеялось: некоторые убежали в Коканд, у других ташкентцы отняли лошадей и одежду. В это время ташкентцы и кокандцы как бы грабили друг друга: каждый брал то, что смог взять. Видя это, султан Садык собрал людей и вместе со своими близкими друзьями, военачальниками султаном Арсланбеком, сыном Кучака, и жалаиром Бекбау датхой повел их к городским воротам⁹¹. Оказалось, что привратники бежали, оставив ворота незапертыми. Генерал Черняев, который об этом не знал, обстреливал ворота издали. Султан Садык распорядился засыпать землю все двенадцать ворот Ташкента и ко всем поставил своих людей. Вечером он вернулся в урду муллы Алимкула; генерал Черняев тоже возвратился на свой ночлег.

После этого созванный на совещание народ Ташкента, мулла Салибек ахун — главный казий (кази-келян), Хаким-ходжа и другие начальники и влиятельные лица возвели султана Садыка в звание эмир-аскера (главнокомандующего) вместо муллы Алимкула, поручив ему Кокандское ханство и казну⁹². В течение трех дней султан Садык переместил всех должностных лиц и опре-

делил каждого на подобающее ему место. Он собрал кокандских джигитов, велел возвратить им лошадей и одежду и привел все войско в годность к бою.

На четвертый день генерал Черняев, узнав о смерти муллы Алимкула и о бегстве кокандского войска, приблизился к воротам Ташкента и начал стрелять из пушек и ружей. В течение почти трех дней он напрягал все усилия ко взятию города: каждый день с утра до вечера у всех ворот происходили ожесточенные атаки при неумолкающем ружейном и пушечном огне. Наконец генерал Черняев спросил у своих подчиненных: «Мулла Алимкул умер; кто же теперь так храбро сражается?» Ему отвечали: «Вместо муллы Алимкула главнокомандующим сделался султан Садык, который и сражается теперь». «Этот человек, по-видимому, не уступает мулле Алимкулу», — ответил генерал.

По истечении недели бой возобновился и продолжался тем же порядком; каждый день происходило по битве в течение сорока дней. Султан Садык с утра до вечера вел пальбу из пушек и ружей, а по ночам, вплоть до рассвета, сам объезжал ворота, соблюдая все предосторожности. Видя такую деятельность, военачальники, пришедшие с кокандскими войсками⁹³, начали советоваться между собою, говоря: «Кажется, русские не могут теперь взять города; если они отступят, то вышедший из киргизов тюре⁹⁴ будет править Ташкентом и Кокандом, а мы лишимся власти». Они замыслили убить султана Садыка. Узнав об этом, ташкентцы со своими начальниками явились к нему и донесли о существовании заговора: «Эти кокандцы вероломный народ! Казни, которые они устраивали своим ханам, начали устраивать и вам. Позвольте нам перебить их, каждого на том месте, где он будет захвачен», — сказали они. Султан Садык не согласился на это. Он отослал ташкентцев, сказав им: «Нам не следует резать друг друга из честолюбия в то время, когда перед нами стоит неприятель. Притом же они еще не показали открыто своей вражды».

Но всем этим сердце султана Садыка было сильно встревожено. Вскоре он возымел новую мысль. Собрав всех начальников Ташкента, он держал к ним следующую речь: «В кокандцах мы узнали врагов. Между тем нас осаждает такой сильный неприятель, как русское войско. Чтобы выпутаться из затруднений, примем подданство бухарского эмира и попросим у него помощи». Все одобрили этот совет. Тогда Садык отправил к бухарскому эмиру, Абдул-Музаффар хану, посольство, с подарками, из ташкентских санов-

ников, в числе которых были: главный казий Хаким-ходжа, ишан Абдул-Касымхан, Гусфендуз магзум, и киргизы: мулла Кошик датха рода шынышкылы, Туртбай датха из рода дулат и другие. Согласившись на их просьбу, бухарский эмир послал своего токсабу по имени Тайчибек⁹⁵ с пятью джигитами в Ташкент для принятия высокого поста. Когда токсаба прибыл, султан Садык передал ему начальство над Ташкентом и выехал из урды⁹⁶.

Со времени оставления Садыком должности сторожевая служба у ворот и прочие военные порядки стали соблюдаться нерадиво и способы войны сокращались день ото дня, так что вскоре по приходе Тайчибека токсабы генерал Черняев на рассвете произвел нападение, вошел через Камеларские ворота и взял Ташкент⁹⁷.

ГЛАВА VII.

Участие Садыка в войне русских с Бухарою

После взятия Ташкента султан Садык оставил город со своими людьми, направился через р. Сырдарью у Чиназа и пришел в Джизак, принадлежащий Бухаре. Явившись к джизакскому беку по имени Якупбек, он оставил свое семейство и джигитов в окрестностях Джизака, а сам, в сопровождении только двадцати джигитов, поехал представиться бухарскому эмиру Музаффар хану. Эмир дал султану Садыку и Арсланбеку, а равно всем его джигитам подарки и отпустил с предписанием джизакскому беку Якупбеку выдавать им и всем их джигитам жалованье от казны.

Во время пребывания султана Садыка в Джизаке генерал Черняев появился с войском в пяти верстах от города. Простояв здесь три дня, на четвертый он повел колонны против Джизака. Для встречи и отражения его выстроились бухарское и самаркандское ополчения. Когда обе стороны сблизились, генерал Черняев приказал дать залп из пушек и ружей: ядра попали в густую толпу войска, разорвались и убили несколько человек. Все бухарское войско опрометью бросилось бежать. Продолжая стрелять из пушек, русские вошли в черту садов Джизака. Они были уже у базара, когда султан Садык, не упускавший их из виду, следя под прикрытием садов, подошел к ним с 160-ю джигитами и

из-за забора сада дал по ним залп из шестидесяти ружей. В густой толпе солдат, двигавшейся по улице, многие были ранены, а некоторые убиты⁹⁸. Видя это, русские затрубили в трубы, и авангард их повернул назад, причем дождь пуль посыпался на забор, за которым стояли киргизы. После стрельбы солдаты отступили, преследуемые киргизами Садыка до выхода из садов. Во все время этого отступления киргизы, скрываясь за заборами, стреляли в русских.

Выйдя на открытое место, генерал Черняев собрал все свое войско и повернул назад к лагерю. Главное бухарское войско, видя отступление русских, двинулось за ним, но держалось на расстоянии ружейного выстрела и не посмело сблизиться⁹⁹ и завязать бой. Генерал Черняев отходил, имея впереди себя пехоту, а позади конницу. Султан Садык со своими ста шестьюдесятью джигитами напал на сотню казаков, отставшую от главного войска, и после короткой схватки отбил у них одиннадцать лошадей.

После этого генерал Черняев, простояв в лагере с неделю, ушел на берег р. Сырдарьи¹⁰⁰.

Между тем бухарский эмир пришел в Джизак во главе большого войска и со многими пушками. Простояв здесь несколько времени, он собрал все части своего войска вместе и двинулся через Уратюбе на стоянку генерала Черняева¹⁰¹. В это время русское войско было занято возведением крепостного вала на берегу р. Сырдарьи, у Чиназа. Султан Садык подумал: «Если я буду находиться посреди большого войска, то не приобрету славы: всякий успех будет приписан эмиру. Я хочу делать дело сам, своими силами». Поэтому он обратился к эмиру с просьбою разрешить ему напасть на русских со стороны Чардары¹⁰². Эмир олобрил этот план и отпустил его, выдав ему тысячу рублей на дорожные расходы.

Сотню своих джигитов под начальством родственника султана Арсланбека, сына Кучака, и Бекбау датха из рода джалаир Садык оставил при главном войске эмира, а сам, в надежде на набор джигитов между киргизами, кочующими на берегах Сырдарьи, отправился в уроч. Чардары только с 63-мя джигитами. Пробыв в дороге три дня, он рано утром спустился к Сырдарье против Чардары. Во время отдыха, который был необходим и себе, и лошадям, Садык вдруг заметил, что в пески за уроч. Чардары движется большая толпа народа. Он послал разведать двоих джигитов, которые, вернувшись, привели с собою какого-то киргиза. На допросе киргиз показал, что четыреста человек из

СЫЗДЫК КЕНЕСАРИНОВИЧ
КАСЫМОВ

войска генерала Черняева подошли к крепости Чардары, но чардаринский бек Атабай токсаба бросил укрепление и бежал; в настоящее время русские ездят в окрестностях Чардары и грабят киргизов, которые и бросились бежать от них.

Султан Садык взял захваченного киргиза в проводники и поехал по направлению к русским. Вскоре среди песков он увидел около сотни русских казаков, которые гнали перед собою верблюда с тюками и разный скот. Притаившись за песчаными буграми, Садык подпустил их к себе возможно близко и напал на них. Казаки храбро встретили нападение, дали по выстрелу из ружей, после чего обе стороны вступили в рукопашный бой. Командир казаков Иванин¹⁰³ и еще один офицер очутились лицом к лицу с Садыком. Три выстрела, сделанные в него из шестиствольного револьвера, благодарение Богу не попали в цель. Садык поскакал на офицера, свалил его ударом сабли с белого аргамака и захватил этого коня. На месте схватки вместе с офицером было убито шесть русских; кроме того, были отбиты тридцать лошадей и все награбленное у киргизов имущество. Из джигитов султана Садыка было ранено десять человек, но легко, и никто из них не умер.

После схватки Садык вернулся к месту первоначальной своей стоянки у болотистого берега реки; туда же подошли и казаки, но остановились на ночлег по другую сторону болота. Ночью они ушли, и Садык не заметил этого, так как крепко заснул.

Султан Садык, набрав небольшое войско из киргизов рода конрат, вступил в перестрелку с плившими вверх по реке пароходами и сжег топливо, состоящее из кореньев, приготовленное для пароходов.

Пробыв еще несколько дней на берегах Сыра, он, по получении известия о поражении эмира под Майда-Джинглом¹⁰⁴ и бегстве его в Самарканд, отправился в этот город¹⁰⁵ явился к эмиру и поднес ему головы убитых русских и отнятых у них лошадей. Эмир сильно обрадовался этому, почтил его богатыми подарками и взял с собою в Бухару.

После некоторого пребывания в Бухаре из Ташкента пришло известие, что генерал Черняев уехал в Петербург, а на его место приехал генерал Кауфман и собирается взять Джизак¹⁰⁶. Получив это известие, эмир послал в Джизак все свое войско. Впрочем, эмир был с Садыком еще в Самарканде, как уже слышал о взятии русскими

Уратюбе и Джизака. В это время эмир послал послов в Хиву и к туркменам с просьбою о помощи; они дали 10.000 чел. Собрав все свои силы вместе, эмир отправил 30.000 человек к Гиш-купрюку¹⁰⁷, куда, как он слышал, уже дошел генерал Кауфман.

В это время султан Садык с разрешения эмира двинулся на Казалинск со своим киргизским войском, состоявшим из 800 человек. Услышав о приближении Садыка, казалинский начальник выслал из местных войск двести конных казаков на Сары-Булак, находящийся на хивинской¹⁰⁸ стороне, на расстоянии полудневного перехода от Казалинска. Отряд расположился в двух верстах от источника¹⁰⁹ на высоком песчаном холме и послал к источнику лошадей и верблюдов под конвоем шестидесяти человек. В это время к источнику подошел и Садык; он немедленно напал на конвойных казаков, сбил их всех с лошадей и забрал как лошадей, так и верблюдов. Сто сорок казаков, оставшихся на песчаном холме, еще не успели узнать об этом, как султан Садык приказал собрать саксаулу, джингылу¹¹⁰ и других кустарников, связать из них связки, непроницаемые для пуль, и подкатил их к холму с трех сторон. Увидя это, казаки тоже укрепились, сделав насыпи из песка. Киргизы, подкатывая связки и стреляя из-за них, продолжали нападение три дня. Русские были в весьма тяжелом положении: без воды между раскаленным солнцем песком. Не вынося безводия (жажды) и жара песка, они три раза делали вылазки с холма к подкатываемым связкам. Однажды, когда они, стреляя из ружей, подбежали к связкам на длину веревки (?), вдруг появились лазутчики с известиями, ходившие к стороне Перовска. Джигиты Садыка, набранные им из ташкентских киргизов, стали проситься домой. Не находя возможным отказать в этой просьбе, султан Садык отступил, захватив с собою отбитых у русских лошадей и верблюдов.

В этом деле из войска султана Садыка было ранено сорок и убито двадцать два человека. Кроме убитых в начале дела шестидесяти человек, сколько именно русские потеряли убитыми, неизвестно. Оставшиеся в живых казаки встретили шедший из Хивы караван, сели на верблюдов и уехали в Казалинск¹¹¹.

Султан Садык вернулся во владения Бухары, остановился в кишлаке Тамды¹¹² и послал бухарскому эмиру донесение о совершенном им наезде. Эмир, чрезвычайно обрадованный этим, отрядил султана Садыка против рус-

ских к Гиш-купрюку в подмогу раньше высланному войску. Садык оставил Тамды; прошел Кызылкумами к Джизаку, а оттуда повернул к Гиш-купрюку. На этом последнем переходе он нечаянно встретил сотню русских, шедших из Джизака к Гиш-купрюку. Увидев друг друга, обе стороны вступили в перестрелку. Киргизы подоновились ближе; русские спешили всею толпою; примеру их последовали и люди Садыка. Произошла пешая схватка, продолжавшаяся час. Наконец русские отступили назад, ведя лошадей в поводу и упорно отстреливаясь. Садык не преследовал отступавших, а остался на месте боя.

В этой стычке у русских было убито двадцать человек, а сколько ранено — неизвестно; Садык потерял убитыми 25 человек, а ранеными — 40¹¹³.

Переночевав на месте стычки, султан Садык на другой день пошел к Гиш-купрюку, где и увидел, что русское войско уже разбило (?) бухарцев и они уже отступили¹¹⁴. Султан Садык пошел вслед за бухарским войском в Бухару, где и представился эмиру.

На следующий год генерал Кауфман двинулся с войском на Самарканд. Узнав об этом, эмир немедленно послал все свои войска к Самарканду, а султану Садыку с войском, набранным из степных киргизов, приказал двинуться в Нурата.

Здесь султан Садык набрал из киргизов тысячу человек и пошел по дороге к Самарканду. На пути встретили его какие-то люди и сообщили следующее: «Недалеко отсюда в горах живет гальча¹¹⁵ по имени Назар, он собрал около себя несколько бродяг и грабит всех встречных без исключения, наводя ужас на народ. На высокой горе у него имеется неприступная крепость. Он похитил у нас сто лошадей и триста верблюдов, но и кроме нас им ограблено много народа. Он не подчиняется ни русскому царю, ни бухарскому эмиру, а живет независимо и грабит всех, кого сможет». Выслушав это, султан Садык послал к Назару послов с требованием, во-первых, чтобы он возвратил народу отнятое имущество, а во-вторых, чтобы явился сам и покорился бухарскому эмиру. Назар-батыр ответил: «Мое независимое положение не уступает ничьему. Я не желаю никому покориться и не выдам отнятого имущества. Если султан Садык сможет, то пусть обрушит мою крепость мне на голову...»

Услышав такой ответ, султан Садык пошел в горы против Назара. Его крепость находилась на высокой горе, носящей название Нурек¹¹⁶. С двух сторон вели к ней

дороги столь узкие, что двум лошадям рядом не было возможности двигаться. Крепость казалась неприступною. Султан Садык, расположив свое войско у подножья горы, выбрал восемьсот самых храбрых джигитов, разделил их на два отряда до четыреста человек в каждом; над одним отрядом он принял команду сам, а другой поручил Джауке батыру из рода аргын. Каждый отряд двинулся по одной из двух дорог, которые вели к крепости с разных сторон. Все начали карабкаться к крепости пешие, и когда достигли ее, Назар батыр выслал людей к нападающим с обещанием выйти из крепости самому (без боя), если они возвратятся в свой стан. Султан Садык согласился и отступил. Назар батыр исполнил свое обещание, явился к нему с пятьюстами джигитов и, пробыв до вечера, выдал все отнятое у жителей имущество и заплатил за то, чего недоставало. На другой день он со своими пятьюстами джигитами присоединился к султану Садыку, и они двинулись на Самарканд.

Впоследствии Назар и султан Садык всегда находились вместе¹¹⁷.

В окрестностях Самарканда они узнали, что русские взяли Самарканд и подступили к Катта-Кургану.

Султан Садык присоединился к бухарскому войску в то время, когда оно выстраивалось, чтобы дать сражение русским. Вступив в сражение, обе стороны сначала стреляли из пушек и ружей, а потом, когда солдаты, беспрерывно стреляя из ружей, близко подошли к бухарцам, генерал Кауфман приказал атаковать. Бухарцы разбежались. Русские взяли их пушки и стали преследовать пеших сарбазов, которых и перебили множество. В это время султан Садык со своими людьми напал на центр русского войска, подойдя стороною. Пешие солдаты, не узнавая друг друга по причине пыли, поднятой лошадьми, пришли в смятение и бросились бежать назад, к главному войску. В этом нападении из солдат было убито семьдесят человек, из джигитов Садыка сто человек. Бухарское войско бежало без оглядки, но султан Садык ночевал близ места сражения, а на другой день двинулся и вошел в Бухару¹¹⁸.

После этого сражения война прекратилась; бухарский эмир заключил мир с русскими. Султану Садыку он приказал терпеливо ожидать разъяснения его отношений к русским и сделал его начальником над всеми киргизами и другими кочевниками, обитающими в степях и песках¹¹⁹.

Султан Садык поселился в степи между кочевниками.

Участие Садыка в возмущении Абдулмалика (Катта тюре)

Шахрисябские беки Бабабек и Джурабек отказались признавать власть эмира, так как он-де на стороне русских, и подняли эмиром его сына Абдулмалика тюре¹²⁰. Набирая войско против эмира в Гиссаре, Кулябе, Карши и многих других местах, они послали к султану Садыку послов, которые показали ему *фетву*, разрешавшую восвать, подписанную многими муфтиями и казиями. Садык и Назар собрали войско из киргизов, двинулись на Нурата и взяли его. Между тем бухарский эмир в войне с Абдулмаликом уже взял все (возмутившиеся) города, кроме Шахрисяба, который осаждал. Узнав о взятии Нурата Садыком, он выслал против него 5000 сарбазов и 8000 чел. конницы. Когда это войско пришло в Кермене, султан Садык и Назар двинулись к этому городу. Войско эмира вышло навстречу, и обе стороны, встретившись, начали стрелять из пушек и ружей. Вдруг султан Садык и Назар батыр бросились вперед со всем своим войском и атаковали бухарцев. Конница их немедленно бежала, но сарбазы со всею артиллериею остались, выслали парламентаров и сдались без боя. При виде этого бесжавший было конный отряд вернулся и тоже передался. К султану Садыку всего присоединилось 13.000 войска. Горожане Кермене отворили ворота и впустили Садыка в город.

Узнав об этом успехе султана Садыка, эмир выслал против него еще 10.000 чел. войска. Садык и Назар выступили из Кермене навстречу, но когда оба отряда сошлись, восначальники эмира вступили в переговоры с султаном Садыком. Они говорили: «Мы выступили против вас по приказанию эмира. Если вы не добиваетесь сами быть эмиром, а желаете только сделать эмиром Абдулмалика, то мы без боя перейдем на вашу сторону». Садык ответил, что желает сделать эмиром Абдулмалика, а не себя. Бухарские военачальники передались на его сторону; он дал им подходящие должности и вернулся в Кермене с присоединившимся к нему десятитысячным войском.

Узнав об этом, бухарский эмир, советуясь со своими приближенными сановниками, сказал: «Абдулмалик и шахрисябские беки все-таки свои люди. Но если мой престол

достанется султану Садыку, потомку киргизских ханов, пришедшему из Туркестанского края, то нам нелегко будет завоевать все обратно. Необходимо сначала одолеть Садыка»

Это мнение эмира было принято, и он оставил Шахрисяб. Вслед за эмиром двинулись Абдулмалик тюре, Бабабек валяями и Джурабек с войском и подчинили себе всю страну до г. Карши. Находясь в таком положении, эмир отправил из Бухары послов к генералу Кауфману с письмом. «С одной стороны — мой сын Абдулмалик, а с другой — султан Садык угрожают моему престолу. Помогите!» — писал он.

Генерал Кауфман пошел¹²¹ в Карши с трехтысячным войском на Абдулмалика тюре и заставил его бежать. Эмир двинулся против султана Садыка с большим войском. Узнав об этом, Садык собрал свои войска, выступил из Кермене навстречу эмиру и на другой день дошел до переправы, носящей название Узулус¹²². Эмир появился с другой стороны и начал переправлять свое войско. Обе стороны заметили друг друга. Султан Садык выстроил свое войско в боевой порядок на расстоянии *таша*¹²³ от переправы. Эмир сначала переправил свою конницу, удержав при себе пеших сарбазов и туркмен. Когда бухарская конница приблизилась к расположению войск Садыка, он быстро атаковал ее всею массой своей конницы, получившей приказание завязать рукопашный бой.

Конный отряд эмира после слабого сопротивления обратился в бегство и обратно переправился через реку. Видя это, эмир сам задумал бежать и сел уже на лошадь, но для удержания Садыка выслал к реке сарбазов и туркмен, которые, стреляя из ружей в пытавшихся переправиться людей Садыка, заставили их отступить.

Когда султан Садык возвратился в свой лагерь, то оказалось, что войска, набранные из жителей Кермене, Нурата и окрестных с ними кишлаков, разбежались, а с ним осталась только тысяча человек. Садык начал советоваться с Назаром и другими военачальниками. «Люди, набранные недавно из чужой нам страны, разошлись по домам, и нас осталась всего тысяча человек. Если мы даже и победим эмира и возьмем Бухару, мы не можем удержать в повиновении такую большую страну. От Абдулмалика, Бабабека и Джурабека не только нет помощи, но нет никаких известий. Сначала разузнаем о них и, только соединившись

с ними, двинемся на Бухару». После такого решения султан Садык отступил в Нурата.

Здесь получено было известие, что русское войско окончательно победило Абдулмалика. Султан Садык и Назар отправились по дороге в Ургенч¹²⁴. Во время этого передвижения Садык заболел и пролежал три месяца в горах Букан¹²⁵.

Поправившись от болезни, он поехал в Ургенч и представился хану. Ургенчский хан, оказав ему хороший прием, сделал его начальником над подчиненными ему кочевниками, киргизами и каракалпаками, жившими к востоку от реки до гор Букан¹²⁶. Для *дастархана*¹²⁷ он предоставил ему в пользование сад в тридцать танапов¹²⁸, называемый «Патша сайрам багы», и доходы с одного арыка.

Здесь султан Садык прожил четыре года, начальствуя над всеми киргизами Хивинского ханства, кочевавшими по одну сторону реки (по правую).

ГЛАВА IX.

Завоевание русскими Хивы и переход Садыка к туркменам

Весною 1873 года пришло известие, что генерал-губернатор Кауфман едет на Хиву с большим войском, тоже со значительным войском выступил к Хиве со стороны Астраханского моря и самарский военный губернатор генерал Веревкин¹²⁹. Хивинский хан дал султану Садыку войско из жителей подведомственной ему (Садыку) страны и из туркмен и двинул навстречу генералу Кауфману. Вслед за ним он послал своих обоих дуанбеги¹³⁰ Маднияза и Мадмурата с остальным войском. Все они расположились в уроч. Уч-Учак, на берегу реки, и стали ожидать генерала Кауфмана. Султан Садык имел под своим начальством семьсот киргизов и пятьсот туркмен, всего 1200 человек. С этим отрядом он выступил в пески по дороге в местности Адам Кырылган и Алты-Кудук¹³¹. На рассвете он встретил лагерь генерала Кауфмана и напал на него, но русское войско не подпустило близко, стреляя из пушек и ружей. Из войска Садыка пало от пуль три человека, после чего он отступил и присоединился к дуанбеги Мадниязу, стоящему в Уч-Учаке¹³² (в современной транскрипции Уш Ушак — три холма. — Прим.ред.).

Когда генерал Кауфман пошел по дороге к реке, дуанбеги Маданияз, Мадмурат и султан Садык выступили с Уч-Учака, двинулись навстречу и нашли генерала Кауфмана в Кызылкумах.

Рано утром они атаковали его. В безводной пустыне завязалась перестрелка из пушек и ружей; обе стороны, находясь в боевом порядке, сражались до вечера; бой не прекратился и по наступлении темноты, когда с обеих сторон зажгли большие костры¹³³. Перестрелка продолжалась всю ночь и до полудня следующего дня. В полдень генерал Кауфман повел свое войско по дороге к реке, стреляя на ходу из пушек и ружей; хивинское войско сопровождало его, двигаясь по обе стороны и тоже стреляя из ружей.

В полдень русские дошли до реки близ Уч-Учака и остановились, после чего дуанбеги Маданияз и Мадмурат отправились в Хиву, а султан Садык уехал в свой аул, поднял его и двинул вверх по р. Амударье к Чарджоу¹³⁴.

Отправив свой аул¹³⁵ к Чарджоу, султан Садык поехал к хивинскому хану, от которого узнал, что русские с двух сторон подступили к Хиве и что с ними уже вступили в переговоры. Садык простился с ханом с целью уйти к туркменам. Находясь в бухарских владениях и не имея возможности ехать к туркменам в жаркое время года, Садык распустил свое войско, состоящее из киргизов, и остался только с прислуживающими ему джигитами числом около сорока человек. С ними он поехал дальше, к Чарджоу, в свой аул, расположившийся на расстоянии двухдневного перехода от этого города. Догнав аул, он остановился позади него. В полдень появились двести человек, высланных против Садыка из Чарджоу, но они не посмели схватить его или напасть на аул, а, миновав его, расположились ниже верстах в двух. Султан Садык послал к ним джигита узнать, зачем они приехали. Прибывшие отвечали: «Нам приказано караулить с хивинской стороны». Они остались ночевать на занятом месте. Садык зарезал для них двух баранов и угостил их, а сам был настороже. Утром бухарцы послали гонцов в Чарджоу за помощью, а сами отошли ниже верст на пять, преграждая путь на Мерв. Понимая их намерение, султан Садык, посоветовавшись с джигитами, отправил ночью свое семейство в многолюдные кочевья близ Чарджоу, а сам, только с тремя джигитами, проехал мимо двухсотенного отряда, стоявшего близ переправы. Бухарцы не спали, но при виде Садыка не тронулись с места и не сказали ничего.

Благополучно миновав бухарцев, стоявших на переправе, Садык со своим аулом ночевал на расстоянии дневного перехода от того места, где весной этого года Садык провел новый арык и посеял тридцать батпанов пшеницы¹³⁶. Это место было отдалено от поселений и находилось выше (по реке) хивинской границы на трехдневный переход. Дойдя до этого места, на другой день они порешили, что в летний зной нельзя двинуться в Мерв; притом же и дороги туда они не знали. Надеясь на Бога, они остались здесь. Из мелкого леса, нарубленного в близлежащем тугае (заросли), они устроили шалаш для себя и для лошадей и прожили здесь два месяца до наступления прохладной погоды, стреляя фазанов, зайцев и сайгаков, и питались ими, а для корма лошадей жали пшеницу.

Однажды в полдень с туркменской стороны подошел конный отряд и остановился на берегу реки. Султан Садык, спрятавшись за деревьями тугая, начал следить за ним. Одежда прибывших походила на туркменскую, и вскоре султан Садык убедился, что это именно туркмены. Он вышел к ним из тугая в сопровождении трех джигитов. Туркмены сначала в испуге бросились к лошадям, чтобы быть готовыми на всякий случай, но потом, видя мирное приближение четырех человек, успокоились. Султан Садык, не слезая с лошади, отдал им *салем*¹³⁷. Оказалось, что это были шестьдесят туркменских наездников, враждебных Хиве. Между ними находился и Мухаммеднияз сардар; он во время пребывания Садыка в Бухаре приходил на помощь эмиру во главе 10 000 человек и несколько раз виделся с Садыком у эмира. Мухаммеднияз, узнав Садыка, побежал к нему, поздоровался, подержал лошадь и помог слезть, а потом разостлал конскую попону и просил сесть.

На его вопросы султан Садык рассказал все, что с ним случилось; некоторые из туркмен, слушавших его рассказ, проливали слезы из сострадания к его страннической жизни¹³⁸. Когда Садык, в свою очередь, спросил туркмен, зачем они приехали, они отвечали: «Мы выехали разорять и грабить народ, подчиненный Ургенчу; но теперь, когда мы встретились с вами, наши действия будут зависеть от вас». Султан Садык отвечал: «Если так, то пойдем к моим шалашам; дня два вы отдохнете сами и выкормите своих лошадей, а потом мы поговорим». Подходя к шалашам, туркмены увидели большое количество поспевающей пшеницы и начали весело снимать ее и кормить своих лошадей.

Пробыв здесь три дня, туркмены, посоветовавшись между собою, поехали назад в Мерв, взяв с собою султана Садыка:

на двенадцатый день пути по пескам они без всяких приключений достигли крайнего туркменского поселения. По прибытии дали знать мервскому хану Каушты хану, который поручил султана Садыка гостеприимству Гульжамал-аим¹³⁹, жены ахалтекинского хана Нурберды хана. Эта женщина славилась между туркменами своим умом. Ее гостеприимным кровом пользовались разные высокопоставленные лица, посещавшие Мерв. Так, например, афганский эмир Абдурахман хан, проезжая из своей родины в Ташкент, гостил у нее месяц; два месяца прогостил сын бухарского эмира Абдулмалик тюре во время бегства из Бухары в Афганистан; султан Садык прожил у нее семь месяцев¹⁴⁰.

Из Ахалтеке приехал к своей жене Нурберды хан. В это время ахалские и мервские текинцы, собравшись в одном месте в количестве пятисот кибиток, держали совещание, к которому привлекли султана Садыка. Они сказали ему: «Киргизы и туркмены имеют общее, родственное происхождение. Вы сын киргизского хана. Раз вы прибегли к нашему покровительству, мы, все туркмены, решили помочь вам общими силами для смывания с вас позора. Мы дадим вам 10 000 хороших конных джигитов под начальством десяти сардаров. С этими десятью тысячами сделайте набег на Чарджоу и привезите оттуда семейство эмира; мы променяем его на ваше семейство (?). Так мы решили единогласно¹⁴¹. Что вы на это скажете?» Султан Садык подумал: «Эти туркмены — народ буйный и разбойничий. Если они двинутся в числе десяти тысяч человек, то, конечно, возьмут Чарджоу, в котором заберут в плен семейства мусульман, и этот позор ляжет на меня до конца мира». Обдумав предложение, он не согласился на него и ответил: «Я очень польщен вами и благодарю за предложение, но принять его не могу. Отправьте меня лучше в Герат».

Нурберды и Каушты хан согласились, дали Садыку сорок человек провожатых и отправили его в Герат. После пятнадцатидневного пути он прибыл в этот город и представился начальнику его Якуп сардару¹⁴², сыну Шерали хана. Якуп сардар принял султана Садыка хорошо и держал его при себе три месяца, давая ему по 900 тенге¹⁴³ каждый месяц.

ГЛАВА X.

Пребывание Садыка в Кашгаре и возвращение в русские пределы

После трехмесячного пребывания в Герате Садык простился с Якуп сардаром и через Балх и Бадахшан проехал

в Кашгар и явился к Якупбеку, с которым был знаком раньше¹⁴⁴. Якупбек оказал ему почетный прием, дал звание омар-алыка (?) и выдал за него жену своего умершего сына, назвав его сыном¹⁴⁵.

По прошествии одного года Якупбек, оставив в Кашгаре сына своего Беккулыбека, которого он объявил наследником престола, сам со всем своим войском двинулся в Аксу, где и простоял долгое время¹⁴⁶. Между тем с другой стороны подошли китайцы.

Якупбек умер; смерть его была естественная¹⁴⁷ (не был отравлен).

Приближенные Якупбека, вопреки прежним указаниям его, из своей среды подняли ханом одного тюре по имени Хакимхан и двинулись назад, в Кашгар, где по получении известия о смерти Якупбека был провозглашен ханом Беккулыбек. Из Кашгара против Хакимхана выступило большое войско в двадцать пять тысяч человек под начальством Беккулыбека. Лучшие пушки и большинство опытного войска были в руках Хакимхана, почему борьба с ним была трудна.

Беккулыбек разделил свое войско на пять отрядов, по пяти тысяч в каждом, и назначил начальниками их: султана Садыка, Омаркула парванаши, Джамадара парванаши¹⁴⁸, Алдаша датху и Масаида пансата. В авангарде он приказал идти троим военачальникам: Масаиду, Алдашу и Омаркулу; позади них двигались Садык и Джамадар. На местности Маралбасы¹⁴⁹ авангард встретил войско Хакимхана и вступил с ним в битву. Сначала военачальники Беккулыбека имели успех, но напоследок Хакимхан тюре обратил их в бегство, отнял артиллерию, а часть людей взял в плен. Побежденные военачальники спаслись каждый только с тысячью человек.

Огорченный этим, Беккулыбек собрал ночью военный совет, на котором каждый из военачальников держался особого мнения.

Наконец султан Садык сказал: «Возвратиться отсюда нельзя. Если мы вернемся в Кашгар, то удержать за собою власть будет очень трудно. Положимся на Бога и будем продолжать сражаться».

Мнение Садыка понравилось Беккулыбеку; ночью он выступил с 13 000 чел. оставшегося у него войска и на рассвете атаковал Хакимхана, который успел выстроить свое войско. Началась пальба из пушек и ружей, и после семичасового боя из-под знамени самого Хакимхана было

взято 1700 чел.¹⁵⁰, после чего не устояло и остальное его войско и перешло на сторону Беккулыбека. После этого он двинулся на Аксу, пробыл там месяц и, подчинив себе все соседние города, возвратился в Кашгар.

Здесь он получил известие, что хотанский хаким (начальник) Ниязхакимбек восстал против него. Беккулыбек немедленно собрал войско и через двадцать дней похода подошел к Хотану. Ниязхакимбек, однако, не подпустил его близко к городу; он вышел навстречу с 25-тысячным войском за три таша (24 версты). Сблизившись с неприятелем, Беккулыбек выслал вперед султана Садыка и Алдаша датху с 10.000 чел. конницы. Они немедленно атаковали и быстрым, решительным натиском привели в беспорядок войско Ниязхакима, который, потерпев поражение, спасся бегством в китайские пределы. Беккулыбек вошел в Хотан, назначил нового начальника, описал казну и успокоил народ.

При первом своем взятии Кашгара китайцы поселили за городом, в особом предместье, всех китайцев, принявших ислам¹⁵¹. Теперь, во время похода Беккулыбека на Хотан, новообращенные мусульмане-китайцы, слыша о приближении китайской армии со стороны Аксу, составили заговор и привели его в исполнение: они ночью вошли в Кашгар и заняли его урду. Узнавши об этом, Беккулыбек оставил Хотан, подступил к воротам Кашгара и начал производить постоянные, но безуспешные нападения, продолжавшиеся сорок дней.

Однажды в полдень подошла многочисленная китайская конница и в завязавшейся битве разбила кокандцев¹⁵². Султан Садык со своим отрядом бился до последней ночи; наконец, видя, что на поле битвы не осталось никого из начальников, ночью отступил и он по направлению к Коканду, куда бежало все войско Беккулыбека.

Во время отступления на Садыка неожиданно напал большой китайский отряд. В завязавшейся перестрелке Садык был ранен пулею в руку, но не показал виду своим окружающим. Когда китайцы были отражены и удалились, он перевязал раненую руку и начал совещаться со своими джигитами. На совете каждый из них был отдельного мнения; наконец султан Садык сказал: «Я столько уже лет воюю против русского царя; убегая от русских, я ходил в разные стороны, но все безуспешно. Теперь я обессилен ранюю в руку и нигде не могу найти себе безопасного места; я принужден идти в русские владения. Россия —

сильное государство. Если по пословице — повинную голову меч не сечет — простят мою вину, то я поселюсь там и буду жить со своими братьями султаном Ахметом и другими. Иначе будь со мною то, что укажет Бог». Порешив так, он двинулся за отступавшими к русским пределам кокандцами¹³³.

Султан Садык перешел в русские пределы в Ошском уезде Ферганской области. Узнав о появлении в уезде раненого Садыка, уездный начальник донес об этом генерал-губернатору Кауфману; он выслал доктора, который в семь месяцев вылечил раненую руку.

По выздоровлении султан Садык был вызван в Ташкент, где ему объявили:

«Повинную голову не секут, не рубят. Великий государь прощает тебе твою прежнюю вину. Мы тоже прощаем. Живи в наших владениях где пожелаешь». Султан Садык благодарил и сказал, что он будет жить в г. Чимкенте у своего брата, младшего помощника уездного начальника Ахмета Кенссарина, что он и исполнил.

Последний шаг султана Садыка был разумен и весьма полезен ему по следующим причинам: 1) доктор вылечил ему руку; при странствовании в степи перелом руки не был бы исцелен и он, может быть, умер бы от раны; 2) получив прощение своей вины, он зажил между родными¹³⁴ и 3) по просьбе султана Ахмета генерал-губернатор Кауфман¹³⁵ вытребовал от бухарского эмира его семейство и возвратил Садыку. И так он воссоединился с женою и детьми.

Это описание составил султан Ахмет Кенесарин, первую часть по собственным сведениям, а вторую со слов султана Садыка.

Правильнее знает Бог.

Конец.

I.

Сведения об Аблай хане (1711—1781)

Аблай хан один из замечательнейших ханов Средней орды. Он происходил от Ишим хана, повелевавшего киргизскими ордами в половине XVII столетия и имевшего своею столицею г. Туркестан. По преданию, Ишим хан происходил из династии Шейбани, внука Чингисхана. В 1740 году Аблай хан, бывший в то время одним из влиятельнейших султанов Средней орды, принял подданство России вместе с ханом Абдул-Магометом (Абул-Магмет), в чем принял торжественную присягу в Оренбурге. После смерти Абдул-Магомета ханом Средней орды был признан Аблай хан и утвержден в этом достоинстве грамотою императрицы Екатерины Великой от 22 октября 1771 года. Он умер в 1781 году, на 70 году от рождения, и похоронен в гор. Туркестане.

Подчинение Аблай хана России было вполне номинальным. Повелевая почти всю Среднюю орду и частью Большой на правах неограниченного государя, он вел самостоятельные войны с джунгарами (калмыками) и кара-киргизами и дружил с китайцами, от которых получил титул китайского князя. Как человек Аблай хан отличался умом, хитростью и был талантливым, опытным правителем народа. (Подробности об Аблай хане см. в «Опис. киргизкайс. орд», соч. Левшина, т. 2, гл. V).

Предания, сохранившиеся в потомстве Аблай хана о происхождении его, следующие. Один из потомков Чингисхана, по имени Абульфайз хан, долго царствовал в Бухаре. Он имел 30 сыновей, из коих второй сын назывался Абулхаир ханом, у него был сын Сююнч-ходжа хан. Все они были эмирами в Бухаре. Во время царствования Абулхаир хана аталыком при нем был Мухаммед-Рахим хан из рода мангыт. Когда Абулхаир состарился, Мухаммед-Рахим составил против него заговор, убил его, истребил почти все потомство Абульфайз хана и захватил престол в Бухаре.

От избиения спасся только семилетний мальчик по имени Абулхаир. Его скрыл некий Уразалык сначала в гор. Туркестане, а потом в уроч. Кокчетау, среди киргизов Средней орды из рода караул. Здесь он был усыновлен одним богатым человеком по имени Даулетбай и носил имя Сабалака. В молодости занимался охотой, а потом принял участие в борьбе киргизов с калмыками и за оказанные подвиги был избран ханом над всеми киргизскими ордами под именем Абулхаир хана; имя это впоследствии было переделано киргизами в Аблай хана. Он вел ожесточенные войны с калмыками и кара-киргизами.

II.

Заметка о Кенесары

1844 г. был годом самой блестящей славы и могущества Кенесары. Как наездник-партизан он проявлял изумительную деятельность, сумел сгруппировать вокруг себя лучших джигитов-удальцов киргизских степей. Красиво одетый в бархатный бешмет с «полковничьими эполетами» на плечах, с знаменщиком позади, сопровождаемый наездниками-кольчужниками с длинными, колеблющимися пиками, Кенесары скакал всегда впереди своих скопищ, легко разбивая стремительностью своих атак ополчения враждебных киргизских родов и султанов-правителей, которые в конце концов бежали из степи на оренбургскую казачью линию и «маячили» близ нее.

Вид удалого предводителя, часто рисковавшего жизнью под залпами оренбургских линейных батальонов и пушечною картечью, разносившийся далеко по степи гул копыт масс легкой кавалерии, украшенной разноцветными знаменами и значками, веселые пиры со скачками после удачных набегов, большие охоты в степях на зверя и птицу, удалые отдельные подвиги Наурызбая и других сподвижников — все это сильно поражало воображение киргизского народа и расшевеливало в нем дремавшие инстинкты старой воинственности. Если бы с востока и запада не наступал сильный враг с неодолимым строем своих батальонов, с пушками и ловкою политикою, если бы сам Кенесары не был так легкомыслен, бестактен и меньше увлекался грабительскими инстинктами, он мог бы сплотить вокруг себя все три орды и быть вполне грозным ханом степей своего предка Шейбани и быть весьма опасным для тогдашних

государств Средней Азии: Коканда, Бухары и Хивы. Но в нем, при талантах военного человека, не было таланта правителя, что и спасло Среднюю Азию от крупных изменений в ее политическом составе.

Упомянутое в рассказе пленение семейства Кенесары, по нашим сведениям, произошло на р. Жиланчике и совершенно одним из сибирских отрядов. Так как и Кенесары, со своей стороны, захватил в разное время в плен много русских, то в 1845 году Оренбургское начальство вступило с ним в переговоры, и для обмена пленных в степь был выслан отряд под начальством поручика генерального штаба Герна, который возвратил Кенесары его жену и родственников, а от него получил русских пленных. («Киргиз. ст.», соч. Мейера).

III.

Заметка о смерти Кенесары

По сведениям, собранным в Аулие-Атинском уезде, подробности смерти Кенесары обрисовываются следующим образом.

Кенесары со своими сподвижниками Наурызбаем и Худайменде был взят в плен на третью ночь после начала блокады на холме Кеклик Сенгир; Эрджан Сарыджанов взят в плен за три дня ранее, в то же время с ним были захвачены Худайберген Беатов (впоследствии зауряд-майор), Байзак, Медеу, Калабай, Джаугаш и многие другие. По удостоверении личности Кенесары Худайбергенем, он был убит вместе с Худайменде, Эрджаном, Наурызбаем и другими на третий день плена. Как именно был убит Кенесары — неизвестно, но достоверно то, что он не был сварен живым в котле, как об этом рассказывают некоторые (напр., г. Маев; см. «От Ташкента до Верного», ежегодник, вып. 2, стр. 347). Несомненно только одно: Кенесары подвергали истязаниям и насмешкам главным образом потому, что он объявил себя ханом и требовал от кара-киргизов себе подчинения как хану.

IV.

Битва под Узун-Агачем

Автор рассказывает об одном из самых блестящих дел нашего оружия при первом движении в Среднюю Азию. Сражение известно под названием боя под Узун-Агачем и

происходило 21 октября 1860 года. Под начальством подполковника Колпаковского имелись три роты пехоты, четыре сотни казаков, два пеших батарейных орудия, четыре конных и два ракетных станка (а не семь орудий, как говорит автор). Бой происходил на берегах речки Кара-Кастек. Сойдясь с армией Канагатшаха, подполковник Колпаковский, сознавая, что в войне с азиатами не столько необходима численность войска, сколько смелость и неожиданность атаки, выдвинул на пушечный выстрел артиллерию под начальством храброго штабс-капитана Обуха (в чине подполковника смертельно ранен при первом штурме Ташкента 2 октября 1864 г.; умер в г. Чимкенте; в 1883 году тело его перенесено в Ташкент и похоронено у новоотстроенного собора), под прикрытием стрелков и казаков, приказал открыть огонь по многочисленным скопищам. Удачное действие нашего артиллерийского и нарезного ружейного огня, на который кокандцы отвечали стрельбою из фальконетов и турок, заставило неприятеля, постепенно переходя с одной возвышенности на другую, отойти за реку Кара-Кастек. Во время этого отступления штабс-капитан Обух, ввезя быстро одно орудие и один ракетный станок на крутую сопку, нанес неприятельским колоннам на близком расстоянии сильные поражения.

Двинувшись вслед за отступавшими кокандцами, отряд перешел на левый берег Кара-Кастека и следовал вверх по долине этой реки, где подполковник Колпаковский намерен был дать небольшой отдых войскам. Между тем скопища кокандцев, которых вначале было до 5 тыс., постепенно усиливаясь, начали обходить наши войска с обоих флангов и даже появились с тыла. Таким образом незначительный отряд наш был в этот момент боя окружен со всех сторон бесчисленными толпами неприятеля. Но и здесь удачное действие нашей артиллерии по ближайшим неприятельским колоннам и смелые атаки казаков под командою храброго есаула Бутакова, поддержанные пехотою, вновь рассеяли эти скопища, причем кокандцы во время поспешного отступления не успевали подбирать трупы убитых. В продолжение времени этих действий появились со стороны нашего правого фланга две сильные неприятельские колонны, из коих одна, состоящая из пехоты, одетой в красные мундиры и в персидские черные с красным верхом шапки, заняв высоты, открыла огонь из фальконетов и турок. Когда отряд под прикрытием густой цепи стрелков был двинут для атаки этих высот, задняя цепь, выставленная для обеспечения нападений с тыла, была ата-

кована конными неприятельскими толпами. Но атака эта была вовремя отражена удачным действием артиллерии и казаков под начальством поручика Врончевского. Цель же, свернувшись в кучки и отбиваясь штыками, продолжала следовать за отрядом, двинутым для атаки высот. По достижении их стрелки, наступавшие в голове отряда, под сильным неприятельским огнем немедленно выбили штыками засевших на хребте пеших кокандцев и захватили много брошенного бежавшими оружия, в том числе несколько турок большого калибра. В происшедшей здесь рукопашной схватке офицеры, бывшие в цепи, одушевляя нижних чинов, в упор били кокандцев из своих револьверов. Подоспевшая артиллерия, произведя губительное действие в неприятельских рядах, совершила поражение этой колонны. Подобной участи подверглась и другая неприятельская колонна из пеших сарбазов, с необыкновенной отвагой шедшая для атаки нашего правого фланга с распущенными знаменами, барабанным боем и звуком труб. При отражении этой колонны смело и удачно действовала артиллерия под командою поручика Курковского, после чего неприятель поспешно стал отступать на всех пунктах.

Потери неприятеля в этом деле простираются до 1500 чел. убитыми и ранеными.

В бою неприятель, сверх ожидания, оказал весьма упорное сопротивление: атаки его были весьма настойчивы, и он неоднократно с остервенением бросался в рукопашную схватку (донесение генерала Гасфорта 10 ноября 1860 г.).

Поражение Канагатшаха имело решительное значение для нашего влияния в Заилийском и в Зачуйском краях: с этого времени ни кокандцы, ни враждебные нам киргизы не помышляли уже о серьезных наступательных действиях на эти местности (см. рукоп. матер. для «Опис. хивинск. похода», ст. А. Шепелева, «Очерк воен. и дипл. снош. России с Сред. Аз.»; изд. на прав. рукописи, Ташкент, 1879 г.).

V.

Причины движения русских отрядов в культурную часть Средней Азии

Одновременное наступление в июне 1864 г. отрядов полковника Веревкина со стороны Сырдарьинской линии и полковника Черняева со стороны Алатауского округа есть

начало выполнения плана, необходимость которого сознавалась еще в эпоху крымской войны. Для водворения полного спокойствия и порядка в зауральских киргизских ордах требовалось занять южную окраину киргизских степей и тем предохранить их от влияния враждебных нам кокандцев и киргизов Большой орды, кочевавших в ташкентском, чимкентском и аулие-атинском районах. Один взгляд на карту показывает, что между линией Сырдарьинскою и Сибирскою, крайними передовыми пунктами которых были укрепления форт Перовский и Верный, оставался открытый промежуток на пространство в 900 с лишком верст. Это были, так сказать, обширные ворота, через которые кокандцы и подвластные им киргизы могли во всякое время и безнаказанно проникать вовнутрь наших степей, прерывать сообщения линий, грабить и волновать подданных нам кочевников. Лежавшая вблизи наших передовых укреплений кокандская крепостница служила постоянно угрозою спокойствию мирных киргизов, так как малочисленность наших гарнизонов не позволяла им далеко отдаляться от укреплений для защиты преданного нам кочевого населения от неприятельского населения.

«Естественным средством для окончательного успокоения киргизской степи и обеспечения ее от вторжения грабительских шаек с юга представлялось соединением оконечностей обеих линий, замкнув, таким образом, нашу южную границу на всем пространстве от форта Перовского до Верного» (Рукопис. матер. для «Описан. хивин. пох.», ст. А. Шепелева «Очерк воен. и диплом. снош. России с Сред. Аз.»).

Как результат удачного действия оренбургского и сибирского отрядов было образование, в 1864 г., Ново-Кокандской линии, а затем Туркестанской области в 1865 году.

VI.

Взятие русскими гор. Туркестана

Изложенное здесь описание осады и взятия гор. Туркестана в общих чертах согласно с донесением полковника Веревкина от 19 июня 1864 г. В этом донесении о действиях Садыка, между прочим, говорится следующее: «Еще несколько дней тому назад ходили довольно достоверные слухи о намерении Сузака и Ташкента помогать против нас Туркестану. 10 числа слухи эти отчасти оправдались

вступлением в Туркестан Садыка со 120-ю кольчужниками, составлявшими соединенные гарнизоны Сузака и Чулак-Кургана. Вследствие таких обстоятельств решено было вести атаку как можно энергичнее и быстрее.

Садык, перейдя Джамантаг, направился сначала на Карнак, но, сведав близ последнего о начале нашей осады, повернул влево и, обойдя южную отлогостью гор, вышел на ташкентскую дорогу: Высланный против Садыка есаул Савин с своею сотнею не мог отрезать его от ташкентских ворот, так как Садык при встрече находился к воротам ближе есаула Савина и каждый раз, когда казаки производили атаки, отступал под огонь с крепостных стен, стараясь завлечь за собою и казаков».

Траншейные работы для подступа к городу начались в ночь на 11 июня; с этого же времени гарнизон начал производить частые и энергичные вылазки, направленные как на линию осадных работ, так равно и на лагерь отряда. Вылазка Садыка и Курбанжана произведена, очевидно, в ночь на 12 число. Кокандцы выслали из крепости массы конных и пеших людей; последние приближались к траншеям пешком. Подпустив кокандцев на самую близкую дистанцию, люди 3-й и 1-й рот открыли меткий огонь, и неприятель бежал, направляясь к передовому рву крепости, но часть кавалерии, испуганная прилетевшим с батареей нашей ядром, ринулась влево и наткнулась на траншею. Спешившись, кокандцы вскочили в самый ров траншеи и бросились на солдат с шашками и кистенями, но все были исколоты штыками, причем с нашей стороны сильно ушиблен только один рядовой.

Только что окончилась первая вылазка, как со стороны бархана показалась огромная масса кокандцев со знаменем, решившихся еще раз испытать нападение на работы наши с левой стороны. И здесь огонь открыт с самой близкой дистанции; с первых выстрелов знамя упало, нападавшая толпа смешалась, повернула назад и, преследуемая выстрелами, поспешно удалилась в крепость.

Туркестан сдался 12 июня утром, стало быть, немедленно после отбития нашими войсками энергичных вылазок гарнизона, а не пять дней спустя, как говорит автор. Потеря наша состояла из 5 чел. убитых и 33 раненых и контуженных; в числе убитых был один офицер генерального штаба капитан Каховский.

Далее из донесения полковника Веревкина видно, что Садык «отправился к своим кочевникам и прислал своих

братьев с изъявлением покорности и с просьбою о помиловании». Факт этот удостоверяется отставным действ. ст. совет. Груздзем и другими, но автор об этом не упоминает. Прислав своих посланцев, Садык почему-то изменил свое намерение и не довел дела до конца. Надо предполагать, что причиною этою был приход муллы Алимкула в Чимкент во главе значительных скопищ.

VII.

Бой под Ак-Булаком

Дело касается известного боя под Ак-Булаком (иначе Алтынтюбе), происходившего 15 июля 1864 года между Армиею муллы Алимкула и отрядом генерального штаба капитана Мейера и едва не кончившегося гибелью последнего.

Сведая о том, что кокандцы, собрав большие силы в Ташкенте, двинулись к Чимкенту, откуда намеревались половину войск послать в Аулие-Ату, а другую половину к Туркестану, генерал Черняев сам выступил навстречу, к Чимкенту. В то же время он просил начальника Сырдарьинской линии, полковника Веревкина, оказать ему содействие. Отряд был послан под начальством капитана Мейера, который встретил неприятеля за р. Арысь к вечеру 13 числа. По донесению капитана Мейера, позиция, занятая в сумерки в этот день, была очень неудачна; она представляла только возможность действовать картечью и имела воду, которую кокандцы, впрочем, сумели впоследствии отвести в другую сторону. По частным сведениям известно, что офицеры отряда требовали перемены позиции, но что требование не было удовлетворено и отряд был окружен превосходящими силами кокандцев, занявших окружающие высоты. Атаки их начались в 8 час. утра на другой день.

Капитан Мейер доносит об этом следующее¹⁵⁶.

«Густые толпы конных и пеших кокандцев заняли высоты и скоро начали спускаться вниз, осыпая нас фальконетными и ружейными пулями. С начала утра мы занялись устройством покрытия из имевшихся у нас тяжестей и провианта, разместив орудия по углам каре, а в один угол, к которому небольшие барханы подходили особенно близко, поставили, кроме того, ракетный станок. Из фасов каре один, занятый казаками, был прикрыт мокрым рвом, а около двух других пролегли небольшие сухие канавки.

Еще до занятия позиции кокандцами я распорядился сделать фуражировку и собрать сено и солому для корма скота, что было успешно исполнено на виду неприятеля есаулом Савиным, равно как запрудил канаву, чтобы сохранить начавшую убывать воду.

В таком положении находился отряд, когда со всех сторон бросились на него толпы неприятеля. Сперва мы встретили их гранатами и ядрами, а потом картечью и ружейным огнем. Натиск был отбит, но кокандские стрелки засели в неровной местности и завязали с нами весьма живую перестрелку. Чтобы прекратить ее, охотники из линейных войск и из казаков под начальством прапорщика Овчинникова и хорунжего Павлова бросились на ура и выбили стрелков из ближайших оврагов. Этому наступательному движению много способствовало то обстоятельство, что кокандская кавалерия, бросившись на выручку своих стрелков, попала под огонь орудий. Нижние чины так ожесточились, что не было никакой возможности воротить их ни голосом, ни сигналами; наконец, хорунжий Бороздна сам вызвался идти один догонять цепь, чтобы отозвать ее, что исполнил с полным успехом, так, что мы не потеряли ни одного человека. На другом фазе кокандские стрелки почти так же беспокоили нас своими выстрелами; охотники с тем же хорунжим Павловым и здесь выгнали их из рва штыками, но при обратном движении был ранен один казак. Эти два наступательные покушения с нашей стороны освободили нас на весь день от неприятельской стрельбы на близком расстоянии, но зато высоты и дальние рвы были заняты фальконетами и крепостными ружьями, поддерживающими немолкаемый огонь.

После полудня кокандцы поставили три орудия на высотах и первый снаряд, пролетевший через наш лагерь, произвел поражающее моральное впечатление: его взорвало, и все увидели, что мы имели дело с неприятелем, какого сырдарьинские войска еще не встречали. Тотчас мы начали принимать меры к улучшению нашего прикрытия, сняли седла с верблюдов и самих этих животных положили снаружи, а убитый скот и вообще все, что попало, врывали в возводимый нами бруствер. Хотя вскоре прапорщику Тихонову удалось заставить замолчать одно орудие, но гранаты неприятеля ложились и рвались весьма удачно; сбить же орудия, по высокому их положению, и сберегая наши снаряды, не было никакой возможности. Угрожавшая явная опасность от пожара побудила сотника Крымова,

несмотря на усиленный огонь неприятеля, принять меры к скрытию зарядных ящиков, сняв их с колес и зарыв по возможности в землю. Для исполнения этих работ и устройства бруствера и траншеи у нас имелось во всем лагере 8 лопат (из коих четыре негодных) и 4 мотыги. Падший от гранат скот послужил нам в пользу: его укладывали рядами для составления закрытия наших стрелков и казаков. Трудность положения вызвала необыкновенные меры: мы закладывали в бруствер даже наших убитых.

К вечеру неприятель прекратил артиллерийский огонь, но тревожил нас до наступления темноты своими ружейными и фальконетными выстрелами. Потеря наша в этот день была весьма значительною, но солдаты не унывали и, по совету подпоручика Сукорко, в течение всей ночи рыли землю штыками, тесаками, а более всего руками. Ночь прошла без покушений со стороны неприятеля, и к утру наш маленький лагерь был обнесен небольшим валом, и орудия стреляли через банк.

С рассветом, 15 числа, очевидно стало, что неприятель хочет сделать решительный приступ. Он вскоре открыл огонь из орудий, но неудачнее первого дня: гранаты рвало слишком рано, серьезного вреда они нам не нанесли, так что пальба прекратилась. Вслед за этим стрелки его начали опять занимать рвы и неровности перед лагерем, а против одного из фасов сгруппировались сарбазы (иначе кызыл басы, гвардия) числом около 500 чел., с четырьмя значками. Появление этого правильно организованного, однообразно и красиво одетого и совершенно обученного войска произвело заметное впечатление на наших солдат. Между тем во время наступления кокандцев стрелки их поддерживали живейший огонь по всему лагерю, и только примерное хладнокровие и спокойствие наших офицеров удерживало солдат от бесполезной пальбы по скрытому неприятелю. Кавалерия в то время заняла ближайшие высоты, и очевидно стало, что наступила решительная минута. По всему лагерю строжайше приказано стрелять только в упор, вынуть патроны из сум и иметь снаряды у орудий наготове. Несколько выстрелов гранатами по лагерю показали нам момент приступа, который действительно начался со всех сторон с оглушительным криком. Как по команде, войска наши выскочили из ровиков и открыли такой убийственный огонь, что неприятель падал кучами; быстрое же действие картечью сделало то, что неприятель оставил груды трупов, причем с ними смешалось немало и живых, не могших

подняться от испуга попасть под град пуль, летевших по всем направлениям. Лагерь наш около 10 минут стоял как в огне, наконец кокандцы побежали; только сарбазы, хотя и обратились назад, но снова заняли углубления против одного из фасадов и продолжали перестрелку. Этот не очень частый, но меткий огонь стоил нам сперва прапорщика Овчинникова, здесь вторично раненого, а потом сотрудника его, прапорщика Снегоцкого, раненого в то время, когда он уговорил солдат не тратить даром заряды.

При отбитии этого штурма нами взято одно шелковое знамя; один значок и некоторое оружие, которое я роздал взявшим его нижним чинам.

Несмотря на страшный урон, нанесенный неприятелем, выстрелы сарбазов не давали покоя и вызывали нас на перестрелку, которая была для нас тем не выгодна, что заряды надо было беречь донельзя. Понимая, что эта пальба имеет единственной целью облегчение уборки тел убитых, я предложил кокандцам прекратить пальбу и убрать своих убитых и раненых, что было немедленно ими принято; к этому меня побуждало еще то обстоятельство, что при настоящей знойной погоде, окруженные нашими убитыми животными, мы были совершенно не в состоянии выдержать зловоние от такого количества новых трупов; наконец, стоячая вода в нашей канаве, уже принявшая красноватый оттенок от крови, от гниения в ней убитых, сделалась бы окончательно негодною. Уборкою тел начальники кокандцев воспользовались, чтобы прислать мне письмо, которое мой переводчик киргиз принял адресованное ко мне и вообще перевел его неверно; вместе с тем они просили словесно объяснить причину моего прихода; я отвечал им, как видно из прилагаемой копии. К такому ответу побуждало меня много обстоятельств: во-первых, небольшое количество оставшейся у меня картечи и зарядов, во-вторых, дурное состояние воды и воздуха, в-третьих, значительные повреждения, начавшие показываться в деревянных частях орудий, и, наконец, неприбытие отряда полковника Черняева.

Ночь с 15 на 16 мы употребили для сбора нашей разбросанной и поврежденной клажи и на устройство фур для раненых; с великим трудом мы собрались к 9 часу утра и тронулись обратно. Но между тем стало ясно, что со стороны Чимкента подходит отряд полковника Черняева, а потому я решился остановиться на первой позиции с водою, куда после полудня прибыл посланный из отряда

полковника Лерхе, шедшего на соединение со мною. Посланный этот привез мне приказание присоединиться к этим войскам, что я и исполнил в тот же день.

Лучшим доказательством нашей опасности служит параллель между силами и потерей неприятеля и нашей. У кокандцев было на поле сражения, по моему исчислению, 10.000 чел., а по их собственному сознанию — 12.000 человек; потеря их, по их же словам, только во время последнего нападения одними убитыми была 513 человек, так что общий итог выбывших в эти два дня из строя можно полагать до 2.000 чел.; у нас же было всего с офицерами и нестроевыми 405 чел.; потеря ранеными 2 офицера и 37 нижних чинов, контуженными 2 офицера и 21 нижний чин и убитыми 13 нижних чинов; кроме этого, ранено у нас 5 киргиз, т. е. всего 80 человек».

Из этого донесения не видно причины, почему именно кокандцы прекратили свои нападения на изнемогавший отряд и дали ему возможность если не отступить вовсе, то по крайней мере переменить позицию, что впоследствии дало повод к толкам о том, что начальник отряда, будто бы, был недалек от мысли сдаться неприятелю. По словам некоторых участников дела, ничего подобного не было. Общая неудача дела, происшедшая от дурно выбранной позиции, больших потерь, гранатного огня, впервые встреченного у кокандцев войсками Сырдарьинской линии, многочисленности неприятеля, поставившего отряд в отчаянное положение своими энергичными атаками, и, наконец, сношения с Алимкулом, допустившим отступить отряду, все это невольно поставилось в укор и осуждение начальнику, которого с 400 чел. необдуманно выдвинули против всей кокандской армии. Во всяком случае, если Алимкул и одержал победу, заставив отряд отступить, то это была победа Пирра и по своим результатам равнялась одержанной им впоследствии победе над уральскою сотнею под Иканом, т. е. повела не к укреплению духа среди кокандских войск, а к деморализации.

Между тем причины прекращения атак отряда капитана Мейера Алимкулом объясняются следующим: а) огромною потерю, понесенною нападавшими; б) обязательством капитана Мейера отступить к Туркестану, в чем, собственно и нужно видеть результаты победы больше нравственной, а потому и особенно обидной, и в) действиями отряда Черняева, наступавшего с севера, во фланге расположения армии Алимкула.

В своем донесении от 8 августа 1864 г. генерал Черняев, между прочим, говорит: «В ночь с 12 на 13 июля посланный мною в Туркестан почтарь возвратился с письмом от генерального штаба капитана Мейера, командовавшего отрядом, высланным из Туркестана к Чимкенту. Узнав о малочисленности отряда капитана Мейера, я немедленно двинулся правым берегом Арыси к нему на соединение, делая по 45 верст в сутки и вместе с тем послал ему уведомление, чтобы он или ожидал моего прибытия, или же, если представится возможность, двигался ко мне навстречу, дабы нам соединиться вне расположения кокандских сил.

В ночь с 14 на 15 число мною получена была записка капитана Мейера с уроч. Ак-Булак. Но имея достоверные сведения о численности неприятеля, я тотчас же отправил к нему на рысях всю имеющуюся в отряде конницу, состоящую из 75 конных стрелков и 50² казаков с двумя конными орудиями под начальством войскового старшины Катанаева, который, пройдя более 30 верст, был в свою очередь атакован кокандцами при верховье Бурджара, не допустившими его верст на 5 до капитана Мейера.

Услышав довольно частую пальбу из орудий, я с другим взводом конной артиллерии, при 25 конных стрелках и 30 чел. киргизской милиции, отправился по следам Катанаева и, приблизясь к нему версты на полторы, действием артиллерии заставил кокандцев отступить, после чего также замолчали и слышанные доселе нами выстрелы со стороны туркестанского отряда. Но спустя некоторое время показались новые неприятельские колонны, которые после нескольких удачных выстрелов приостановились. Прибывшие ко мне 30 чел. стрелков на лошадях наших милиционеров и на обозных повозках, а также подоспевшая вслед за сим стрелковая рота № 8 батальона дали мне возможность перейти в наступление и принудить неприятеля бежать к кургану Алтынтюбе, верстах в 8 от Чимкента.

Выждав при арыке Кызылсу прибытия остальной части отряда, мною был выдвинут против находившихся перед нами кокандских колонн дивизион батарейной батареи с двумя ротами под начальством подполковника Лерхе, который, разогнав новые скопища, прибывшие со стороны позиции капитана Мейера, занял весьма выгодную позицию при упомянутом кургане, куда стянут был весь отряд.

Совершенное изнеможение людей от усиленного переезда по безводному пространству при жаре 40° не позволяло

мне в этот же день соединиться с капитаном Мейером, тем более что наступила уже ночь, а прекратившаяся канонада и потянувшиеся оттуда к Чимкенту скопища убедили меня, что они вне опасности. С рассветом же 16 числа в виду отряда открылись два неприятельские лагеря: один от 2 т. до 3 т. под начальством Мынбая, одного из главных представителей кыпчакской партии, а с другой — от 4 т. до 6 т. под начальством самого регента ханства муллы Алимкула.

Так как последний лагерь был на пути нашего соединения с туркестанским отрядом, то мною приказано подполковнику Лерхе с 3 ротами пехоты, при 2 конных и 2 горных орудиях и сотнею стрелков разогнать этот лагерь, дойти до капитана Мейера и, по соединении, вместе с ним немедленно возвратиться в отряд». Подполковник Лерхе соединился с капитаном Мейером и 17 числа возвратился в лагерь отряда генерала Черняева.

VIII.

Рекогносцировка гор. Чимкента

Дело, очевидно, касается одного из эпизодов рекогносцировки Чимкента, произведенной генералом Черняевым 22 июля. В своем донесении от 8 августа генерал Черняев говорит: «22 июля, окопав лагерь рвом и оставив там для прикрытия обоза и больных туркестанский отряд под командою капитана Мейера, я с вверенными мне войсками и 50-ю оренбургскими казаками двинулся для рекогносцировки Чимкента. Чтобы воспрепятствовать в этом, выслана была против нас почти вся неприятельская конница в числе от 15 до 18 тыс. при нескольких десятках фальконетов. Окруженный со всех сторон этой массой скопищ, отряд наш, казавшийся горстью, прочистил себе дорогу к Чимкенту и подошел на такое расстояние, с которого можно было обозреть его.

Чимкент состоит из небольшой, но довольно высокой цитадели и города, обнесенного рвом и невысоким бруствером. Вблизи города, с западной стороны, есть командные высоты. Во время обозрения Чимкента для того, чтобы обнаружить расположение неприятельских батарей, выдвинут был мною сажень на 150 вперед отряд и на 400 от крепости дивизион батарейной батареи с двумя ротами по командою подполковника Лерхе. Неприятельская батарея из 8 орудий открыла немедленно огонь по дивизиону, н

вскоре два орудия были подбиты, а выстрелы остальных сделались заметно реже.

Окончив рекогносцировку, я предпринял обратное движение, сопровождаемый со всех сторон неприятельской конницей, которая, наткнувшись два раза на картечь и потерпев при этом сильный урон, оставила нас в покое, не доходя 3 верст до лагеря, где во время отсутствия отряда все было благополучно. В движении этом не потеряно ни одного человека, ранены весьма легко трое, оставшихся в строю. Неприятель же по сведениям, доставленным бежавшими из Чимкента киргизами, потерял в этот день до 400 чел., в числе которых Мынбай, а во все время действий под Чимкентом потеря их доходит до 3 т. Простояв еще на Алтынтюбе сутки, я двинулся со всеми войсками, для безопасности капитана Мейера, по туркестанской дороге до Арыси, дал ему в помощь стрелковую роту № 5 батальона с горным орудием под командою артиллерии поручика Абрамова и, сделав в этом месте для их прикрытия дневку, двинулся обратно к Аулие-Ате правым берегом вверх по Арыси как для снятия этой местности, так и для того, чтобы пройти среди кочевьев кокандских киргиз рода сергали, разбивших наши почты и вообще принимавших весьма деятельное участие в помощи кокандцам. На пути этом мною были получены сведения, что часть скопищ кокандских, состоявших также из киргиз, уже начала расходиться».

IX.

Бой под Иканом

В своем рассказе автор не упоминает о неудачной попытке генерала Черняева штурмовать Ташкент, бывшей 4 октября 1864 года. Но, очевидно, именно эта попытка заставила регента кокандского хана муллу Алимкула собрать войска в Фергане и двинуться на выручку Ташкента. Неудача, которую потерпел русский отряд под стенами города, ободрившая несколько упавший дух кокандцев, и растянутость вновь образованной нами новококандской линии, охраняемой отрядами, расположенными в гг. Туркестане и Чимкенте, и, наконец, деятельная, предприимчивая натура Алимкула — все это заставило начальника кокандских войск перейти в наступление. Из рассказа видно, что предприятие велось весьма скрыто и ловко и если не увен-

чалось полным успехом, то по причине необыкновенной стойкости уральской сотни Серова и дурному качеству кокандских войск. Иканская победа оказалась для кокандцев хуже поражения, вселив в них убеждение, что если тысячи воинов не могли одолеть сотню «русских казаков», то что же может произойти, если русских явятся тысячи?

Иканское дело прекрасно описано есаулом Серовым в его донесении коменданту г. Туркестана 8 декабря 1864 года:

«Командированный предписанием от 8 декабря за № 8 53 и получивши личные приказания вашего высокоблагородия, того же дня часа в два пополудни выступил с вверенной мне сотнею в деревню Икан, всего в числе 2-х обер-офицеров, 5 урядников, 98 казаков, 1 фельдшера, с 2 вожакими из волонтеров, при одном горном единороге, 4-мя артиллеристами и 1 фурштате.

Сотня была вооружена нарезными ружьями, а для поднятия тяжестей находилось при отряде 13 верблюдов.

По выступлении из города встретился между садами киргиз из волонтеров Ахмет, который сообщил, что за Иканом видел кокандцев, но в каком числе, он, Ахмет, положительно не знал; о чем я тотчас же дал знать вам через казака Андрея Борисова, с которым потом получил приказание идти на рысях, что и было с точностью исполнено. Далее, за окрестными садами встретились еще двое почтарей-киргиз, возвращавшихся из Икана (у одного из них была ранена лошадь); причем они передали мне, что были встречены кокандцами и вернулись обратно; не основываясь на их показаниях, я продолжал следование, а между тем послал с этим известием к вам казака Платона Добринина, который возвратился и передал приказание продолжать следование, во время когo ни авангардом, ни боковыми патрулями неприятель замечен не был; а не доходя версты 3 до Икана (что было под вечер), в окрестностях виднелись огни, и более с правой стороны; догадываясь, что это был неприятель, я тотчас же остановился, послал вперед одного вожака-киргиза разузнать, действительно ли это кокандцы и в каком числе. Но посланный тут же вернулся в отряд и передал, что встретил неприятельский разъезд, человек 4-х; почему немедленно сделано небольшое отступление на замеченную случайно раньше позицию. Пройдя не более полверсты, отряд моментально был окружен огромными скопищами кокандцев, которые с гиком начали нападать. Не находя возможности держаться,

на лошадях и продолжать отступление, я живо спешил отряд, приказавши наскоро сбатовать лошадей, залечь в небольшую канаву, а с открытых сторон устроить завалы из мешков с провиантом и фуражом и из всего, чем можно было оградиться, поставив в то же время на одном из фасов единорог.

Предупредив казаков не тратить зря выстрелов и подпустив неприятеля на самую близкую дистанцию, разом был сделан залп из ружей и единорога (из последнего даже успели выпустить два выстрела картечью), что и заставило неприятеля со значительным уроном отступить в сильном беспорядке и уже потом снова повторять неоднократные нападения, которые были, однако, совершенно безуспешными; причем, чтобы показать неприятелю численность своего отряда и его вооружение, мы старались передвигать единорог с одного фаса на другой и делать выстрелы.

Отойдя и построившись в правильные колонны, неприятель держался далекого расстояния, а меткие выстрелы моих казаков окончательно приостановили наступление из конницы. Вслед за этим же неприятель открыл из трех орудий сильный навесный огонь гранатами, осколками которых было убито несколько лошадей; из людей же, прикрываемых завалами, были только четверо контужены. Канонада эта продолжалась целую ночь. С правого и левого флангов их позиции были направлены выстрелы из нескольких фальконетов, причинившие вред только лошадям и верблюдам. С тех же пунктов действовала и пехота — сарбазы — из ружей, но пули их не наносили вреда отряду. Конница, построенная в боевом порядке, во все время ночи стояла на месте.

На следующее утро, 5 декабря, огонь неприятельских орудий усилился: гранаты и ядра беспрестанно летели в отряд, причиняя особенно значительный вред лошадям и оружию¹⁵⁷, причем ранено несколько казаков.

Пехота неприятеля замтно подходила массами из-под Икана на усиление осаждавших войск, но, увеличивая ружейную перестрелку, однако ж мало вредила отряду.

Весь этот день казаки держались молодецки, не допуская своими правильно рассчитанными выстрелами на близкое расстояние неприятеля и часто уничтожая его орудийную прислугу, заставляли передвигать орудия. Многие даже, несмотря на огромное скопище кокандцев, которых было более 10.000, просились кинуться в штыки, но, по малочисленности отряда, этой храброй решимости допустить было нельзя.

Видя совершенную невозможность подойти ближе к нашему отряду без всякого прикрытия, неприятель начал подвозить камыш и разный мелкий лес для устройства мантелетов и каких-то щитов на двухколесных арбах, что объяснилось после. Стрельба продолжалась до ночи.

Выстрелов из единорога в первую ночь было выпущено числом до 8, при последнем из них сломалось колесо, почтму встретилось затруднение продолжать стрельбу; но сметливая и удалая находчивость вице-фейсрверкера Грехова с товарищами выручила и из этого положения: они тотчас, снявши колеса из-под ящика со снарядами, поддели их к единорогу, но так как ступицы пришлось длиннее оси, то фейсрверкер изловчился прикрепить их веревками, отчего они не могли вращаться, и при передвижении с одного места на другое приходилось артиллеристам с помощью казаков переносить единорог на руках и спинах; особенно полезны были при этом лихачи-казаки Терентий Толкачев, Василий Казанцев, Кузьма Бизянов и Платон Добринин; все они под градом пуль и картечи на спинах своих передвигали единорог; Толкачев, кроме этого, наводил и стрелял, когда уже были ранены артиллеристы; дорогой, при отступлении, несмотря на раны, метко и ловко поражали неприятеля из ружей. Добринин, имея сквозную рану в плечо и контузию в руку, шел до соединения с отрядом, высланным на помощь, слегка придерживаясь за рукав моего пальто.

Днем 5 числа для сбережения снарядов, которых всего было числом 32, и чтобы не показать неприятелю, что при отряде был один единорог, выстрелов из него не производилось.

Того же числа, часа в два пополудни, в стороне к Туркестану слышались выстрелы из пушек и ружей, и, как оказалось после, это был отряд, высланный к нам на выручку и вернувшийся не дойдя до нашей позиции версты 3 или 4; после чего вскоре из лагеря позиции неприятеля явился посланный с запискою на татарском языке, с печатью Алимкула, такого содержания: предлагалась сдача с принятием магометанской веры, и между прочим говорилось в ней, что русский отряд, высланный на выручку, прогнан назад и что помощи не должны ожидать больше, и если я не сдамся, то отряд будет уничтожен. (Переводил записку кара-киргиз Ахмет.) Какой был дан ответ на это дикое предложение, показывает само дело.

Дождавшись ночи и несмотря на стрельбу неприятельских орудий, казаки укрепили свою позицию, делая завалы

из убитых лошадей и верблюдов. В эту ночь я вызвал охотников, чтобы дать знать в Туркестан о незавидном положении отряда. Исполнить это весьма трудное и почти невозможное поручение охотно вызвались удальцы-казаки: кавалер Андрей Борисов из дворян, Павел Мизинов и Варфоломей Коновалов; второму из них — Мизинову — по слабости его здоровья я тогда же отказал, а Борисов и Коновалов с киргизом Ахметом, вызвавшимся так же охотно на это рискованное дело, отправились верхами в правую сторону, чтобы горами пробраться к Туркестану; но они наткнулись на неприятельский разъезд и, сделавши выстрел из револьвера, живо вернулись в отряд. Несмотря на неудачу, казаки снова настояли, чтобы отправиться им левой стороной, причем удалец Борисов вызвался даже пробраться один пешком, а Коновалова, не пожелавшего уже ехать вторично, заменил лихой казак Аким Чернов, которые, отправившись втроем (опять с Ахметом), удачно пробрались между неприятельскою цепью и пикетами и исправно доставили известие (с ними послана и записка Алимкула). Рано утром 6 декабря, заметивши, что у неприятеля были уже готовы мантилеты и щиты с разных сторон нашей позиции, числом 16, видя более чем критическое положение своего отряда и в ожидании помощи из Туркестана, чтобы как-нибудь оттянуть время, предупредив казаков, я вышел вперед на несколько шагов из занятой позиции, махнув к неприятелю рукой, показывая этим, что хочу иметь переговоры. Вышел кокандец с ружьем в руках, которое я настоял положить на землю. На желание мое видеть самого Алимкула он отвечал на чистом русском наречии, что он «государь и далеко отойти от своей линии не может», причем кокандец этот предлагал подойти мне самому к Алимкулу и советовал сдаться на самые лестные (только для них) обещания. Заметивши в это время, что мантилеты и щиты начали подкатывать к отряду, я упрекнул кокандца, что при переговорах наступление никогда не делается, и тотчас же вернулся на позицию. Выиграл времени более чем два часа.

Снова началась стрельба, и началась прежде из моего отряда, чтобы не дать неприятелю подойти ближе, что и продолжалось часов с 7 утра до часу пополудни. Ожесточенный неприятель стрелял чрезвычайно часто и метко, раза четыре кидался из-за мантилетов, но был отбиваем нашими выстрелами, причем окончательно были перебиты все лошади и убито наших 3 урядника, 33 казака и 1

фурштат, ранено 4 артиллериста и несколько человек казаков. www.bizdin.kg

При отбитии этих нападений артиллерист Огнивов, несмотря на сильную рану, полученную в руку, вскакивал на завал и, держась совершенно открыто, махал шапкою и, ободряя товарищей, кричал «Ура!»

Не находя решительно никакой возможности держаться более на своей позиции при такой сильной стрельбе и натиске тысячной кавалерии неприятеля, живо заклепали единорог¹⁵⁸ и с криком «Ура!» кинулись отступать, выстрелами пролагая дорогу, решившись пасть или пробраться к своему отряду (надежду на последний я не терял).

Отступление продолжалось часов до 4 вечера и все время почти на 8-верстном расстоянии, под сильным перекрестным ружейным огнем; причем неприятель, заезжая вперед, строился густыми колоннами с двух сторон, спешивался и стрелял по нашему отряду из винтовок и нарезных ружей. Потеря была страшная. Тяжелораненые и убитые падали и оставались на дороге. В глазах отряда кокандцы рубили их шашками и отнимали головы; ружья и патроны после убитых отбирались товарищами, которые потом ломали их и кидали по дороге: брать и нести с собой не было положительно никакой возможности, потому что все почти были ранены, и весьма тяжело; некоторые имели по 5 и 6 ран, и все-таки бодро шли вперед, поддерживая друг друга, несмотря на изнурение (двое суток ничего не ели и не пили во время осады). И эти самые люди, соединившись с высланным на выручку к нам отрядом после небольшого привала, истекая кровью, не могли даже встать с места без посторонней помощи. Все они потом были размещены по телегам и доставлены в город.

В продолжение всей осады и во время геройского отступления казаки и артиллеристы показали дивную и примерную храбрость, имея страшные раны; действовали молодецки! Всего убито: обер-офицер 1¹⁵⁹, урядников 4, казаков 50, фельдшер 1, фурштат 1 и ранено обер-офицер 1, урядник 1, казаков 36, артиллеристов 4 и вожак из киргиз 1.

В заключение не могу умолчать о храбрости урядника Александра Железнова и казаков Василия Рязанова и Павла Мизинова; первый из них ободрял товарищей и в деле выказал себя сметливым и ловким стрелком, выбирая целью между кокандцами преимущественно начальствующих лиц; Мизинов и Рязанов во время осады, под сильным огнем

неприятеля, разносили товарищам патроны и вообще действовали энергично. Получивши при отступлении рану в ногу, Рязанов упал и, вскочивши, снова шел до встречи с отрядом подпоручика Сукорко, отстреливаясь и сдерживая натиски неприятеля. На месте он подбил лошадь под Алимкулом¹⁶⁰.

Не нахожу слов, чтобы вполне передать все молодецкие подвиги своих лихих удалцов-товарищей и верных слуг государя. Не было ни одного, который чем-либо не заявил себя. Эта горсть храбрых защитников во время отступления между тысячей неприятеля, несмотря на сильный холод, вся измученная и израненная, побросала с себя последнюю одежду и шла в одних рубашках с ружьем в руках, обливая кровью путь свой».

Относительно действий кокандцев к стороне Туркестана имеются указания в донесении коменданта города, подполковника Жемчужникова, от 9 декабря 1864 года; он между прочим говорит: «В 5 час. вечера была слышна довольно сильная перестрелка и учащенные выстрелы из орудий и из фальконетов, продолжавшаяся всю ночь и следующий день; не получая никаких известий, что там делается, и боясь, чтобы не было недостачи патронов, я решился послать отряд из 152 чел. пехоты при 2 легких орудиях, с прислугою, 2 фейерверкеров, 10 рядовых, 8 казаков и 2 почтарей под команду подпоручика Сукорко для помощи сотне с тем, что ежели отряд встретит огромные силы неприятеля и усиленную преграду для соединения с сотней и увидит движение неприятеля к Туркестану, то, не выручая сотни, следовать ему обратно. С 3-х часов пополудни с цитадельного барбета и с могилы Азрет-Султана усмотрена была передовая цепь неприятеля, движущаяся к Туркестану, а за ней 6 сомкнутых колонн, в которых приблизительно можно было положить до 4000, почему сейчас же опять были посланы нарочные к вашему превосходительству и начальнику Сырдарьинской линии; в 4 часа неприятель был под стенами города и обложил его с трех сторон, а более всего кругом города, а в 6 час. вечера вернулся высланный отряд под команду подпоручика Сукорко, который донес мне, что он, видя движение неприятеля к Туркестану и огромные массы неприятеля перед собой, принужден был вернуться. Вечером же, по возвращении отряда подпоручика Сукорко, старшие аксакалы города, видя свое критическое положение и не имея никаких средств защищать город и остаться верными правительству, хотя

они и выставили большие караулы у каждого ворот, но не имея никакого оружия кроме холодного, убедительно просили меня подать им помощь, почему я и решился, несмотря на малочисленность гарнизона, выставить на бархан Куль-тюбе (как командующий городом и его окрестностями) одно легкое орудие с прислугою, под прикрытием 60 чел. пехоты под командою подпоручика Степанова.

Под Иканом усиленная пальба из орудий и фальконетов продолжалась целый день и до полуночи, а часу в 9-м вечера небольшая партия неприятеля начала разезжать около стен Туркестана, где расположены жители, и подъезжали к городским воротам; когда же они подъехали к первым воротам, то, встретивши оружейные выстрелы, скрылись. В 10 час. вечера явились ко мне 2 казака, Андрей Борисов и Аким Чернов и почтарь Ахмет, храбро и смело пробравшиеся из сотни есаула Серова сквозь огромные массы неприятеля как под Иканом, так и около Туркестана, передали мне две записки: одну от есаула Серова с просьбою о подаче ему помощи, а другую в подлиннике, причем представляемую от кокандского регента Алимкула Серову. На следующий день (6 декабря) неприятеля около города не было видно, и посланный разъезд объявил, что в садах никого нет; тогда я решился вторично, немедленно, выслать отряд под командою подпоручиков Сукорко и Степанова, в числе 207 человек пехоты, при двух легких орудиях, с прислугою, 10 казаков и 3-х почтарей с приказанием непременно присоединиться к сотне есаула Серова. Часу во втором пополудни прискакал нарочный киргиз от подпоручика Сукорко с известием, что сотня есаула Серова отступает, будучи окружена огромным скопищем неприятеля, и что он скоро с ней соединится; вслед за тем прискакал другой нарочный киргиз с известием, что Сукорко с казаками соединился и просит прислать вдобавок к высланным с ним семи пароконным телегам (которые заняты были артиллерийскими снарядами и запасными патронами) еще две телеги для поднятия раненых казаков, которые тотчас же и высланы с сотником Свиридовым при остальных, находившихся в Туркестане, 25 казаках. Часов в 7 часов вечера вернулся отряд и при нем есаул Серов (раненный в спину и контуженный в шею, имея пальто простреленным в 8 местах), 1 урядник, 48 казаков, 4 артиллериста; из них тяжелораненых 20 казаков, 3 артиллериста; легко ранены 1 обер-офицер, 1 урядник, 16 казаков; 1 артиллерист и 1 киргиз верблюдовожатый,

www.bizdin.kg
коштуженных: 4 казака, которые все и помещены для пользования в лазарет.

7-го числа поутру мною послан был почтарь Ахмет с 4-мя почтарями к Икану для разузнания о неприятеле, который вечером часу в 9-м донес мне, что кокандцы еще расположены кругом Икана; 8 числа, с рассветом, был послан тот же Ахмет для той же надобности к Икану и, возвратившись, объявил, что Алимкул со своим войском отправился по направлению к Сырдарье, взяв с собой иканского аксакала и всех иканских жителей с имуществом, в том числе жен и детей, а сакли зажег; оставшиеся в Икане по старости лет и дряхлости (в том числе отец иканского аксакала с женой) объявили, что у Алимкула было войско более 20.000, что в деле с уральской сотней под командою есаула Серова потеря кокандцев простирается убитыми 90 человек главных начальников и более 2000 пехоты и кавалерии, сколько же ранено, неизвестно: под самим Алимкулом ранен аргамак белой масти, который остался в Икане, почему я сего же числа отправляю отряд для уборки убитых наших казаков».

О переговорах между Садыком и уральцами во время самого отступления в донесениях не упоминается. Если подобный эпизод и был, то он, очевидно, не замечен командиром: уральцы отступали, растянувшись в линию по направлению движения, что давало им возможность отбивать непрерывные нападения кокандской кавалерии, атаковавшей преимущественно с флангов. О какой-либо стройности во время отступления, конечно, нельзя было и думать: «Казаки шли гуськом, отстреливаясь направо и налево»¹⁶¹.

Шум битв последующего времени, перемены в составе высших местных начальников и лихорадочная деятельность по административному устройству Туркестанского края — все это в совокупности было причиною того, что воспоминание о геройском подвиге храбрецов под Иканом ослабло, как бы затушеввалось новыми подвигами русских войск на полях Средней Азии. Но свежо и живо сохранился подвиг уральцев в памяти как самих уральцев, так равно и среди войск — участников славных черняевских походов. Между тем на месте боя открытой, пустынной степи виднелся небольшой бугорок с черным поломанным крестом наверху, печально отмечавшим место, где бились из последних сил и погибли в неравном бою храбрые казаки¹⁶².

Генерал-майор Н. И. Гродеков, назначенный военным губернатором Сырдарьинской области, в 1883 году возбудил

вопрос о постройке памятника над прахом павших казаков и быстро довел это дело до конца. Памятник сооружен на добровольные пожертвования и торжественно открыт 6 декабря 1884 года, в двадцатилетнюю годовщину боя. Он состоит из кирпичной колонны до 6 ар. вышины, увенчанной крестом; над цоколем прибита чугунная доска с надписью: «Памяти воинов, павших под Иканом в 1864 году». Колонна обнесена оградой из чугунных пушек, соединенных цепями; кругом разбит садик из карагачей, тополей и других деревьев. Кроме того, в православной церкви гор. Туркестана помещена чугунная плита с именами казаков, павших под Иканом¹⁶³.

7 декабря 1884 года государем императором пожалованы 4-й сотне 2-го уральского казачьего полка знаки отличия на головные уборы с надписью: «За дело под Иканом, 4, 5 и 6 декабря 1864 года».

Х.

Бой под Шортюбе

Свое вторичное движение к Ташкенту весной 1865 года генерал Черняев объясняет следующим. По собранным сведениям было известно, что бухарский эмир начал стягивать войска к Уратюбе, а передовые их части уже двинулись в пределы Кокандского ханства, из чего можно было заключить, что эмир желает воспользоваться стесненным положением ханства и впутаться в его дела. Затем, в самом Ташкенте общее настроение жителей было далеко не в пользу кокандцев, и горожане давно уже тяготились деспотическим правлением регента ханства Алимкула. Ввиду такого положения дел начальник Ново-Кокандской линии не мог быть хладнокровным зрителем попыток бухарского эмира воспользоваться плодами наших побед, ослабивших Кокандское ханство.

Не дождавшись подкреплений, генерал Черняев выступил к Ташкенту и для вернейшего овладения им атаковал кр. Ниязбек, охранявшую водоприемник оросительного канала Боссу, снабжавшего водою р. Чирчика Ташкент и его окрестности. Ниязбек был взят 28 апреля, после чего вода каналов Боссу и Зах-арыка была отведена обратно в р. Чирчик, что поставило жителей Ташкента в весьма стесненное положение, и среди них образовалась партия, желавшая сдачи города русским.

Простояв под Ниязбеком до 7 мая, генерал Черняев подошел к Ташкенту и занял позицию в 6 верстах на восток от города в местности Шортюбе (иначе Сарытюбе — желтые бугры); 9 мая здесь произошла известная битва с кокандцами и ташкентцами, в которой нашел смерть энергичный противник генерала Черняева эмир-аскер (главнокомандующий) мулла Алимкул.

Об этой битве генерал Черняев доносил (11 мая 1865 г.) следующее:

«Хотя со взятием Ниязбека отношения наши к Ташкенту и сделались определеннее, но так как русская партия в самом Ташкенте, при всей своей многочисленности, находясь под строгим присмотром кокандского гарнизона, не могла в настоящее время ясно высказаться в нашу пользу, то я нашел необходимым стеснить по возможности Ташкент и поставить его в прямую и непосредственную от нас зависимость. С этой целью немедленно по занятии Ниязбека я отвел два главных рукава Чирчика, снабжавших водою как Ташкент, так и его окрестности, и заставил жителей города вновь заявить мне, хотя и неофициально, свою готовность подчиниться нам.

Вследствие такого заявления 7 мая, оставив гарнизон в Ниязбеке, я перешел на новую позицию в 8 верстах от Ташкента.

8 числа предпринята была рекогносцировка северо-восточной стороны города, и, по соглашению с жителями, во время нашего приближения к городу они должны были броситься на гарнизон и отворить нам ворота, но в тот же день прибыл из Коканда в Ташкент мулла Алимкул с войском до 6000 человек, при 40 орудиях, и, конечно, своим присутствием подавил всякую возможность какого-либо движения в городе. Сделав предположенную рекогносцировку, я возвратился в лагерь и решил остаться на той же позиции до более точного разъяснения обстоятельств.

Во время нашего движения как к Ташкенту, так и обратно в лагерь мелкие шайки кокандской кавалерии пытались нанести вред отряду, но были везде отбиваемы с довольно значительным уроном, а отряд не понес никакой потери.

На другой день 9 числа было дано знать с наших пикетов о движении больших неприятельских колонн по направлению к лагерю. В 6 часов утра массы неприятеля до 7000 были уже видны из лагеря на довольно близком расстоянии.

Не зная еще цели этого движения, но предполагая желание Алимкула атаковать лагерь, я дал ему время стянуть войска свои на близлежащих высотах, а сам между тем приготовился к наступлению.

В 7 часов неприятель открыл канонаду по лагерю из 12-орудийной батареи, сперва им замаскированной, разрывными снарядами. Стрельба его, несмотря на весьма большое расстояние (800 сажен), была замечательно удачна: все снаряды ложились в лагерь, но, по счастью, никакого вреда не произвели.

Немедленно же я выслал четыре роты пехоты с батарейным дивизионом под командою штабс-капитана Бориславского прямо против фронта расположения неприятеля. Подойдя на 400 сажен, артиллерия наша открыла огонь по неприятельской батарее и близлежащим колоннам, а две роты, посланные вправо, стали обходить его левый фланг.

Огонь неприятельский направился на отряд штабс-капитана Бориславского, но артиллерия наша, действуя весьма метко, отодвинула его колонны и несколько ослабила артиллерийский огонь.

Пользуясь этим, приказано двум ротам из отряда Бориславского двинуться вперед и под прикрытием артиллерии атаковать неприятеля одновременно с двумя ротами, посланными в обход. Движение это произведено было необыкновенно быстро и удачно. Как только роты стали подниматься на возвышенность, неприятель открыл по ним необыкновенно частую и сильную пальбу из всех своих орудий, которых оказалось до 40. Пехота наша под огнем неприятельским взбежала на высоты. Неприятель не выдержал этого натиска и совершенно смешался. Ханская гвардия первая кинулась назад, за ней кавалерия. Когда роты подбежали к неприятельской позиции, то застали уже полное бегство. Бросившись на хвост отступающих, они захватили два орудия и кинулись далее. Кавалерия ускакала, но часть пехоты была настигнута и легла на месте. Преследование продолжалось до стен города, куда Алимкул успел скрыться с остатками своих скопищ.

Хотя в этот момент, может быть, и возможно было занятие города, но я не мог рисковать последним своим резервом, и, имея в виду, что во всяком случае это не могло бы стоить нам дешево, я, окончив преследование, возвратился в лагерь и решил остаться до времени на той же позиции с тем, чтобы вблизи Ташкента наблюдать за событиями в самом городе и, если возможно, воспользоваться первым же случаем для его занятия.

Неприятель потерял, кроме двух орудий, до 300 человек убитыми¹⁶⁴ и до 200 ружей.

Потеря наша состоит из 10 раненых нижних чинов и из 13 контуженных; в том числе один офицер, прапорщик Янышев».

XI.

Взятие гор. Ташкента

После взятия Ниязбека, поражения кокандцев под Шортюбе и занятия кр. Чиназ гор. Ташкент оказался в весьма критическом положении. Взятие Ниязбека оставило город без воды, занятие Чиназа отрезало от прямых сообщений с бухарским эмиром, принявшим город под свое покровительство, а присутствие русских отрядов близ сел. Зенгаты и на Койлыке лишило стотысячный город подвоза хлеба из богатой и плодородной зачирчикской стороны. Русская партия среди горожан требовала сдачи города, который держался только гарнизоном, а также надеждою на помощь бухарского эмира. Неурядица в нем была довольно большая, что, между прочим, видно как из рассказа Садыка, так и равно из помещаемого ниже рассказа муллы Юнуса.

Генерал Черняев решился овладеть городом, что и выполнил в ночь с 14 на 15 июня. О ходе штурма он доносил следующее:

«Жители Ташкента, стесненные окончательно продолжительною и строгою блокадою, терпя крайний недостаток в продовольствии и в особенности в воде, возлагали всю свою надежду только на одного эмира, к которому послали наконец посольство из главных представителей города. Эмир не отказал ташкентцам в помощи, но потребовал предварительно присылки к нему молодого хана в виде заложника. В ночь с 9 на 10 июня кокандский хан с 200 своих приближенных скрытно ушел из города и вслед за этим в Ташкент тайно вступила небольшая бухарская партия с Искендербеком, который и принял начальство над городом. Главные силы эмира, давно уже собранные в Самарканде, стали показываться в пограничных кокандских крепостях на левой стороне Дарьи.

Все эти обстоятельства, вместе с положительными сведениями от постоянных перебежчиков из Ташкента о том, что город находится в самом критическом положении, и если еще удерживается от сдачи, то только присутствием

гарнизона и надеждой на помощь бухарцев, заставили меня, дабы предупредить открытое вмешательство эмира и по возможности предотвратить всякое с ним столкновение, решиться на последний шаг.

Осада укрепленного города, имеющего в окружности 24 версты, с населением от 150 000 до 20 000, владеющего огромными средствами к защите, не могла быть предпринята. Противопоставить горсть людей в 1951 человек при 12 орудиях с одним комплектом зарядов городу, который мог сосредоточить против атакованного нами пункта в самом непродолжительном времени по крайней мере до 30 000 при 50 орудиях, и ожидать в то же время демонстрации со стороны бухарского эмира было очевидно невозможно. Отойти от города значило бы дать эмиру громадное значение в Средней Азии и усилить его всеми военными средствами, сосредоточенными в Ташкенте. Поэтому я решился овладеть городом открытою силою, с расчетом на успех, из следующих соображений:

1) Гарнизон города, по обширности оборонительной линии, был разбросан на весьма большом протяжении, почему было весьма вероятно овладеть верками прежде, нежели он успеет сосредоточиться против атакованного пункта.

2) Артиллерия неприятеля, хотя и весьма многочисленная, но рассеянная на расстоянии 15 верст по всей южной стороне города, также не могла в данный момент действовать совокупно.

3) Жители города разделены были на две части, и партия, нам преданная, в случае занятия городской огады должна была оказать содействие.

Ряд рекогносцировок крепостных верков города, произведенных инженер-поручиком Макаровым во время блокады крепости, показал, что атака Ташкента могла быть проведена на одни из ворот юго-восточной части; притом атака этой части города представляла еще те выгоды, что, овладев ею, мы овладевали всем городом, так как правая сторона Боссу, где находится все зажиточное население Ташкента и все купечество, была предана нам; всю же атакованную сторону исключительно населяло военное сословие и партия бухарского эмира. Кроме того, при атаке юго-восточной части всем последствиям штурма подверглось только военное население, а не мирные граждане, нам преданные.

Усиленные же рекогносцировки самых стен, произведенные тем же офицером, доходившим до контр-эскарпа

крепостного рва, убедили меня, что наивыгоднейший пункт атаки — Камеларские ворота.

В ночь с 14 на 15 число назначен был штурм этих ворот в нижеследующем порядке:

Главный отряд, под личным моим начальством, снявшись с позиции в 11 часов пополудни, с рассветом должен был атаковать Камеларские ворота посредством штурмовых лестниц и нарочно устроенных инженер-капитаном Яблонским арб с небольшими откидными лестницами для перехода через ров.

Одновременно с атакой главного отряда отряду полковника Краевского, стоявшему на Койлыке, предписано сделать демонстрацию со стороны Кокандских ворот (в 6 верстах от Камеларских), и, не предпринимая ничего решительного, поддерживать атаку, бомбардируя город.

По занятии наружной ограды предположено было передовым войскам немедленно двинуться направо по улице, идущей кругом городской стены и, дойдя до Кокандских ворот, отворить их полковнику Краевскому и затем уже овладеть цитаделью.

Главный отряд выступил тремя колоннами. Впереди шли охотники и 2 ¹/₂ роты, назначенные на штурм.

Охотниками командовали ротмистр Вульферт, подпоручики Шорохов и Лапин. Всей же штурмовой колонной командовал артиллерии штабс-капитан Абрамов. В версте за штурмовой колонной шли две роты с двумя легкими орудиями под начальством майора Де-ла-Кроа, а в версте за ними резерв из 2 ¹/₂ рот с 4-мя батарейными орудиями под начальством подполковника Жемчужникова.

Такое растянутое движение было необходимо потому, что к атакованным воротам, как и к большей части остальных, вела только одна дорога.

В 2 ¹/₂ часа штурмовая колонна под начальством штабс-капитана Абрамова, подойдя к воротам на 1 ¹/₂ версты, сняла с верблюдов лестницы и, неся их на руках, пошла по обе стороны дороги садами; впереди шла небольшая цепь стрелков; движение это, направляемое поручиком Макаровым, исполнявшим в отряде обязанность офицера генерального штаба, произведено было с замечательною тишиною.

Цепь стрелков, пользуясь темнотою ночи и пересеченною местностью, покрытою садами, подошла к самой стене, оставаясь незамеченною неприятельским караулом, выставленным впереди ворот.

Светало. Охотники с лестницами уже были от ворот во ста шагах, а стрелки на опушке садов под самую стену, в это время движение наше было открыто караулом, на который наткнулись наши лестницы,— тогда единодушное «ура!» быстро охватило все встретившееся на пути, и, покуда гарнизон успел опомниться, передовые были уже на барбете и сбросили неприятеля вместе с находившимися тут орудиями.

Взошли на стену по лестницам первый унтер-офицер Хмелев, второй ротмистр Вульферт, третий юнкер Заводовский.

Священник Малов шел с крестом впереди атакующих войск.

Занявши стены, часть людей немедленно стала отваливать ворота, а остальные бросились занимать близлежащие сакли и сады.

Ротмистр Вульферт, взойдя с несколькими людьми, кинулся вдоль стены и, несмотря на отчаянное сопротивление кокандцев, штыками прогнал их с ближайшего барбета и овладел одним орудием, но сам был ранен пулею в руку.

Между тем резервы наши уже подбегали к стенам, и как только передовые из них показались, Абрамов с 250-ю человеками двинулся вправо по улице вдоль городской стены, с тем чтобы впустить отряд Краевского. На первом же барбете Абрамов был встречен артиллерийским огнем из 4 орудий, прикрываемых 200 сарбазов, засевших за турами.

Ура!— и орудия были нашими, заклепаны и сброшены в ров: двинулись далее. Подойдя ко второму барбету, они снова были встречены артиллерийским огнем, но и эти орудия достались также в наши руки, как и первые. Затем было взято штыками еще два барбета, все же остальные на всем расстоянии, пройденном Абрамовым вдоль городской стены (14 верст), были уже оставлены и орудия только им заклепывались и сбрасывались с барбетов. В числе отбитых орудий был 10-фунтовый горный единорог, брошенный казачками в деле под Иканом.

Пройдя до Карасарайских ворот, с которых начиналось население преданных нам жителей, Абрамов вступил в город. На первой же улице встречены были им баррикады, защищаемые сильным ружейным огнем. Все они были сбиты, и отряд подошел к главному базару.

Здесь сопротивление оказалось еще сильнее: кроме баррикад, встречаемых на каждом повороте, все сакли были

заняты стрелками. Выйдя с базара, отряд на каждой улице встречал уже по несколько баррикад, сильно защищаемых, так что каждую из них приходилось брать штыками. Пройдя таким образом почти всю половину города, Абрамов вошел в цитадель, которую я застал уже занятой Де-ла-Кроа и Жемчужниковым.

Как только Абрамов двинулся вправо, неприятель, опомнившись, стал сосредоточиваться против нашего левого фланга, занимая ближайшие сакли и сады, и когда солдаты очищали эти сакли и сады штыками, значительные массы неприятельской пехоты, собравшейся на двух ближайших улицах, идущих к базару, с барабанным боем и с криком «Аллах» бросились на войска; я послал против них поручика Макарова с 50-ю стрелками и ракетною командою; две удачно пущенные пудовые фугасные ракеты, а вслед за ними удар в штыки опрокинули их и заставили в совершенном беспорядке и с большею потерею очистить улицы; с этого момента наш левый фланг стал прочною ногою, хотя на занятой части городской стены перестрелка с деревьев и дальних сакль продолжалась еще до вечера¹⁶⁵.

Почти одновременно с движением Абрамова я ввел в город два конных орудия и три батарейных, которые и открыли огонь по городу. Немного спустя по тому же направлению, по которому прошел Абрамов, я послал две роты с одним орудием под командою майора Де-ла-Кроа и вслед за ними еще две роты с двумя орудиями с подполковником Жемчужниковым.

Несмотря на то, что майор Де-ла-Кроа послан почти вслед за Абрамовым, он встретил по той же дороге новые баррикады, которые неприятель необыкновенно скоро устраивал из арб и срубленных деревьев. Пока Де-ла-Кроа выбивал неприятеля из баррикад, Жемчужников успел нагнать его и, соединившись вместе, двинулся к цитадели, которую и занял в 7 1/2 часов утра. Немедленно и здесь выдвинута была артиллерия и открыт огонь по городу. Неприятель, отброшенный внутрь города, прекратил перестрелку, но отряд наш должен был выйти из цитадели, так как кокандцы подожгли службы ханского дворца, и огонь, распространяясь довольно быстро, грозил взрывом пороховых складов, там находившихся.

Отряд полковника Краевского, снявшись с позиции на Койлыке, двинулся к Ташкенту в полночь. Чтобы не обнаружить атаку и не дать неприятелю время собраться на стенах, ему приказано было не открывать огня до тех пор,

пока сам не будет обнаружен или пока не услышит выстрелов главного отряда.

Неприятель, заметив отряд полковника Краевского, открыл огонь из 9 орудий, на который тот отвечал из 4 легких орудий; вскоре за стеною послышалось «Ура!», и пехота отряда Краевского, с помощью людей главного отряда, стала взбираться на стену на лямках и ружьях.

В это время Краевский получил известие о появлении на правом фланге бегущего из города неприятеля; он тотчас же с казаками и 4 конными орудиями поскакал наперерез им. Удачные выстрелы картечью, на самую близкую дистанцию, заставили эти толпы бежать; горсть казаков (39 чел.) бросилась их преследовать; показавшиеся следующие толпы кокандской кавалерии были встречены картечью не менее удачно и также обращены в бегство.

Вся эта новочисленная кавалерия, более 500, преследуемая горстью храбрых, разбросала по дороге свои знамена и, доскакав до Чирчика, в беспорядке бросилась к реке на переправу, топя друг друга.

Между тем поднявшаяся на стену пехота, соединившись с Абрамовым, продолжала дальнейшее движение вдоль стены. Сам Краевский по вступлении в город соединился с Жемчужниковым, оставившим уже в это время цитадель и, согласно моему приказанию, ставшим на позиции между Кокандскими и Кашгарскими воротами, на месте ханской ставки.

С очищением половины города и с прекращением перестрелки главный отряд расположился у Камеларских ворот.

Явились аксакалы преданных нам частей города с изъявлением совершенной покорности и обещанием завтрашний день явиться в лагерь со старшинами и почетными лицами всего города, которых надеялись убедить в положительной невозможности какого-либо нам сопротивления; но к вечеру неприятель опять засел в ближайших саклях и открыл огонь по нашей степи. Сообщение между главным отрядом и отрядом Краевского почти прекратилось. Баррикады явились на всех улицах и на всех перекрестках. Сопротивление сделалось еще отчаяннее. Были случаи, что один, два человека с айбалтами (вроде топора на длинной рукоятке) кидались на целую роту и умирали на штыках, не прося пощады.

Посланные небольшие отряды по смежным улицам встречали самое ожесточенное сопротивление. Каждую сам

лю приходилось брать штыками, и только тогда она очищалась, когда засевшие в ней были переколоты.

Самое упорное сопротивление встречено было по улице, ведущей от ворот на главный (бас) базар.

Артиллерии сотник Иванов, посланный мною с 50 человеками для очищения ее, встретил баррикады, вооруженные артиллерией. Не в состоянии выбить кокандских стрелков ружейным огнем, он кинулся в штыки на первую баррикаду и, несмотря на отчаянное сопротивление, выбил оттуда неприятеля и завладел орудием. Тотчас же за первую оказалась вторая, вооруженная 2 орудиями; впереди нее был глубокий арык, служивший ей рвом; близлежащие двухэтажные сакли доставляли весьма сильную перекрестную оборону; горсть храбрых, едва занявши после упорного боя первую баррикаду, прежде чем успела разобрать ее, была встречена картечью из-за второй; Иванов, видя затруднительное положение и считая невозможным какую бы то ни было перестрелку, первый бросился «на ура» и увлек за собою солдат: орудия и баррикады были взяты; здесь он был контужен и отозван в лагерь, а на место его послан поручик Макаров.

Общим смелым действием наших храбрых войск улицы были очищены вторично. Артиллерия, выдвинутая от ворот на версту внутри города, открыла огонь, продолжавшийся всю ночь. От наших гранат еще с вечера в некоторых местах загорелись сакли, и пожар, распространившийся в ближней части города, продолжался до следующего дня. К ночи все войска стянулись к Камеларским воротам. 16 числа утром полковник Краевский с 3 ротами и 2 орудиями был командирован для сбора неприятельских орудий и взрыва цитадели. По всей дороге встречены были им те же баррикады и тот же огонь из смежных сакль, как и накануне. Баррикады были уничтожены, сакли взяты, и отряд благополучно вступил в цитадель, где снова встретил сопротивление; все же ближайшие сады и сакли были заняты кокандскими стрелками, которые открыли частый и весьма меткий огонь по отряду; но, благодаря распорядительности Краевского, отряд, исполнив поручение, возвратился в лагерь без большой потери.

К вечеру улицы были свободны, и перед закатом солнца прибыли наконец посланные от аксакалов, прося позволения всем старшинам города явиться на другой день.

17 числа действительно явились ко мне все аксакалы и почетные жители города, изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству.

Город сдался безусловно, и немедленно же было сделано распоряжение об обезоружении его. Все аксакалы, а также многие из жителей приняли самые энергичные меры к отысканию орудий, находящихся в самом городе, и к вечеру было доставлено самими жителями до 20 медных орудий и до 300 ружей. В городе водворилось совершенное спокойствие и ни одного уже выстрела не было слышно. Ташкент был покорен окончательно.

Трофеями нашими были 16 больших знамен; в том числе одно бухарское, множество значков, 63 орудия разного калибра, из которых 48 медных, и притом замечательно хорошего литья, и множество ружей. В числе медных орудий 8-пудовая мортира.

Пороху найдено до 200 пудов и разных снарядов до 10 000.

Потеря наша:	убитыми	ранен.	конт.
овер-офицеров	-	3	4
нижних чинов	25	86	24

Неприятельский гарнизон, по сведениям, состоял из 5 000 сарбазов и 10 000 сипаев, которые большею частью убежали в момент штурма.

Всех же защитников, по самым скромным показаниям, было до 30 000».

Взятие гор. Ташкента генералом Черняевым представляет собою одно из самых блестящих дел русской армии и, по своим результатам, имеет огромное значение как твердый, решительный шаг в культурную часть Средней Азии, плодородные и богатые оазисы которой столь необходимы России в экономическом и политическом отношениях. Это крупное дело нашло надлежащую оценку среди современников и участников, державшихся старого московского правила: всегда и везде держать русское имя «честно, грозно, по старине...»

Оценка совершенного великого дела выразилась постановкою памятника — часовни на братском кладбище русских воинов, павших при штурме города 15 июня, и учреждением ежегодных торжественных крестных ходов в этот день для служения панихиды у памятника.

Тела солдат, убитых при первом, неудачном, штурме города (2 октября 1864 г.) были похоронены в окрестностях его, причем во избежание надругательства над телами могилы были заровнены и скрыты. Тела павших при втором

штурме были схоронены отчасти в общей братской могиле, отчасти отдельно, в небольшом ветловом саду близ Камеларских ворот, на которые была поведена первая атака. Место это было отмечено только деревянными крестами; но почти с первого же года после занятия города, в день штурма, сюда собирались все участники штурма, оставшиеся на службе в Ташкенте, и служили заупокойную панихиду на могиле павших товарищей.

В 1872 году в среде участников штурма возникло предположение об устройстве на месте погребения павших памятника и даже сделана закладка его; но дело по постройке пока только и ограничилось этим, как можно предполагать, по недостатку средств. В 1875 году снова возникла мысль об устройстве памятника, открыта подписка на сбор пожертвований и образован особый для этого комитет, успевший собрать 2410 руб. 87 коп., но дело опять приостановилось на десять лет.

По назначении туркестанским генерал-губернатором завоевателя Ташкента — генерал-лейтенанта Черняева в 1883 году возник проект постановления на главной площади города, Константиновской, памятника в честь убитых при штурмах Ташкента. Памятник проектирован академиком Микешиным, стоимостью более 40 тысяч рублей. В декабре того же года был образован особый комитет как для сбора пожертвований, так равно и для самой постройки. Постройка памятника у Камеларских ворот была отменена, и собранные на это деньги предположено употребить на новый памятник. Останки павших воинов предположено было перенести к вновь строящейся ташкентской церкви и образовать здесь братский склеп. Как начало этого, был перенесен из Чимкента и торжественно похоронен близ церкви прах подполковника Обуха, смертельно раненного при первом, неудачном, штурме Ташкента 2 октября 1864 года. Объявленная подписка не оправдала ожиданий: на памятник по проекту академика Микешина и братский склеп было собрано всего около 900 рублей, что с имевшимися 2410 руб. (на Камеларский памятник) составило 3310 рублей; требовалось же до 40 тысяч рублей. Дело поневоле приостановилось, а с отъездом генерала Черняева из Ташкента и вовсе было оставлено.

В 1885 году военным губернатором области Н. И. Гродековым было обращено внимание на братскую могилу у Камеларских ворот, находящуюся в довольно запущенном виде. Хотя собранные сведения о пожертвованной сумме

указали на ее незначительность, но ввиду положительной невозможности оставить это историческое место в его заброшенном состоянии военный губернатор испросил разрешение туркестанского генерал-губернатора, чтобы деньги, собранные в 1875 г., употребить по прямому их назначению, т. е. на приведение в порядок кладбища у Камеларских ворот и устройство над братской могилою павших воинов памятника. Вследствие незначительности собранной на памятник суммы военный губернатор обратился к ташкентской городской думе с просьбою оказать свое содействие в этом деле. Откликнувшись вполне сочувственно на этот призыв, городская дума приняла на свои средства расход по очистке места и распланировке его и по устройству наружной ограды.

Памятник проектирован в виде небольшой часовни из жженого кирпича и закончен постройкою к началу июня месяца 1886 года. Внутри часовни поставлены иконы Спасителя и Распятия и небольшой аналой для служения панихид ежегодно в знаменательный день взятия города. Кроме того, внутри часовни поставлены две чугунных доски: на одной из них приличная случаю надпись, а на другой — имена всех воинов, павших под стенами города 2 октября 1864 г. и 15 июня 1865 года. Впереди часовни, на братской могиле, над сводом из жженого кирпича положена мраморная доска с соответствующей надписью. Распоряжением городской думы все место сада расчищено, спланировано, а к стороне дороги, идущей от Камеларских ворот, устроена калитка, украшенная восемью кокандскими медными орудиями, из коих на двух имеются надписи имени Алимкула, энергичного защитника ханства, павшего в битве с русским отрядом 9 мая 1865 года.

Устроенный памятник был торжественно освящен 15 июня, в двадцать первую годовщину штурма, в присутствии войск, в Ташкенте расположенных, и горожан обеих частей города.

На устройство памятника израсходовано: из пожертвованных сумм 2256 руб. 9 коп. и из городских 793 руб., а всего 3049 руб. 9 коп. (см. «Обзор Сырдарьин. области за 1886 г.», составленный Е. Т. Смирновым).

Для собрания возможно большего числа сведений о времени, предшествовавшем взятию гор. Ташкента, и о самом штурме, составитель настоящих примечаний обра-

Чингис Бадижанович Уалиев,
внук Аблай хана

тился к сартам гор. Ташкента с предложением описать свои впечатления, а также рассказать о том, как происходило дело. Из сартов взялся за это мулла Юнус, бывший мирзою (секретарем) при кокандских властях, и представил рукопись на сартовском языке. Несмотря на некоторую спутанность в рассказе, увлечение перемещением кокандских чиновников и неясность хронологии событий, рукопись содержит в себе много интересного о происхождении и деятельности Алимкула, о шортюбинской битве и проч. Перевод рукописи помещается целиком.

«Восемьдесят три года тому назад (в 1805 г.), в бытность ташкентским хакимом султана Юнуса-ходжи, гор. Ташкент сделался подвластным кокандским ханам. Перед этим кокандцы в течение семи лет ежегодно подступали к Ташкенту с целью взять его, но это им не удавалось; наконец кокандский хан Алим хан, лично предводительствуя войском, овладел Ташкентом и, поставив его в зависимость от Коканда, назначил ташкентским хакимом Раджаба-кушбеги, помощником к нему, или аскер басы, был назначен аскер Беглербеги.

Спустя два года Алим хан вторично приходил в Ташкент; на возвратном пути к Коканду жестокость его достигла крайних пределов, и он был убит выстрелом из ружья одним из своих воинов, в местности Чарбак-Туранга¹⁶⁶.

После смерти Алим хана ханом сделался брат его Омар хан.

Жители Ташкента были очень недовольны тем, что их покорили кокандцы.

После Омар хана ханом был Мадали хан; после Мадали хана Шерали хан, после Шерали хана Мурат хан, который, пробыв ханом всего только четырнадцать дней, был сменен Худаяр ханом; после Худаяр хана был Малля хан, после Малля хана наступило время господства муллы Алимкула, эмир-аскера, который имел на народ большое влияние, и все ему повиновались.

Во времена Алимкула в Коканде было 12 000 войска, а всего войска, вместе с гарнизонами крепостей и городов, было около 40 000 человек.

Алимкул происходил из рода киргизов кыпчак, обитающего в местности Карасу¹⁶⁷; отец Алимкула был незначительный человек по имени Хусен-бий.

Во время первого правления Худаяр хана, а именно после смерти Мусульманкула, Алимкул состоял в качестве конюха при Ходжа-раисе, затем, как человек грамотный,

он попал в число *гиранда* (люди, сопутствующие раису и носящие широкую плетть, называемую дорра).

Маллябек, брат Худаяр хана, будучи перемещен из Маргелана беком в Ташкент, начал с Худаяр ханом войну, но, потерпев неудачу, бежал в бухарские пределы. Эмир Насрулла, не оказав ему никакого внимания, оставил его в Самарканде, где он и жил в большом унижении до того времени, пока Худаяр хан не оказал ему родственной милости, позволив возвратиться в Коканд. По возвращении Маллябека в Коканд прежние его люди, боясь навлечь на себя гнев Худаяр хана, не шли к нему на службу, поэтому в штат его прислуги стали поступать люди, до того времени неизвестные; в числе этих людей на службу к Маллябеку поступил и мулла Алимкул на должность конюха. В то время, когда Алимкул служил у Маллябека, эмир Насрулла, собрав свое войско, двинулся на Уратюбе; город был взят, а тамошний хаким Рустамбек зарезан; затем Насрулла двинулся на Ходжент, где тогда был хакимом тюрк Мухаммед Муса парванаши. Во время этих военных действий Маллябек бежал из Коканда к киргизам и поселился в ауле Фулата парванаши. Он по прибытии Маллябека дал знать Сеидбеку и Алимбеку. Мулла Алимкул принимал деятельное участие в возбуждении своих сородичей поступить на службу к Маллябеку; он же входил в сношения с кыпчакскими старшинами, подговаривая их стать на сторону Маллябека. Когда все собрались, Маллябек двинулся к Коканду, выждав, пока эмир Насрулла отступит от Ходжента. В местности Саманчи произошла битва между Худаяр ханом и Маллябеком; во время этой битвы с поля сражения бежал в Бухару кокандский мынбасы мирза Ахмет-кушбеги. На помощь к Худаяр хану двигался из Ташкента брат хана султан Мурадбек, но войско его дорогой расстроилось и с Акжара вернулось обратно в Ташкент. Хан пробыл в осадном положении около 20 дней, после чего Коканд был взят Маллябеком.

По взятии Коканда Алимкул был назначен зинбардаром; вскоре после этого назначения он получил звание мирахура, так как, ввиду присутствия знатных киргизов, Маллябек считал неудобным наградить его более высоким чином. Спустя некоторое время Малля хан отправился в Ташкент, где он женил Алимкула на дочери таджика мирзы Даулет-бия. Возвратясь после этого в Коканд, Малля хан произвел Алимкула в пансат-басы, дал ему знамя и вместе с сим, назначив его номинально хакимом в Чуст, оставил при себе.

В бытность ташкентским хакимом Канагат аталыка Алимкул был у него самым приближенным пансат-басы. Затем Алимкул был назначен хакимом в Маргелан.

Когда киргизы и кыпчаки задумали сделать ханом Шамурада, мулла Алимкул не принимал в этом деле никакого участия, но, несмотря на это, Шамурад хан назначил его беком в Андижан, а на его место в Маргелан назначил Хыдыр-угры; в Наманган был назначен Худай-Назар-Чулак, из тюрков.

После впуска Канагат аталыком Худаяр хана в Ташкент Шамурад хан отправился с войском к Ташкенту.

Я в это время был назначен мирзой к Курбанбеку, собиравшему зякет с кочевников в окрестностях Чимкента. На берегу Салара к Шамурад хану явились беки, собиравшие зякет; после чего все мирзы были отправлены в разные стороны, меня же как чужестранца и человека, хорошо пишущего по-тюркски, по приказанию Шадман-ходжа-кушбеги и его мирзы-баки муллы Юнуса Джан-Шигаула оставили среди кокандских мирз. Здесь я увидел, что главою всех был Шадман-ходжа-кушбеги, а аскер-басы, или начальниками войска, были: Хыдыр-угры, тюрк Худай-Назар-Чулак, мулла Алимкул и Сеидбек, из киргизов, а начальником артиллерии был Джамадар, из индустанцев.

В виде помощи Худаяр хану бухарский эмир, двинувшись с войском, взял Уратюбе и подошел к Нау. Кокандское войско, узнав о военных действиях бухарского эмира, потеряло головы и отступило от Ташкента со своей позиции при Яфуклик-мазаре, направилось к Коканду и остановилось в Тойтюбе.

В Тойтюбе я видел Садыка тюре; он находился в небольшом шатре, расположенном около одного холма. Выйдя из Тойтюбе, войско направилось в Керсучи, где мы услышали, что Садык тюре бежал в Ташкент. В Джан-Булаке к нам явились почетные жители Ходжента и выпросили у хана себе в хакимы Якупбека¹⁶⁸. По приходе войска из Джан-Булака в Самгар войско расстроилось, начались злоумышления друг против друга; Шадман-ходжа и Алимкул были заодно с ханом; о чем узнали их противники Хыдыр-угры, Худай-Назар-Чулак и Ирис-Али, кыпчак.

Противники хана направилась к Камыш-Кургану, а согласные — к броду у Ходжа-Ягона, но по необходимости все остановились у Ходжа-Ягона.

Мулла Алимкул и сарбазы собрались вокруг Шадман-ходжи-кушбеги. К обеду около шатра с казной Шадман-

ходжи собрались все согласные и порешили избавиться от противников. С этою целью они позвали к себе сперва Хыдыра под предлогом получить его совет, а когда он пришел, то убили его; точно таким же образом убили Худай-Назар-Чулака и Ирис-Али, кыпчака. Чутан пансат-басы, кыпчак, и Хайдаркул, жузбасы, были отправлены в Коканд для убиения Алимбека.

После этого хан назначил беками: в Маргелан — муллу Алимкула, в Тюре-Курган — Сеидбека, в Андижан — Кюйчи, киргиза, в Чуст—муллу Султана, кырк-юза, и еще одного в Шарихан; сделав эти назначения, хан направился в Коканд, куда вслед за ним пришли Худаяр хан и Канагат.

На следующий год бухарский эмир с войском пришел в Коканд и, пройдя до Узгента, возвратился обратно. Возвращаясь, эмир изгнал брата Худаяр хана султана Мурадбека; ходжентским хакимом он назначил кара-калпака Дост Мата; Шамурад хана эмир оставил номинально ханом. В это время Шадман-ходжа был мынбасы, а Алимкул — эмир-аскер; они были самые большие люди, и все их слушались.

Шадман-ходжа отправился в Ташкент, а Алимкул, оставшись в Коканде, сделал ханом сына Малля хана султана Сеид хана.

Спустя немного времени Алимкул отправился в Ташкент и уничтожил Шадмана-ходжу: а на его место хакимом в Ташкент назначил Нор-Мада парванаши родом из Зодиана, в Туркестан же он назначил хакимом мирзу Даулет-бия; сделав эти назначения, Алимкул возвратился в Коканд.

Осенью этого года Нор-Мад парванаши отправился с войском в Чимкент, из Чимкента он отправился в Чулак-Курган, а оттуда в Саудакент, из Саудакеанта берегом Таласа он прошел до Аулие-Аты, откуда послал Турдыкула, кыпчака, хакимом в Мерке. Во время отсутствия Нор-Мада парванаши в Ташкенте оставался Мынбай датха. На возвратном пути из Аулие-Аты Нор-Мад парванаши послал донесение Алимкулу, прося сменить аулие-атинского хакима Садык-Назара; дойдя до Шарапхана, он получил из Коканда ярлык о назначении аулие-атинским хакимом Ташкары. Получив ярлык, он вытребовал Садык-Назара и назначил его ссаул-басы, ташкентский есаул-басы Нор-Мухаммед бы назначен бском в Чардары. Шадыбек-Абдусамад-бий был сделан датхой, бывший чардаринский бек Бердымурад получил назначение пансат-басы.

Весной Нор-Мад парванаши отправился вторично в Чимкент собирать зякет с кочевников; придя туда, он услышал

о движении русских. Аулие-атинский хаким Ташкара был смещен, а на его место назначен Нияз-Али-бий. В Аулие-атинский гарнизон Нор-Мад парванаши назначил из рода шынышкылы Исламкула-пансата и Тимура-пансата с подчиненными им войсковыми частями.

С приближением русских войск к Карабалты меркенский хаким мулла Тардыкул бросил крепость и, захватив семью и имущество, отправился через горы Кара-Кишлак, Сандук, Хан-Жайлау (за Таласом) и перевал Бутамулпак, вместе с Шадыбек датхой прибыл в Аулие-Ату. Русские обложили Аулие-Ату, и в начале месяца мухаррема 1820 года взяли город. Нияз-Али, мулла Турдыкул и составлявшие гарнизон пансаты и Шадыбек датха ушли в Манкент.

Войска Алимкула пришли из Коканда в Ташкент, где он приказал взять обманом Байзака. Нор-Мад парванаши, послав несколько писем, залучил к себе Байзака и, арестовав, отправил его к Алимкулу.

Русские взяли Яны-Курган и Сузак, обложили Туркестан и вскоре взяли город. Туркестанский хаким мирза Даулет-бий, минуя Чимкент, по сары-агачской дороге бежал к Алимкулу. Алимкул объявил поход к Чимкенту.

Русские между тем двинулись из Туркестана к Чимкенту; идя по мулдуурской дороге, они, при впадении р. Буролдая, перешли р. Арысь и остановились у Бурджара. Генерал Черняев, шедший с отрядом из Аулие-Аты, перевалил Чокмак и остановился в курганче Кунабая; когда же отсюда он подвинулся к Кара-Булаку, тогда Алимкул форсированным маршем двинул свой отряд к Чимкенту. С отрядом Алимкула в Чимкент прибыли: Батырбек парванаши, курома, Мынбай датха, кыпчак, и еще несколько знатных людей.

Войска, бывшие в распоряжении Нор-Мада парванаши, были им отправлены в Манкент и Машат. На другой день после прибытия отряда в Чимкент приехал Алимкул и расположился на Кокар-Ате; Нор-Мад парванаши был отправлен в Манкент. Прибыв в Манкент, Нор-Мад услышал, что пришедшие из Аулие-Аты русские ходили по р. Арыси и, остановившись в Хан-Кургане, высылают разъезды для осмотра дороги.

Узнав об этом, он задумал пресечь им кумачскую дорогу и повел туда войска, но дорогой, случайно, наткнулся на русский отряд, расположившийся у Бурджара, и, не долго думая, пустил свои войска на него в атаку. Во время атаки были убиты: Садык пансат-басы, мулла Азимкул-казначей

и еще человек сорок. Получив об этом известие, Алимкул сам двинулся туда и, остановившись в Кош-Тигермене, двинул войска в битву. Во время этой битвы погибло много народа.

Мир-Сабыр-бий был отправлен послом к русским, возвратившись от них, он дал совет не вступать с русскими в сражения, а держаться в виду их. Атабек датха тоже заявил, что очень трудно будет победить русских прямым нападением и что лучше держаться в виду их, не вступая в сражение; Алимкул ужасно рассердился на них за такие советы и распорядился вновь произвести атаку.

Во время этой атаки были убиты: есаул-басы ходжентского бека мирзы Ахмета-кушбеги Атабай, махрам-басы Алимкула мулла Дадабай, мирза Даулет-бий и много других.

После сражения русские остались на месте, а мулла Алимкул расположился в Кош-Тигермене, где по его приказанию были похоронены все убитые: место, где они похоронены, было названо Шеид-мазар (т. е. могила мучеников).

Русский отряд, пришедший из Аулие-Аты, не соединившись с туркестанским отрядом, отправился за Алимкулом к Чимкенту по кумачской дороге; когда отряд подошел к Чимкенту, Алимкул собрал все орудия к обращенным в сторону Туркестана воротам (Кумачским, Кош-Тигерменским) и послал Мынбая и Нияз-Али в поле, чтобы они дали русским упорное сражение. Они, дав сражение, заставили русских поспешно отступить к Кок-Тереку и горам Беркут.

Садык тюре и Арсланбек тюре хотели преследовать русских, но Алимкул их не пустил.

В бытность Нор-Мада парванаши ташкентским хакимом Алимкул расстрелял: Нияз-Али-бия, Мухаммед Юсуф-Кутана, Исламкула-пансата и Тимура-пансата. Байзак датха и один молодой человек из рода чемыр по имени Абдуали-бий были привязаны к пушкам и из них убиты. Атабек датха и Худайкулбек с завязанными глазами были изгнаны через Угамский перевал к Кетменьтюбе.

Нор-Мад парванаши был смещен с должности ташкентского хакима, а на его место назначен мирза Ахмет-кушбеги.

Назначив мирзу Ахмета беком, Алимкул приказал ему восстановить чимкентские стены, сам же возвратился в Коканд.

Командовать гарнизоном в Чимкенте был назначен Джаббаркул-пансат-басы и еще один пансат.

Мирза Ахмет-кушбеги, руководя работами, восстановил укрепления. Июнь, июль и август прошли спокойно, в конце сентября стало известно, что из Туркестана и из Аулие-Аты выступили русские войска; об этом тотчас же дали знать Алимкулу. Он, получив известие о наступлении русских, послал приказание, чтобы кураминский хаким Хайдаркул двинулся с имевшимися в его распоряжении войсками к Чимкенту; туда же был послан кавалерийский отряд из Коканда под начальством начальника артиллерии Якупбека. Между тем Алимкул разослал гонцов по всем городам с приказанием собираться в поход.

Отряд, вышедший из Туркестана, пройдя Бурджаром, направился к Садыку и занял ташкентскую дорогу Кашка. Аулие-атинский отряд, придя с верхней стороны Чимкента, через Манкент, перешел Аксу и остановился в местности Курук-Сай.

В этот день никто ничего серьезного не предпринимал, только на далекую дистанцию было сделано несколько пушечных выстрелов по русским да некоторые всадники разъезжали в виду русских; русские же высылали стрелков обстреливать холм, на котором располагался эмир-аскер.

Во вторник после полудня русские пошли в атаку вверх через Кочкар-Ату прямо на Хаир-Мухаммеда и мирзу Ахмета-кушбеги; гарнизон не выдержал атаки русских и бежал без оглядки. Кош-Тигерменские ворота были атакованы казаками. Таким образом со стыдом и срамом мы бежали из Чимкента; киргизы из русских отрядов нас преследовали и грабили, но когда мы вышли на дорогу Кашка; около спуска в Бадамсай, нас встретил шедший с войском в Чимкент кураминский хаким Хайдаркул, который, прогнав преследовавших нас киргизов, вывел нас из Бадамсая и проводил до рабата Беглербеги. Остановившись на ночлег в рабате Беглербеги, мирза Ахмет и Хайдаркул отправили донесение. Следовавшие за ними пехотинцы и конные дошли ночью да Шарапханы и, выступив оттуда поутру, к полудню были на Капланбеке, где с нами встретился шедший с отрядом из Коканда Якупбек; отсюда было послано второе донесение за печатями мирзы Ахмета и Якупбека. Переночевав на Капланбеке, поутру двинулись в Ташкент и, придя туда, поместились в урде.

Спустя неделю получилось известие, что русские, выйдя из Чимкента, идут на Ташкент. В четверг русские были в

Чинабате, в пятницу же, пройдя выше Бура-Аты, русские спустились у Алтынтюбе, перешли Салар и, остановившись в Ак-Кургане, поставили пушки.

В Ташкенте пушек не было; достали из Керсучи одну пушку, у которой не было лафета, да, собрав в городе некоторое количество чугуна, вылили из него одну пушку и открыли по русским пальбу. Русские очень много стреляли из орудий и из ружей и лезли на стену, закидывая крючья. Якупбек был около Каймасских ворот, а оттуда передвинулся к Кокандским воротам. Ходжентский хаким Мухаммед-Аюб был около Кашгарских ворот; мирза Ахмет-кушбеги с орудиями был недалеко от того места, где теперь тюрьма. Нападение русских было везде отражено. Всю ночь защитники были наготове и не спали. На другой день русские ушли по той же дороге, по какой приходили.

По уходе русских мирза Ахмет-кушбеги поселился в урде; Якупбек поселился в своем доме, по приезде же в ташкентскую урду Алимкула мирза Ахмет переселился в дом Утембая-кушбеги. Спустя немного времени наступила зима. Зимой к Алимкулу приехали из Кашгара от Садыкбека послы, дунганцы, которые привезли подарки и пленных китайцев; послы эти просили, чтобы Алимкул дал им в хакимы ходжу¹⁶⁹. Алимкул дал им в хакимы Бузрукхана тюре, а в батыр-басы к нему назначили Якупбека. Мирза Ахмет-кушбеги был назначен бском в Маргелан; на его место ташкентским хакимом был назначен кыпчак Кош парванаши.

Сделав эти назначения, Алимкул послал Садыка тюре и Арсланбека тюре на сары-агачскую дорогу для снятия русских пикетов; сам же степной дорогой, форсированным маршем, отправился с легким отрядом в сторону Туркестана и взял Икан и Чилик. Из Туркестана выходил небольшой отряд русских и дрался с Алимкулом на Чит-Арыке; большая часть русских была убита, а меньшая возвратилась в Туркестан. Алимкулу досталось в добычу: одно орудие, несколько ружей и около сотни голов. Жителей Икана Алимкул взял с собою и, привезя их в Ташкент, разместил в четыре части города; после этого Алимкул возвратился в Коканд. Кош парванаши остался хакимом в Ташкенте, мирза Ахмет отправился в Маргелан, в Чиназ был назначен киргиз кыпчак мулла Ташбек, в Ниязбек был назначен также один из киргиз-кыпчаков.

Кош парванаши занялся исправлением городских стен; он каждый день высзжал на работы и лично наблюдал,

чтобы все повреждения и разрушения в стенах были исправлены и, смотря по надобности, строил барбеты и банкеты. Все работали по собственному желанию, хотя, впрочем, большую часть работ исполняли войска.

Весной Кош парванаши занялся обучением войск.

13-го дня месяца зильхиджа 1820 года русские войска подступили к Ниязбеку. Начальником сарбазов был чужестранец по имени Батча-Батур. Кош парванаши с ташкентскими войсками и начальником гарнизона выступил к Дурмену (Дурбету.—Прим.ред.) Утром на другой день Кош парванаши сел на коня и, выехав на холм близ кишлака Кыбрая, стал наблюдать русских в подзорную трубу. Батча-Батур, захватив с собою несколько небольших пушек и несколько китайских, отправился к Уймаут-арыку; здесь он сделал по русским несколько холостых выстрелов. Когда Батча-Батур стрелял по русским, из русского лагеря отделилась толпа конных киргизов и направилась к Кыбраю. Тогда по ташкентским войскам пронесся слух, что двинулись русские, и все войска, нигде не останавливаясь, возвратились в Ташкент.

Арсланбека тюре назначили пансат-басы над ташкентскими сартами. Садык тюре со своими джигитами уезжал в Коканд, но в конце зимы возвратился и стоял в степи.

Вслед за возвращением в Ташкент Кош парванаши пришло известие, что русские заняли Ниязбек.

Несколько доверенных людей от шынышкылы и сартов были отправлены к Алимкулу с донесением.

24-го дня зильхиджа, в пятницу вечером, Алимкул пришел к Ташкенту и остановился на Мын-Урюке. Русские в это время были около Шортюбе)

Почетные жители Ташкента выехали и представились Алимкулу; они звали его в город, но он остался. На другой день из города выехало много народа; составили совет, на котором было решено просить Алимкула вывести в урду обоз и не начинать военных действий, пока не подойдут все войска и артиллерия. Алимкул не согласился на просьбу жителей. Во время этих переговоров около ста русских показалось в виду жителей и было произведено несколько выстрелов из орудий. Алимкул разгорячился и послал отряд по направлению к показавшимся русским, сам сел на коня и отправился к Кашгарским воротам, чтобы произвести смотр ташкентским войскам. Во время смотра около Салара показалась другая партия русских, которая произвела также несколько выстрелов из орудий. Разделив свои войска по роду орудия на части, Алимкул произвел наступление.

Русский отряд повернул обратно в свой лагерь; Алимкул же, проводив русских до Шортюбе, также вернулся.

Вернувшись обратно, Алимкул начал деятельно приготавливаться к сражению, не ожидая прибытия всех войск, шедших из Коканда. Окончив приготовления, он на другой день с рассветом двинул свои войска к Шортюбе.

В пятницу 26 зильхиджа, сотворив утреннюю молитву, Алимкул начал производить бомбардировку русского лагеря; русские отвечали редким орудийным огнем; в таком положении дел находились до полудня. Алимкул, теряя терпение, после каждого выстрела подвигал орудия ближе к русским, предполагал, придвинув их ближе, произвести решительную атаку. Он уже начал разъезжать от одного знамени к другому с приказанием производить атаку, как одна пуля ранила его; Алимкул со словами: «Не выгорело мое дело» — схватился за луку седла. Джамадар с несколькими людьми грудями вытолкали орудия из арыков, запрягли в них лошадей и отступили.

Стоявшая отдельно кавалерия кокандского отряда, не входя в Ташкент, ушла обратно в Коканд. Мирза Ахметкушбеги под предлогом болезни не выезжал на поле сражения, а, выйдя через Каймасские ворота, отправился в Коканд. Кош парванаши также бежал, присоединившись к кокандской кавалерии. Сарбазы и артиллерия вошли в город.

Султан Сеидхан был женат на дочери Хасанхана ишана, дом его тестя находился недалеко от Камеларских ворот, куда он и отправился.

После полудня Алимкул умер. Султана Сеидхана жители взяли из дома тестя и провозгласили ханом.

Шашку Алимкула вручили Садыку тюре и назначили его эмир-аскером. Оставшиеся в Ташкенте кокандские войска, однако, не признали Садыка тюре эмир-аскером; некоторые хотя и называли его эмир-аскером, но большинство называли его просто тюре.

Султан Сеидхан, не будучи в состоянии выполнить сам возложенных на него обязанностей, изъявил покорность бухарскому эмиру, о чем и послал просьбу к месту нахождения эмира, в Самарканд.

Ташкентские жители всходили на окопы и наблюдали как за русскими, так и за кокандскими сарбазами.

К эмиру были посланы: Муса Мухаммед-бий, ишан Абул, Касымхан, Хаким-Ходжа ишан казы-келян, тюре Ходжа-аглям, Туртбай, киргиз, шынышкылы мулла Кошук

и еще несколько сартов и киргизов. Послы эти явились к эмиру в Самарканд и, получив от него подарки, возвратились обратно. Эмир отправил с послами в Ташкент Шерали-бия, Чулака и Искандерхана-токсабу; им он вручил письмо, в котором высказывал необходимость в приезде к нему султана Сеидхана. Не видя другого выхода, исходя из своего беспомощного положения, жители отправили султана Сеидхана к эмиру.

Русские же показывались то около одних ворот, то около других, наконец однажды ночью они незаметно подошли к Рахмет-арыку.

Бес-Агачские, Камеларские и Самаркандские ворота защищали Шерали-бий и Ходжабек. На рассвете русские приставили лестницы к тем частям городской стены, где не было видно народа, и взобрались по ним к банкетам во время всеобщего сна, и начали стрелять из ружей и сбрасывать с барбетов орудия.

Узнав, что русские вошли в город, все сели на коней и бросились бежать вдоль городской стены, ища место выхода, так как все ворота были заперты; несколько сарбазов и артиллеристов от Каймасских ворот, захватив с собою Искандерхана, бросились к Кашгарским воротам, а оттуда к Кокандским, но потом, не найдя и там выхода, разобрали часть стены около протока Шильви и бежали.

Вслед за войсками бежали и жители, имевшие лошадей, в городе же остались одни слабые и муллы.

На другой день, в среду, оставшиеся в городе слабые и муллы под предводительством муллы Салибека ахуна вели с русскими перестрелку, тогда как жители Сибзарской и Кукчинской частей вышли к русским с покорностью. В четверг жители выходили и здоровались с русскими, а в пятницу русские уже спокойно расхаживали по Ташкенту.

Во вторник, когда русские вошли в город, Садык тюре приезжал на улицу Ходжа-Куча и предлагал свои услуги жителям воевать с русскими, если они к нему присоединятся; жители не приняли его предложения, и он в Кукчинские ворота ушел по направлению к Келесу.

День заключения мира с русскими был четверг 6-го числа сафара.

К генералу Черняеву с предложением мира выходили: Хаким-Ходжа ишан, Мухаммед Согат-ходжа, Мир-Салих-бай, Мухаммед-Расул караван-басы и Алим-ходжа.

После этого город Ташкент стал подвластен русским.

Мулла Юнус*.

Зимнее движение к гор. Джизаку

После взятия Ташкента и покорения зачирчикской стороны и долины р. Ангрена генерал Черняев, в то время уже бывший военным губернатором Туркестанской области, послал к бухарскому эмиру особое посольство под начальством капитана Глуховского для выяснения отношений эмира к русским. Посольство неожиданно было задержано в Бухаре и подвергнуто строгому аресту. Для подкрепления своих требований от бухарского эмира, а также для выручки послов, генерал Черняев произвел весьма рискованное движение к гор. Джизаку через пустынную Голодную степь. В своем донесении от 19 февраля 1866 года он говорит:

«31 января была сделана дневка для окончательного приготовления отряда к дальнейшему движению, а 1 февраля войска направились к Джизаку по так называемой Голодной степи, которую бухарцы считали надежнейшим своим оплотом, полагая ее совершенно непроходимую для войск.

На втором переходе от Учтюбе я получил письмо от эмира, в котором он уведомляет, что посланных требует в Самарканд и по прибытии вышлет ко мне. Рассчитывая, что письмо это вынуждено страхом нашего движения и что обещание, с минованием угрозы, может быть не исполнено, я ответил эмиру, что письмо его застало меня среди безводной степи и что только потому я не возвращаюсь, а иду вперед до первой воды, где и буду ожидать высылки посланных, а затем немедленно возвращусь.

Дойдя 4 февраля до р. Учтюбе, в 8 верстах от Джизака, я остановился и на другой день получил письмо от эмира, что задержанные им русские выехали из Бухары и 5 числа должны быть в Самарканде, откуда явятся ко мне. К этому эмир присовокупил свою просьбу, чтобы, в ожидании прибытия посланников, ни к каким несприязненным действиям не приступать. На письмо это я вновь повторил эмиру свое обещание возвратиться немедленно по исполнении им обязательства и вновь подтвердил, что другой цели движение мое не имеет.

На основании разъясненных, как оказалось, отношений к нам эмира я просил 6 февраля джизакского бека выслать к нашим пикетам жителей с дровами, с сеном для продажи.

Сначала бек изъявил согласие, но после требования исполнить немедленно мою просьбу он отвечал, что, не получив по этому предмету приказания от эмира, не может выполнить требование. Ответив беку, что если на другой день, т. е. 7 февраля, дрова и сено не будут высланы, то я принужден буду приказать взять их силою, я отправил 7 февраля в город отряд под начальством подполковника Пистолькорса из 2 рот пехоты, 4 сотен казаков с фуражерами и 2 орудий. Подполковнику Пистолькорсу было приказано повторить требование о высылке дров и сена, и только, в случае отказа, забрать в предместьях города дрова и сено, не трогая ничего остального и прибегая к оружию только в случае начатия действий противной стороны. По прибытии отряда к городу навстречу ему высыпали толпы вооруженных бухарцев, которые, переговаривая с подполковником Пистолькорсом, постепенно отступали к предместьям, а когда отряд втянулся в город, то они быстро открыли устроенный поперек улицы завал, из-за которого встретили войска залпом. Завал был немедленно взят и войска, преследуя бухарцев, проникли на самый городской базар, причем следовавшие за ними фуражиры забрали находившиеся во дворах домов и на базарах сено и дрова, не трогая другого имущества жителей и товаров. Со взятием завала открыт был огонь из крепости, но орудийные выстрелы нам не вредили, сначала по неверно данному направлению, а потом, когда войска были близко от крепости, то снаряды перелетали через них. Одновременно с открытием перестрелки в городе на сотню, оставленную у входа в предместье для прикрытия отступления, бросились бухарцы, до того мирно переговаривавшиеся с казаками; казаки, застигнутые врасплох, были быстро окружены бухарцами. Посланные мною из лагеря по выстрелам две роты с 2 орудиями заставили бухарцев отступить. В это время войска, находившиеся в городе, набрав достаточное количество сена и дров, вышли на соединение с высланными 2 ротами и возвратились в лагерь. В этом деле убито 8 нижних чинов и казаков и ранено 19. По донесению подполковника Пистолькорса, бухарцев было 100 убитых, оставленных на месте.

3 февраля утром толпы бухарцев начали показываться в виду лагеря, на довольно близком расстоянии. Два раза посылаю им предостережение, что приближение их я принимаю за неприязненное намерение; наконец, по третьему предварению, я приказал сделать выстрелы по тем

толпам, которые находились на расстоянии орудийного выстрела. Толпы немедленно рассеялись, а о вынужденном открытии огня я сейчас же сообщил эмиру. Вечером ко мне прибыл посланный от джизакского бека с изъявлением сожаления о бывшей перестрелке, отнесенной к недоразумению, и с уведомлением, что, по полученному от эмира разрешению, на другой день выедут жители, у которых можно будет купить дрова и сено.

9 февраля к цепи были высланы фуражиры, но жители не выезжали под предлогом, что они боятся слишком большого числа выехавших к цепи людей.

Видя из действий бухарцев, что они стараются выиграть время, и сохраняя за движением только характер понудительный, я решил, имея два письма от эмира, в которых он отказывался от прежних притязаний, возвратиться обратно, тем более что недостаток в корме для лошадей не позволяет оставаться долее, а между тем 9 февраля было только ближайшим возможным сроком прибытия русских из Самарканда в отряд, и легко могло быть, что обстоятельства, не зависящие от эмира, могли их задержать, или же эмир, рассчитывая на скорое прибытие всех своих подкреплений с артиллерией, имел в виду поддержать силою такие условия, на которые я не мог бы согласиться.

Решившись отступить, я приказал 9 февраля еще сделать фуражировку. Посланные для этого две роты с 2 орудиями под начальством подполковника Фовицкого, добыв дров и сена, вернулись в лагерь без выстрела как с нашей, так и с бухарской стороны. В тот же день, вечером, были посланы еще две роты с 2 орудиями под начальством майора Назарова, которые также произвели удачную фуражировку, причем бухарцы, хотя и показывались, но подходившие близко были отгоняемы выстрелами.

10 февраля получено мною третье письмо от эмира, подтвердившее обязательство его о возвращении русских посланных; на словах посланный передал, что эмиром приказано продавать нам дрова и сено, что подтверждено и письмом джизакского бека.

Оставаясь при прежнем намерении отступить к Сырдарье, так как со стороны бухарцев могли произойти новые провоочки, я начал 11 февраля обратное движение, уведомив эмира, что в доказательство, не имея другой цели, кроме возвращения посланных, я отхожу к Сырдарье, где и буду их ждать согласно данному им в трех письмах обещанию.

Как только отдано было приказание о приготовлении к выступлению, джизакский бек прислал уведомление, что, согласно приказанию эмира, все требуемое нами будет немедленно выслано. Я отвечал, что не имею уже ни в чем надобности, и затем отряд начал обратное движение; бухарцы, которых с утра нигде не было видно, высыпали все; когда отряд начал отходить, толпы их, сколько можно было приблизительно определить, от 8 до 10 т., врассыпную стали обходить отряд со всех сторон, держась, впрочем, на довольно далеком расстоянии, те, которые осмеливались подходить на расстояние верных выстрелов, были немедленно отгоняемы с потерей. Проводя нас от 6 до 7 верст, они неожиданно, как бы по приказанию, разом отступили. В этот день отряд перешел на позицию в 15 верстах от бывшего лагеря, где находился подножный корм, который мог подкрепить верблюдов и лошадей для дальнейшего движения.

Обратное движение, равно как и движение к Джизаку, совершено было без всяких потерь, а 14 февраля я расположился лагерем на левом берегу Дарьи, у места бывшей переправы, где и ожидаю разъяснения обстоятельств.

ХІІІ.

Бой под Сары-Булаком

«7 мая получены были сведения, что на левом берегу Дарьи, около караванной дороги, появилась шайка бухарцев в 1 т. человек под начальством Садыка и какого-то бия, что в то же время Садык собирает шайки туркмен и каракалпаков с целью пробраться для грабежей через Кызылкумы в наши пределы и, для привлечения на свою сторону киргиз, рассыласт в подвластные нам роды прокламации возмутительного содержания. Для предупреждения могущих быть беспорядков начальник правого фланга сформировал в ф. Перовский отряд из 40 киргизов и 40 стрелков, посаженных на киргизских лошадей, и направил его по почтовому тракту до станции Букабай-Куль, а оттуда на уроч. Каланбас, в разливе Куван-Дарьи, так как по некоторым данным можно было предположить, что Садык непременно там; в случае, если его там нет, то отряд должен был выйти на бухарский караванный путь в уроч. Джаман-Чаганак и соединиться с отрядом, высланным для той же цели из форта № 1.

Не доходя 2-х переходов до Джаман-Чаганак, 16 числа отряд наш, получив сведения, что Садык направляется по Сыру к форту № 2, направился туда же; но узнав от захваченных охотниками-киргизами двух киргиз партии Садыка, что партия обратилась к Джаман-Дарье, возвратился в ф. Перовский. Между тем высланный по первому известию о появлении Садыка 4 мая из форта № 1 отряд из сотни казаков 6 мая дошел по караванной дороге до уроч. Сары-Булак (в 143 верст. от форта). Взятый отрядом на дороге киргиз дерткаринского рода показал, что никакой шайки нет. Придя на ночлег, отряд расположился на возвышенности в 1/2 версте вправо от дороги. По другую сторону дороги в версте от нее был родник, а влево от родника, саженьях в 300, плоская возвышенность. Командир отряда есаул Анчоков отправился для осмотра местности к роднику, куда были отведены и лошади для водопоя. В это время появилась из-за плоской возвышенности шайка Садыка человек в 1000 и немедленно бросилась к отряду; люди и лошади, шедшие к роднику, успели отступить. Отряд, выстроившись в каре, встретил неприятеля выстрелами из ружей и ракетами; шедший впереди неприятель отступил на главные силы, потом, устроившись, бросился на отряд со всех сторон и открыл пальбу, продолжавшуюся с 10 часов утра до 2 пополудни, причем с нашей стороны убито 19 человек; будучи отбита, шайка слезла с лошадей и стала их путать для подножного корма. Тогда командир отряда приказал устроить окоп, что и было исполнено. В 8 часов вечера нападение шайки возобновилось, но было отбито с большою потерєю неприятеля, причем с нашей стороны убит 1 казак. Между тем все люди и лошади, находясь под сильным жаром, истомились от жажды; почему начали рыть колодец, что продолжалось всю ночь и весь день 8 числа под выстрелами; но оказалось, что воды в колодце нельзя ожидать, почему он был оставлен, а ночью начат другой колодец, в котором также не оказалось воды. 9 числа нападение возобновилось и опять было отбито с большою потерєю неприятеля, с нашей стороны ранен 1 урядник и 3 казака. Так как люди и лошади уже в продолжение 3 суток находились под сильным жаром, не имели воды и, будучи окружены мертвыми телами людей и лошадей, уже начинавшими разлагаться; совершенно истомились, так что у некоторых людей пошла кровь горлом, начальник отряда решил в 4 часа утра 10 числа отойти к роднику, для чего приказал навьючить на оставшиеся 26

лошадей сколь возможно фуража и провианта; оставшееся количество тяжести, которую нельзя было взять, приказано бросить в вырытый колодец, прикрыть сверху трупами убитых лошадей и засыпать песком. Устроив все это, отряд построился в каре и двинулся к роднику; неприятель и не подумал его преследовать, а сейчас же бросился в оставленный лагерь, думая найти добычу. Всего в продолжение этого дела с нашей стороны убито 20 человек, ранено 5, отбито неприятелем 20 лошадей и 13 верблюдов, брошено седел 5, ружей 7, вырвалось 19 лошадей и убито 15, кроме того, зарыто провианта и фуража несколько четвертей.

16 мая явился в форт № 1 бывший при отряде вожак киргиз Аль-Мамбет, который при самом начале дела успел скрыться в сухом русле Джаман-Дарьи, но был настигнут хищниками, ранен в голову и во время дела находился под караулом, а когда хищники стали отступать, то Садык его отпустил и приказал кланяться всем биям, почетным старшинам и аксакалам чумекеевского рода и передать им, чтобы они были готовы оказать ему, Садыку, всякую помощь; султану же Илекею приказал сказать, что он дурно делает, не отвечая на поклоны Садыка, между тем как обещал ему помощь, вместе с тем приказал передать ему, что если он не будет его соучастником, то очень накажет его. По словам Аль-Мамбета, численность шайки Садыка простиралась до 2000 человек».

(Из журнала военных действий и происшествий на среднеазиатской границе с 10 мая и по 1 июня 1867 года).

XIV.

Стычка с Джизаком

Не об этом ли нападении имеются сведения в «Журн. воен. действий» (по 28 октября 1867 г.), в котором, между прочим, говорится: «Сотник Бухарин доносит, что Садык, собрав шайку тысяч до двух, вышел из Нурата и собирается сделать нападение на Джизак, или пройти к Чардарам и наказать кочующих там киргиз за отложение от бухарского эмира. Ни то, ни другое не было приведено в исполнение Садыком; тем не менее он разослал по всему пространству Задарьинского пространства мелкие партии, которые и начали действовать на наших сообщениях между Чиназом, Джизаком и между этим последним пунктом и Заамином. Несколько раз партии эти прорывались даже до р. Сырдарь

на протяжении между Чиназом и Ирджаром, и грабили и отгоняли скот у кочующих там подвластных им киргиз.

Одна из этих шаек отогнала 6 августа скот жителей г. Заамина. Для преследования хищников выслана была из Заамина команда из 22 уральских казаков и 18 стрелков (оконенных) 6-го батальона под начальством есаула Назарова. Хищники были настигнуты, и скот отбит обратно. Преследуя партию, есаул Назаров приблизился к Джизаку и, имея в виду дать отдых людям и лошадям, направился с отрядом и отбитым скотом не обратно в Заамин, а к Джизаку. Но не успел отряд пройти и нескольких верст, как был окружен другою уже партией, числом до 1 тыс. чел., спустившихся с гор. Произошло столкновение; бухарцы несколько раз бросались на отряд, стараясь подавить его массой, но каждый раз были отбиваемы со значительною потерей, и отряд, несмотря на эти натиски, отошел к Джизаку. Потеря наша при этом состоит из 3 убитых стрелков и 4 раненых. Потеря неприятеля в точности неизвестна, но должна быть весьма значительна».

XV.

Сражение под Зерабулаком

Автор рассказывает об известном сражении под Зерабулаком, где была разбита наголову генералом фон Кауфманом последняя армия бухарского эмира. Результатом поражения было заключение мира с Бухарою. Сражение происходило следующим образом:

«Получив сведения, что у Катта-Кургана собираются все силы эмира, генерал Кауфман 30 мая утром с десятью ротами пехоты, 6 орудиями и 3 сотнями казаков усиленным маршем двинулся к Катта-Кургану. В Самарканде в цитадели оставлено 4 роты 6-го батальона, рота сапер и два батарейных орудия.

2 июня с отрядом из 18 рот пехоты, 14 орудий и 6 сотен казаков генерал Кауфман выступил из Катта-Кургана, оставив в его цитадели две роты 8-го батальона. С самого выступления, на расстоянии 10 верст до позиции неприятеля, их конница держалась в стороне, разъезжая по разным направлениям. Криками они возбуждали друг друга к наступлению, вся степь гудела от этих криков; тем не менее только одиночные всадники отваживались подъезжать на расстояние орудийного выстрела. На 12-й версте от Кат-

та-Кургана, по дороге к Кермене, на Зерабулакских высотах, ожидал нас неприятель со своими войсками. Позиция их имела направление на юг, почти перпендикулярное к дороге от Катта-Кургана в Кермене. Неприятель состоял более чем из 6 тысяч пехоты, 14 легких орудий и до 15 тысяч конницы.

Для атаки войска были разделены на две колонны: правую командовал полковник Пистолькорс, левую — полковник Абрамов; всеми войсками руководил генерал-майор Головачев. Генерал Кауфман со свитой следовал за колонною полковника Абрамова. Правая колонна была сдвинута несколько раньше на край левого фланга позиции неприятеля и, обогнув его, начала атаку. Дивизион конно-облегченной казачьей батареи, подъезжая на самый выгодный картечный выстрел к неприятелю, производил в рядах его сильное опустошение. Выпущено было 34 картечных заряда из орудий; неприятель начал поспешно отступать; тогда полковник Пистолькорс приказал идти в атаку кавалерии, которая и dokonчила поражение левого фланга. Орудийный огонь неприятеля с гребня Зерабулакских высот не наносил нам никакого вреда. Когда же выдвинута была колонна полковника Абрамова, то неприятель с поспешностью снял свою артиллерию. Пехота его центра, после некоторого сопротивления, бежала, отброшенная нами в степь по направлению к Кермене. Войсками неприятельскими на Зерабулакских высотах начальствовали: Ходжа (турок) и Осман (беглый симбирский казак-ренегат); оба, к сожалению, успели бежать.

3 июня вся окрестность на большое расстояние оказалась пустою; нигде не видно было пикетов, и, по показанию жителей, неприятель разбежался в разные стороны».

(«Истор. 4 туркестанского линейного батальона», соч. Зайцева).

XVI.

Нападение Садыка на колонну генерала Бардовского

Нападение было сделано на колонну генерала Бардовского, стоявшего на Адам Крылгане, утром 6 мая 1873 года.

«Исполнение колонною генерала Бардовского возложенного на нее поручения было обеспокоено, на рассвете 6 мая, нападением на бивак шайки туркмен, часть которой еще накануне, в полдень 5 числа, пыталась отбить несколько

наших верблюдов, ходивших на пастбище. Но когда прикрытие, окараулившее стадо, заняло ближайший бархан, туркмены отказались от своего намерения, поспешно удалились и соединились с главной партией, державшеюся все время вне выстрела. Потом и эта партия исчезла, оставив на дальнем бархане небольшой пикет. Ночь на 6 число прошла спокойно; но в 4 часа утра неприятель снова показался около лагеря. Разделившись на две кучки, в каждой примерно по 200 человек, неприятель начал наступать на нашу позицию с двух сторон. Но войска в лагере уже были готовы к отражению атаки. Генерал Бардовский поставил их в ружье без тревоги и выслал вперед на барханы, в стороны, где собрался неприятель, стрелковые взводы. Туркмены два раза бросались на барханы, но, встречаемые из-за них огнем стрелков, поворачивали назад, отступали и с дальнего расстояния открывали по взводам и по лагерю безвредный для нас ружейный огонь. Попытка неприятеля атаковать наш бивак и беспредельная перестрелка его заняли часа два времени и мешали нам выпустить на пастьбу верблюдов и лошадей. Тогда генерал Бардовский приказал начальнику кавалерии с частью казачьих сотен и с ракетною батареею прогнать шайку. Несколько удачно пущенных ракет заставили неприятеля повернуть тыл и рассеяться. Потом он снова собрался и готовился к сопротивлению. Кавалерия двинулась на рысях вперед; неприятель не выждал атаки и опять рассеялся. Тогда началось преследование хивинцев; вместе с казаками неприятеля гнала и часть нашей пехоты. Преследование было остановлено в 4-х верстах от лагеря. По всему пути отступления хивинцев попадались окровавленные тряпки халатов, вата, виднелись следы крови. Неприятель понес значительную потерю от огня наших стрелков и от ракет. У нас потери вовсе не было.

Как показал перебежчик, нападавшая на Адам Крылган 6 мая партия хивинцев состояла из 400 туркмен и киргизов под предводительством известного степного разбойника Садыка. Он был выслан из лагеря хивинцев и Уч-Учака для обеспокоения туркестанского отряда во время перехода им стоверстного песчаного пространства, отделяющего уроч. Хал-Ата от Амударьи. За партией Садыка следовал караван из 200 верблюдов с водою. В ночь с 4 по 5 мая шайка Садыка ночевала в 8 верстах от Адам Крылгана. Здесь от захваченного в плен одного нашего лаучи Садык узнал, что на Адам Крылгане расположен русский отряд всего

будто бы в 150 человек, прикрывающий огромное число верблюдов. Случай показался Садыку соблазнительным, и он рискнул произвести нападение. Попытка эта, однако, была весьма неудачна. Пленные, взятые нами впоследствии в деле 11 мая, показали, что из партии Садыка едва лишь половина возвратилась в уч-учакский лагерь, и то почти все пешком, сле живые от жажды и утомления вследствие успешного и быстрого отступления. Остальная половина или разбежалась, или погибла от ран, а еще более от недостатка воды. Все верблюды и много лошадей брошены на дороге. Беспорядочное прибытие остатков партии Садыка в уч-учакский лагерь, рассказы вернувшихся произвели панику между хивинскими войсками. По словам их, «если бы русские продолжали преследование, то ни один из нас не вернулся бы».

(Рукоп. «Материалы для описания хивин. похода 1873 г.; действ. Туркест. отр.»).

Лично Садык рассказывал об этом деле следующее. В хивинском лагере на Уч-Учаке время от времени получались сведения через рекогносцировочные партии киргизов и туркмен о движении русских через Кызылкумскую пустыню. Когда отряд двинулся на Хал-Ату, и затем на Адам Крылган, это всех удивило, так как избранный путь был самый тяжелый и непроходимый для пеших войск с тяжестями. Хивинцы предполагали, что если не весь, то часть отряда погибнет в песках. Предположения начали оправдываться слухами о весьма тяжелом положении русских. Тогда было решено послать Садыка к Адам Крылгану. Формируя отряд преимущественно из доброконных наездников, он захватил с собою до 300 верблюдов с водою в турсуках, с провиантом и фуражом. Кроме того, водою запаса и каждый всадник. Подойдя к русскому отряду, он увидел, что солдаты, по видимому, нисколько не утомлены, и встретили его энергичною пальбою. Это его сильно смутило, и он напал весьма слабо, чем и объясняется незначительность его потери. Когда вышел запас воды, он начал отступление, которое, вследствие отсутствия дисциплины между наездниками, было вполне беспорядочно. На обратном пути, вследствие недостатка воды, жары и утомления погибла чуть не половина отряда. Из первых погибли все раненные в деле, а также имевшие убитых и раненых лошадей; много погибло также и верблюдов. По мусульманскому обычаю умершие были все похоронены в песках, а не брошены без призора, так как позади был неприятель.

Появление отряда в таком бедственном положении в уч-учакском лагере и вести, привезенные Садыком о бодром виде русских, произвели на хивинцев тяжелое впечатление. Этим объясняется слабость их сопротивления на правом берегу р. Аму. Русские казались неодолимыми.

XVII.

Выход туркестанского отряда на р. Амударью

Автор рассказывает об окончании тяжелого и рискованного похода туркестанского отряда к Хиве через Кызылкумскую пустыню и выходе его на р. Амударью близ Уч-Учака. Подробности последних переходов и бой с хивинцами близ Уч-Учака довольно живо описаны в рукописных материалах для составления «Описания хивинского похода».

«7 мая бивак на Алты-Кудуке временно очень оживился: у многих лица сияли радостью; воодушевление было полное. Теперь забавно даже вспоминать, какая ничтожная причина была предметом оживления и общей радости в отряде. Но тогда это имело огромное для нас значение. Дело в том, что в этот день возвратился в лагерь лазутчик-джигит, посланный к Сардаба-Кулю высмотреть силы и расположение там хивинского скопища. Лазутчик в доказательство, что он действительно был на месте, привез с собою пучок камыша с Сардаба-Куля. Вот этот-то камыш, свидетельствовавший нам воочию близость Амударьи, был предметом общего оживления. Все расспрашивали и волновались. Каждому хотелось если не получить хоть веточки этого камыша, то, по крайней мере, посмотреть на него и собственными глазами увидеть в этом неоспоримое доказательство близости живой, вольной воды. Вопрос о том, какая масса хивинцев собралась на Уч-Учаке, чтобы загородить нам выход к Амударье, был совершенно на втором плане; в отряде не допускалось мысли, как ему удастся одолеть грозную природу и благополучно выйти из песков, и чтобы хивинцы воспрепятствовали ему достигнуть Амударьи — этой цели, к которой стремились помыслы всех и каждого уже в продолжение почти трех месяцев. 9 мая, в 7 часов утра, прибыла, наконец, на Алты-Кудук давножданная, желанная колонна генерала Бардовского с наполненными водою сосудами и с напоенными лошадьми и верблюдами.

Но, к общему ужасу, этих последних осталось всего 1240 голов. Наш вьючный обоз, таким образом, постепенно таял: нельзя и подобрать другое выражение, фактов, которые так затрудняли и озабочивали туркестанский отряд в хивинском походе. Нечего было, следовательно, и думать о том, чтобы поднять с Алты-Кудука все тяжести и всю колонну в полном составе. Приходилось оставить на Алты-Кудуке отрядные тяжести, в коих не встречалось насущной потребности, и, для прикрытия их, две роты 3-го стрелкового батальона и дивизион конной батареи. Трудно представить себе, что ощущали те войска, которым выпадала тяжелая участь оставаться на неопределенное время в алты-кудукской позиции. Но тяжесть испытания возбуждает в русском воинстве пропорционально еще большую энергию и стойкость, и отряд полковника Новомлинского, оставленный на Алты-Кудуке, исполнил возложенную на него задачу поистине с мужеством и героизмом.

Для остальных, сравнительно счастливых, частей войск настал, наконец, давно ожидаемый час выступления их с черной памяти алты-кудукских колодцев.

В 3 часа после обеда 9 мая колонна в составе 10 рот, 8 орудий, двух картечных и казачьей сотни поднялась с бивака и немедленно потянулась в юго-западном направлении. Опять та же угрюмая местность кругом, те же песчаные горы, те же картины походного движения по рыхлому, глубокому песку, чрезмерное напряжение людей и животных. По счастью, погода была благоприятной, небо заволокло легкими тучками; маленький ветерок освежал воздух. Первые 8 верст, до выхода на караванную дорогу, были очень тяжелы; снова пришлось идти без дороги, целиком. Верблюды, на которых вьюки были не более 8 пудов, сильно отставали на этих 8 верстах, и снова большое число их пало здесь. Когда отряд выбрался, наконец, на караванную дорогу, верблюды пошли легче, войска бодро зашагали, и около 8 часов вечера, когда уже начало темнеть, колонна отошла от Алты-Кудука на 20 верст и остановилась на ночлег. Начало, следовательно, было вполне удачное. С 3 часов дня до 8 часов вечера, т. е. в продолжение 5 часов, отряд прошел 20 верст, или 4 версты в час, очень тяжелого и томительного маршрута по пескам. Пищу на ночлег не варили; воду раздали людям только для питья и на чай; по одному ведру дали артиллерийским и казачьим лошадям. На питье солдаты истратили мало воды; всю полученную порцию они употребили на чай, который со-

ставляет лучшее средство от жажды; сырая вода лишь временно уменьшает жажду, не утоляя ее. Спокойно, крепко заснул отряд на ночлеге с 9 по 10 мая; укладываясь, кто как мог, на бивак, всякий мечтал о том, что завтра, быть может, доведется увидеть, наконец, три холма (Уч-Учак. В современной транскрипции Ушушак.— Прим. ред.), у подножья которых вьется широкою лентою река с пресною, вкусною водою, достигающая миллионам людей.

Ночью бивак был слегка встревожен. Небольшая неприятельская партия, подкрадываясь к позиции, наткнулась на один из секретов, расположенных впереди переднего фаса каре. Из секрета выстрелили, неприятель бросился назад, в лагере пробудились, но тревоги не затрубили; в ружье встал лишь один передний фас, и то ненадолго. Когда с аванпостов дали знать, что неприятель скрылся, в лагере снова все успокоилось и захрапело.

За полчаса до рассвета 10 мая у ставки начальника отряда протрубили подъем. Отряд скоро собрался и через полчаса отправился в путь. Прохладный ветерок с Амударьи, так благотельно освежавший нас накануне, за ночь совершенно стих. Стало душно, и солнце с утра начало нещадно печь, обжигая сверху и раскаляя внизу песчаную почву. К полудню жар достиг 45° Реомюра... А путь был необычайно труден. Во-первых, вся местность к Амударье делала заметный подъем; во-вторых, дорога к Уч-Учаку, песчаная на всем своем протяжении, пересекалась поперек семью широкими и высокими песчаными кряжами (жеты-аши) и множеством менее значительных песчаных увалов. Длинная вереница нашей колонны непрерывно изгибалась; войскам с артиллерией и вьючным обозом приходилось беспрестанно то подниматься, то опускаться, снова подыматься, опять опускаться и т. д. Лога между песчаными нагромождениями были незначительны по ширине; в них тоже был песок, движение по которому было трудно; но здесь колонна отдыхала, и движение к логу было ничто в сравнении с подъемом, перевалом и спуском на жеты-аши и на остальных менее значительных песчаных увалах, а между тем и увалы, и эти песчаные кряжи, или жеты-аши, чем ближе к Амударье, тем делались все выше и круче. Люди, лошади, верблюды — все это надрывалось, сгибалось, пыхтело, одолевая непомерную работу ногами в рыхлом, сыпучем песке; организм напрягался, делал последние усилия, а жгучее солнце сверху не давало пощады. Медленно, шаг за шагом, протянулись 8 верст от ночлега, перевалили

2 жеты-аши, взобрались на третий. Утомление, жажда невыносимо одолевали всех. Но вот по отряду пронеслась восторженная весть: с вершины третьего кряжа увидели вдаль на горизонте три холма. «Уч-Учак!» — раздалось по всем направлениям. Все устремили взоры вперед, напрягали зрение, чтобы хорошенько всмотреться, не мираж ли это, действительно ли это три холма, достигнув которые мы покончим с нашими мученьями и испытаниями. Командующий войсками разослал в колонны своих адъютантов сообщить всем радостную весть. Восторженное, хотя и глухое «ура» вырвалось из тысяч надорванных грудей и огласило мертвую пустыню. Все оживилось, приободрилось в отряде. Нашлись сейчас же остряки, серьезно уверявшие, что даже верблюды почуяли близость реки и бодрее зашагали. Всем сделалось легче, веселее; как будто и солнце не так жгло, и песок казался менее глубоким, и песчаные перекаты легче предыдущих.

Отряд прошел еще версты 3—4 и остановился для привала. Верстах в полутора впереди позиций, на которых расположилась колонна для бивака, возвышался четвертый высокий кряж. Для обзора с него впередилежащей местности, тотчас же по расположению войск на позиции, командирован был его императорское высочество великий князь Николай Константинович с офицерами генеральского штаба. С вершины этого кряжа, далеко влево за песчаными барханами, уже виднелась синеватая, искрившаяся на солнце лента.

«Река! Река!» — шевельнулась у каждого радостная мысль.

Отдых на привале для всех был крайне необходим. Бивак расположен был на тех же неизменных однообразных песчаных голых барханах; низенькие, стелющиеся по земле чахлые кусты песчаной флоры, немного зеленой невысокой реденькой травы ранг да множество ящериц — вот все, что до известной степени оживляло из растительного и животного мира местность, на которой приваливал отряд. Впереди, назади, по сторонам, сколько мог видеть глаз, везде безбрежно расстилалась та же грустная, унылая картина масс, глыб, гор песку...

Во время привала топографы определяли расстояние Уч-Учака; измерен был 5-верстный базис и засечен он из трех холмов; расстояние оказалось в 15 верст.

Наблюдая с бивака, в бинокли и трубы, уч-учако, высоты, увидели огромную пыль на их отлогостях и бо...

ТЕЗЕК ЧОРЕ,
ПОТОСЮК ЧИГИСХАНА

шую темную массу, спускавшуюся с высоты правее крайнего холма. Это хивинское полчище, заметив наше приближение, переходило из лагеря на берегу Амударьи к озеру Сардаба-Кулю, навстречу отряду.

Отдохнувши и подкрепившись чаем с сухарями, колонна поднялась с привала в два часа дня и потянулась вперед. Путь чем далее, тем делался все утомительнее и тяжелее; песок был глубже, рыхлее; жеты-аши — выше, круче; песчаные перекаты через дорогу — чаще. По пути стали больше попадаться павшие и уже ободранные лошади, верблюды. Встречались и живые еще несчастные животные, брошенные на произвол судьбы; изнуренные недостатком корма и воды, надорванные трудною работой, лишенные сил тронуться с места, верблюды неподвижно лежали в песке, ожидая смерти... То были следы быстрого, поспешного отступления с Адам Крылгана к Уч-Учаку несчастной партии Садыка.

Выбываясь в песке из сил, молча, медленно подвигалась вперед длинная нитка нашей колонны. Вдруг впереди произошло какое-то оживление; из авангарда по всей колонне моментально пронесся слух о появлении неприятеля. До Уч-Учака оставалось еще 8 верст. Начальник отряда генерал Головачев, следовавший впереди войск, первый заметил неприятельские разъезды и остановил головные части, чтобы дать подтянуться колонне. Командующий войсками, следовавший обыкновенно со своею свитою сбоку колонны, был в это время на высоте ее середины. Он тотчас же, рысью, поехал к авангарду.

С высокого бархана, находившегося на месте остановки головных частей, открывалась чрезвычайно оживленная новая картина. Впередилежащие барханы были все усыпаны неприятельскою конницею, растянувшейся полукружием, приблизительно версты на две расстояния. Неприятель, очевидно, готовился задержать здесь дальнейшее движение отряда к воде. Он рассчитывал на крайнее истощение войск при выходе их из безводных песков и мечтал, что отряду не устоять при первом дружном его натиске.

Было уже около 6 часов вечера; солнце близилось к закату. Решено было остановиться здесь на ночлег, стянуться, отдохнуть и с рассветом 11 мая двинуться далее. Лишь только авангард начал располагаться на позиции, неприятельском стане, бывшем до тех пор совершенно спокойным, замечено было движение. Из разных пунктов его расположения выскакали на рысях вперед кучки всадников.

из которых наиболее смелые и отважные приблизились к нашей позиции на ружейный выстрел и начали стрелять. Понятно, что стрельба эта была совершенно для нас безвредна; войска спокойно подходили к месту бивака и занимали на нем свои места. Для того же, чтобы отогнать дальше от позиции более рьяных неприятельских всадников и отбить у них охоту наскочить на растянувшийся по дороге наш вьючный обоз, высланы были вперед от позиции и к правому ее флангу стрелковые взводы. Стрелкам, по принятому в отряде правилу, строго подтверждено было не тратить патронов, стрелять лишь наверняка, с близких дистанций. Позиция для ночлега занята была таким образом: на самой дороге и по сторонам ее поставили конные орудия, прикрываемые на флангах двумя ротами пехоты. Орудия с ротами составили передний фас каре, в которое, по мере стягивания, устраивались остальные войска для ночлега; внутри каре поместился обоз. Фасы каре заняли гребни барханов, а обоз стал в котловине, скрывавшей его со всех четырех сторон от выстрелов неприятеля.

Наступили сумерки; чем более темнело и неприятель убеждался, что мы остановились здесь не для того, чтобы подтянуться и идти далее, а располагаемся на ночлег, тем он делался смелее и настойчивее. Фланги его растянутого расположения более и более сближались к нашей позиции, и она оказалась, наконец, как бы опоясанною со стороны переднего и боковых фасов живою дугою массы неприятельского конного полчища. Но никакого дружного натиска, ни одной смелой, лихой атаки мы не дождались в этот вечер. Надо полагать, грозна была для хивинцев нравственная сила, сравнительно с их числом, горсти русских храбрецов, надорванных непомерными трудами пройденного пути, томимых и обессиленных сильной жаждой. Лишь небольшое число смельчаков из неприятельского стана, пользуясь наступившею темнотою и неровностями местности, рискнуло, подкрадываясь, приблизиться к нашему лагерю; они везде натыкались при этом на наши стрелковые взводы, выставленные вперед секреты, которые не клали охулку на руку и живо снимали всадников с седла или ранили и убивали их лошадей удачными выстрелами с самых близких дистанций. Редко кому из приближавшихся к биваку смельчаков посчастливилось вернуться назад благополучно. Картина на самой позиции была весьма оживленная; в мраке сумерек беспрестанно сверкали огоньки ружейных выстрелов и далеко разносилось их эхо по пес-

чаной мертвенной пустыне. Несмотря на общее утомление, отряд бодрствовал, почти все были на ногах, и, заняв вершины барханов, войска и наши отрядные мусульмане беспечно забавлялись состязанием двух враждебных лагерей. Подошло время вечерней зари. Очередное орудие зарядили гранатою; направление выстрелу дали в более густую массу неприятельского расположения. Любопытных собралось около орудия множество. Раздалось «пли»; орудие рывкнуло, сверкнул в темноте огонь, и граната, оставляя за собой светящийся след, полетела в неприятельский стан. Все смолкло, насторожило слух; вдали раздался гул разрыва гранаты, и в хивинском лагере послышался глухой шум и какое-то движение. Затем снова настало затишье, изредка прерываемое ружейною трескотней, продолжавшей всю ночь. С наступлением темноты бивачные огни зажглись и в нашем, и в неприятельском лагере. Хивинцы не поспешили кострами и зажгли нечто вроде иллюминации. Должно быть, хоть этим они намерены были припугнуть нас,

бы себе, что за несметное полчище накинется на нас на следующий день и опрокинет, или, как есть у туркмен выражение, растопчет весь русский отряд. Что думали и на что рассчитывали в ночь с 10 на 11 мая хивинские ратники, — это оставалось для нас в области догадок; но представлявшаяся картина двух вражьих лагерей в общем, в ночной тесноте, была весьма интересна и занимательна. Один лагерь — маленький, крошечный, почти темный, редко-редко где догорал небольшой костер; утомленное дневною работою воинство спало крепким, сильным сном под охраною правильно, симметрично расставленных сторожевых постов. Другой бивак — огромный, растянутый, с массою ярко пылающих костров как бы сдавливал первый своим огненным поясом. Над всем этим — тихая душная ночь, южное звездное небо, и изредка то там, то в другом месте сверкнет огонек и раздастся раскат ружейного выстрела.

Начало, наконец, светать; у нас протрубили подъем. Живо поднялись войска, быстрее обычного шла навьючка верблюдов; все двигалось на позиции как-то живее, торопливо. Через полчаса отряд был готов к выступлению и войска заняли места, назначенные им по диспозиции, объявленной накануне. Командующий войсками объехал каждую часть войск, поздравлял их с первою встречей с неприятелем, предупреждал не тратить попусту зарядов и

патронов, не увлекаться преследованием и отражением атак неприятеля, а, соблюдая стройность и порядок марша, иметь в виду главную цель — выход из песков и достижение живой, вольной воды.

Вьючный обоз наш стянулся в плотную, сомкнутую массу; верблюды были уставлены в несколько рядов, причем сколько могло их, следовало по дороге, остальные по сторонам ее; общая фигура вагенбурга представляла квадрат. Войска замкнули этот квадрат со всех сторон.

Командование передовою цепью стрелков поручено было его императорскому высочеству князю Евгению Максимилиановичу; его императорское высочество великий князь Николай Константинович изволил следовать при ротях 4-го туркестанского линейного батальона. Кавалерия, подоспевшая с Адам Крылгана к отряду за час до его выступления, замыкала весь марш и следовала позади арьергарда.

Солнце взошло уже довольно высоко и, по обыкновению, начало сильнее припекать, когда дан был сигнал наступления колонн. Войска перекрестились, взяли ружье, вольно и бодро зашагали снова по тому же песку, но уже на этот раз каждый чувствовал и сознавал, что это последние трудные шаги, последние усилия. Напряжение, бодрость были всеобщие; замечательное явление — даже верблюды, этот тяжелый кошмар отряда, и те на сей раз шли лучше; они действительно как бы чуяли близость воды, шагали к ней неожиданно ходко; палых и отсталых не было ни одного.

Пока не трогалась с места наша колонна, в неприятельском расположении заметны были движение, суета; конные его массы оставались, однако, на месте, и лишь одиночные всадники выскакивали вперед, приближались к позиции и стреляли с коня. Но едва отряд тронулся с места, неприятельская линия заколыхалась, раздалась трубные звуки, ободрительные крики «ур-ур», и вся масса конного полчища ринулась на колонну, огибая ее с флангов. Однако первый пыл этого натиска скоро прошел. Не прибавляя и не убавляя ходу, наша колонна медленно, шаг за шагом, словно стальная броня, зарываясь в глубоком песке, стройно и грозно подвигалась вперед. Выскочившие первыми части конного неприятельского полчища, попав в сферу действительного ружейного огня наших передовой и боковой цепей, сразу осадили своих коней, остановились и, выпустив с седла несколько ружейных выстрелов, повернули назад и спустились в ложины, прикрываясь пес-

чаными холмами. Наши цепи стреляли сдержанно; они прибегали к пуле только тогда, когда неприятель был шагах в 400—500, не более. Это было наступление с пальбою по подвижным мишеням. Несколько всадников повалились с седел от пуль наших стрелков; часть их были раненые, другие убитые; и тех и других хивинцы ловко и быстро подхватывали на крупы лошадей и ускакивали; наши стрелки подбили и поранили также несколько лошадей в неприятельских рядах. Убедясь, что с фронта нельзя задержать нашей колонны, неприятель попытался атаковать ее фланги. Здесь повторялось то же самое. Огонь боковых цепей живо разметал конные партии неприятеля, которые, повернув тыл, поспешно скрылись за ближайшие барханы. Наконец, и попытка хивинцев опрокинуться на хвост колонны была для них столь же неудачна, как и первые две атаки. Тогда, окружив наш отряд, ни на миг не останавливавший своего постепенного, медленного движения вперед сильно растянувшуюся поредевшую массу конных и не дерзая уже более приближаться к колонне, неприятель сопровождал ее марш на почтительном расстоянии дикими оглушительными криками «ур-ур», звуками огромных своих, вроде иерихонских, труб и совершенно бесцельною, безвредною ружейною трескотнею. Одолевая собственно трудности марша, колонна спокойно подвигалась вперед, изредка отвечая из четырех сторон квадрата, в который она была заключена, на неприятельские ружейные и фальконетные выстрелы. Хивинцы, видимо, ослабевали и падали духом; с каждым нашим шагом вперед они убеждались, что им не остановить этого марша, не одолеть силы, неуклонно, спокойно стремившейся к данной цели. Шум, крики, трубные звуки в неприятельских рядах начали постепенно ослабевать, затихать; конные его массы заметно поредели, большая часть их собралась к правой стороне нашего движения и оттуда, повернув назад, потянулась в беспорядке, правее Уч-Учака, к берегу Амударьи. В этом направлении пролегал ближайший путь отступления неприятеля к переправе у Ичке-яра и на дорогу, по правому берегу Аму, в Шурахан. Очевидно было, что хивинцы, потеряв надежду заградить нам путь к реке, начали уже думать о собственном спасении и об обеспечении пути отступления.

Отряд протянулся уже пять верст от места бывшего ночлега. С высоких барханов, на которые взобралась колонна, виднелась уже темно-голубая полоса. «Вода! Река!» — невольно и радостно вырвалось у каждого. То было озеро

Сардаба-Куль, всего верстах в трех впереди отряда. Его окаймляла так давно не виданная нами приятная зелень камыша и осоки. Озеро занимало огромную площадь, северо-западная сторона которой примыкала к отлогостям уч-учакских холмов. Уч-учакские высоты, далее вправо, в северном направлении, тянулись в виде каменной гряды, окаймляющей берег Аму и носящей местное название «чинк». К северной стороне чинк постепенно понижался и терялся в песках; южную же свою оконечностью он упирается в Амударью.

С песчаных возвышенностей, до которых достиг в то время отряд, местность постепенно понижалась и переходила в низменность, противоположный скат которой составляли отлогости чинка и подошва трех уч-учакских холмов. Прямо по направлению дороги, шагах в 300 от северного берега озера, виднелось обширное, массивное кирпичное здание, оказавшееся потом старою полуразвалившеюся постройкою Сардаба-рабат. На этой же низменности, влево от дороги, расстилалась обширная площадь озера Сардаба-Куля, питаемое водою из разливов Амударьи.

К 8 часам утра колонна вышла, наконец, из песков к краю низменности. Ноги и людей, и животных сразу почувствовали облегчение; они не тонули, не вязли уже в раскаленном песке, а ступали по твердой, глинисто-солонцеватой почве. Неприятель ускорил свое отступление; он поспешно уходил, скрываясь от нас за чинк и за уч-учакские холмы. Часть его, как бы пытаясь еще оказать нам последнее сопротивление, остановилась у подошвы и по отлогостям чинка. Тогда с нашей стороны выдвинули вперед на позицию взвод орудий; два удачных выстрела гранатами, разорвавшимися как раз в середине конной неприятельской толпы, моментально ее рассеяли; всадники быстро повернули назад и скрылись за чинком к стороне Амударьи.

Этим закончилось трудное дело выхода туркестанских войск из безводной песчаной пустыни. Отряд стоял на берегу озера; вольная пресная вода, о которой так давно и сладко мечтали, была у всех на виду, перед глазами. С особенным восторгом и жадностью взоры всех устремились на озеро. Требовалось усилие, чтобы сдерживать коней и верблюдов, которые рвались к воде. Жажда томила всех; каждый готов был броситься к озеру и прильнуть запекшимися губами к воде.

(Рукоп. «Матер. для опис. хивин. похода 1873 г.; действ. турк. отряда»).

Сведения о походе Якупбека в Аксу

По поводу похода в Аксу Садык лично рассказал следующий эпизод, характеризующий непрочность положения Якупбека в своем ханстве. Задумав движение на Аксу, Якупбек собрал военный совет, на котором, между прочим, был возбужден вопрос — кого послать начальником войск. Якупбек изъявил желание сам командовать войсками. Садык запротестовал против такого решения. В своей речи, произнесенной в совете, он выразил ту мысль, что в случае поражения полководца, посланного с войсками, беду можно поправить, но в случае поражения государя страны бедствие будет всеобщее, а особенно при том положении, какое они все, пришельцы, занимают в Кашгаре.

Садык указал на шаткость этого положения, на непрочность всего, что создано ханом; все держится его энергиею и авторитетом. В случае несчастья с ним поднимут головы против пришельцев — андижанцев — все недовольные ими, и ханство может очутиться на краю гибели. С Садыком согласились и некоторые члены совета, но большинство, угождая хану, одобрило его решение.

Должно быть, речь Садыка (он говорит прекрасно) не отличалась мягкостью. Якупбек рассердился на него, не принимал в течение месяца и в конце концов не взял его в поход с собой.

Как известно, дальнейшие события доказали правильность взгляда Садыка, что говорит за большую его умственную развитость и опытность в среднеазиатской политике.

XIX.

Сведения о занятии Кашгара китайцами

Об уничтожении китайцами государства, основанного Якупбеком, и о завосвании ими Кашгара имеются следующие краткие сведения в книге А. Н. Куропаткина «Кашгария».

«3 апреля 1877 года китайцы из Урумчи, в числе 4.000 человек, двинулись к укреплению Диванчи и обложили

его. Гарнизон Диванчи, в числе 1.300 человек, после трехдневной слабой защиты сдался китайцам.

Одновременно с наступлением из Урумчи к Диванчи китайцы произвели наступление из города Хами (Комула) в Куня-турфану. 2.000 вооруженных жителей, составлявших гарнизон города, передались китайцам без выстрела. Хакимхан тюре успел только с горстью солдат отступить к Тогсуну, где и соединился с Хаккулыбеком. Отряд этого последнего к тому времени состоял из 4.000 джигитов и сарбазов и из 6.000 вооруженных жителей.

Узнав о наступлении китайцев, Хаккулыбек послал к своему отцу в город Курля за разрешением отправить подкрепление к Диванчи и Куня-турфану, но ранее получения ответа эти укрепления уже были взяты, и Хаккулыбек, на этот раз уже без разрешения, отступил со всем своим отрядом к городу Карашару, опасаясь быть отрезанным со стороны ущелья Субасы.

Лу-ча-дарин, начальник китайских войск, поступил с пленными, взятыми им в Диванчи, чрезвычайно дипломатично и выгодно для китайского влияния.

Из числа пленных солдат жители Джетышара, — а таковых набралось до 1.000 человек, — были обласканы, снабжены деньгами на путевые издержки, пропускными бумагами и отпущены на свободу.

При этом Лу-ча-дарин внушал им, что он воюет только против *андижанцев*, т. е. пришельцев в Фергану и Ташкент, что в преданности китайскому правительству жителей Джетышара он не сомневается и что в скором времени постарается освободить их от притеснений Якупбека.

Остальные пленные, родом из других частей Туркестана, были отправлены в Урумчи.

Освобожденные пленные прибыли в Карашар, и слух о подробностях, сопровождавших их освобождение, дошел до Бадаулета. Считая весьма опасным принятый китайцами образ действий, Якупбек, чтобы парализовать влияние их обращения с пленными, принял меру, которая еще более повредила ему и создала симпатию к китайцам. Он предписал сыну своему Хаккулыбску лишить пленных возможности распространять слух о своем освобождении далее. Хаккулыбек выполнил волю своего отца, умертвив значительную часть этих несчастных. Остальные успели бежать обратно к китайцам.

Эта мера, как и следовало ожидать, произвела результат обратный тому, которого ожидал Якупбек. Слух об этом

зверстве быстро прошел по всей Кашгарии, выказал слабость андижанцев и сделал их еще более ненавистными. Обращение же китайцев с пленными, преувеличенное в рассказах, послужило к усилению партии, противной Якупбеку, и расположило ее к китайцам и положило начало энергичным действиям к свержению власти Якупбека.

Деятельностью этой партии, в связи с общим недовольством населения против Якупбека, только и можно объяснить последующие необычайно быстрые успехи китайцев, о которых будет сказано ниже.

16 мая 1877 года, в 5 часов пополудни, Бадаулет был сильно раздражен своим мирзою (секретарем) Хамалом, которого за неточное исполнение каких-то поручений он бил прикладом до смерти.

Убив Хамала, Якупбек набросился и начал бить своего казначея Сабир-ахуна. В это время с ним сделался удар, лишивший его памяти и языка. Оставаясь в этом положении, Бадаулет 17 мая в 2 часа утра скончался. Слухи об отравлении Якупбека сыном его Хаккулыбеском и о том, что он сам, ввиду неудач против китайцев, принял яд, не имеют основания.

Приведем здесь дословно характеристику Якупбека, сделанную Заманханом в письме ко мне:

«Покойный Якупбек был человек умный, деятельный, с удивительной памятью, но вместе с тем хитрый и лукавый; правды почти не говорил; в полном смысле слова был эгоистом и ни для кого не был другом. Полководцем же в последнее время он выказал себя весьма плохим, а в отношении многоженства перещеголял персидского Фатали-шаха. В частной жизни жил он очень просто, без всяких претензий, довольствовался очень малым, по временам бывал добр и приветлив со всеми. Обряды религии своей исполнял усердно. В сутки отдыхал только около 4 часов¹⁷⁰, а остальное время был занят. Никому не доверял: во все дела, начиная от конюшни и кухни, до самых важных государственных дел, вникал сам.

Всю его канцелярию составляли три мирзы (секретари). Сам Якупбек был неграмотен, но в разговоре все, его не знавшие, приняли бы его за ученого человека, ибо часто, для красноречия или для внушения, он произносил подходящие к разговору тексты из алкорана, или же куплеты из стихов известных персидских поэтов; на персидском языке объяснялся свободно. Приказы его, посылаемые всем властям, составлялись набело без черновых, а получаемые

донесения хранились только впрямь до отписки. Получаемые же из России или других государств письма, вместе со снятыми с них копиями, хранились у него.

С правителей городов Якупбек, кроме ежегодного тартука (подарка), ничего не получал; впрочем, каждый из них обязан был содержать известное число войска; что же касается податей, взыскиваемых правителями с управляемых ими жителей, то на это не имелось никакого контроля. Только иногда, впрочем, в неопределенные сроки, он требовал с правителей значительные суммы денег, которые вносились беспрекословно. Хотанский же хаким Ниязбек, кроме ежегодного тартука, вносил еженедельно 11 ямбов серебром, что составляет более 1.200 рублей, и 44 сэра золотом, что составляет около 1.800 рублей, т. е. всего до 3.000 рублей серебром в неделю».

В день смерти Якупбека, т. е. 17 мая, прибыл в Курля из Карашара Хаккулыбек. Трое суток Хаккулы не объявлял никому о смерти отца. В это время все находившиеся в Карашаре войска были вызваны в Курля.

По сборе войск в Курля, 20 мая, Хаккулы объявил им о смерти правителя страны и заявил свою волю следовать с телом покойного в Кашгар, к старшему брату своему Беккулыбеку, который теперь заменит ему отца и без воли которого он ничего не предпримет. Затем, удовлетворив войска двухмесячным содержанием и назначив Хакимхана тюре своим временным наместником, Хаккулыбек 25 мая выехал из Курля.

По другим сведениям, желание Якупбека было оставить своим преемником не старшего сына, а младшего Хаккулыбека как более воинственного и любимого войсками. Хаккулыбека поддерживали и все начальники войск. Что же касается симпатий населения, например, Кашгарского округа и в особенности купцов, то они были на стороне Беккулыбека.

По этим сведениям, Хаккулыбек отправился в Кашгар с целью провозгласить себя правителем, и отвоз тела отца был только предлогом.

Фактически верно только то, что Беккулыбек видел в брате своем опасного соперника, от которого и решил избавиться при помощи убийства.

26 мая, т. е. на другой день после выезда Хаккулыбека из Курля, все войска, собранные в этом городе, провозгласили своим ханом Хакимхана тюре, который тотчас же послал некоего Дашбека (из кыпчаков) и 500 всадников

для преследования Хаккулыбека и воспрепятствования ему захватить акуйскую казну.

11 июня Хаккулыбек со своею прислугой из 30 человек оставил Аксу и направился к городу Кашгару. В 80 верстах от этого города, близ станции Купрюк, у места через Кызылсу, Хаккулыбек был изменнически убит Махметзияпансатом, посланным Беккулыбеком под видом встречи.

По другим сведениям, менее заслуживающим вероятия, Беккулы встретил лично Хаккулыбека и в минуту приветствия убил его выстрелом из револьвера, одновременно с чем была изрублена и свита Хаккулы.

Вслед за этими событиями кашгарское царство распалось на три части, из которых каждая имела во главе отдельного правителя: в Кашгаре — Беккулыбека, в Аксу — Хакимхана тюре, а в Хотане — Ниязбека. Эти три правителя начали борьбу между собою. Сильнейшим и энергичнейшим оказался Беккулыбек. Собрав до 5.000 войска, он двинулся на Аксу. Хакимхан тюре, в свою очередь, собрав свыше 4.000, двинулся ему навстречу. Близ урочища Яйды (Жайды), между Маралбасы и Аксу, передовые отряды имели стычку, в которой кашгарцы были разбиты и преследовались до урочища Чул-Кудука (Шур-Кудук). Три дня спустя все войска Беккулыбека собрались в Чул-Кудуке, а войска Хакимхана тюре в Яйда. Между этими пунктами произошло решительное сражение, продолжавшееся пять часов. Хакимхан был разбит; он спасся в русских владениях; а войска его сдались Беккулыбеку.

1 августа Беккулыбек вступил торжественно в Аксу. Прожив там около 2 недель, он 24 августа вернулся обратно в город Кашгар, где дал войскам месячный отдых, а 22 сентября с 5.000 выступил на Хотан.

8 октября в урочище Зава он был встречен хотанскими войсками под начальством Эминбека, брата Ниязбека. Хотанцы при первом натиске кашгарской кавалерии разбежались. Ниязбек, находившийся в то время в городе (Ильчи), в 30 верстах от Завы, услышав о поражении брата, не думал продолжать оборону и, захватив свое семейство и имущество, направился на Чар-Чак, откуда, вероятно, вверх по реке Хотан-Дарье, через Лоб-Нор (местность в Китае, где сейчас расположен ракетно-ядерный полигон.— Прим. ред.), намеревался пробраться к китайцам.

На другой день Беккулыбек вступил в город Хотан и послал преследовать и поймать Ниязбека. Посланные вернулись без успеха.

18 октября Беккулыбек получил известие о взятии китайцами городов Курля, Куча, Аксу и об отступлении находившихся там войск в Кашгаре. Под влиянием этого известия он отправил гонца в город Кашгар за своим семейством, которое приказал перевезти в Яркенд (Жаркент.— Прим. ред.). К 25 октября он и сам прибыл в город Яркенд, где уже нашел семью. В это же время в Яркенд пришло известие еще более печальное: часть китайских солдат, обращенных Якупбеком в мусульманство, ворвалась в крепость Янгишар (цитадель города Кашгара) и заперлась в ней. Известие это произвело весьма тягостное впечатление на всех приближенных Беккулыбека, ибо семейства очень многих из них жили в Янгишаре и были захвачены китайцами. Беккулыбека стали публично обвинять, говоря, что если бы он не выписал своего семейства из Янгишара, то китайцы никогда не осмелились бы на подобный отчаянный поступок.

Немного ранее Беккулыбек всю пехоту свою направил из Яркенда прямым путем на Маралбасы, но дорогою все войско разбежалось. Тогда, считая свое дело проигранным, он вместе с хакимом (губернатором) Яркенда и с своим семейством направился ночью 4 ноября в город Каргалык, по дороге в город Хотан. Но несколько лиц, у которых были захвачены в Янгишаре семейства, остановили Беккулыбека и потребовали, чтобы он вместе с ними шел на выручку этой крепости.

Беккулыбек должен был повиноваться и двинулся к Кашгару. В городе Янги-Гиссар на половине пути между Яркендом и Кашгаром, в бессильной злобе на китайцев, он отдал приказ перебить всех китайских мальчиков, находившихся в услужении у разных лиц.

По этому приказу было избито до 200 человек. В это же время губернатором Кашгара Алдаш датхою было избито до 400 китайцев разного возраста и пола, не попавших в цитадель Янгишар.

24 ноября Беккулыбек прибыл в Кашгар и остановился в саду своем, стоящем в трех верстах от Янгишара. Войска, прибывшие с ним, отступившие из Аксу, и дунгане в числе более 10 тысяч человек, обложили крепость и начали делать приступы против нее. Все их попытки были тщетны. Гарнизон из 500 человек китайцев вел себя героически. Не только все штурмы были отбиты, но редкую ночь китайцы не делали вылазки и не наносили чувствительного урона осаждающим.

4 декабря в лагере Беккулыбека распространился слух о приближении китайцев к Файзабаду, в 60 верстах от Кашгара. Высланный против них с отрядом Алдаш датха после ничтожной перестрелки отступил и положил начало общему отступлению.

Паника овладела войском, и оно бежало в русские пределы, частью на Терек-Даван в Фергану, и частью на Чакмак и Артуш к Нарыну. Беккулыбек первый подал пример бегства.

К 7 часам вечера того же числа ничтожный китайский рекогносцировочный отряд, посланный из Маралбасы, без боя вступил в город Кашгар.

Вслед за войском бежали тысячи жителей с семействами, опасаясь повторения ужасов, каждый раз сопровождавших появление китайцев, как это было при изгнании ходжей Дженгира, Вали хана, Катта тюре.

Несчастные жители, направившиеся на Терек-Даван, переходили этот хребет при 30° мороза.

Началось повторение ужасов бегства кашгарцев после изгнания Катта тюре, когда от мороза и голода погибли десятки тысяч народа.

К счастью для беглецов, начальник Ошского уезда, в который входит и Терек-Даванский перевал, энергичный и опытный туркестанец майор Ионов, принял меры к спасению беглецов. Отправившись лично вместе со своими помощниками капитаном Реслейном на перевал, он организовал скорую помощь кашгарцам, достигавшим нашей границы почти замерзшими и умиравшими с голода.

Беглецов оттирала, кормила, садила на лошадей и отправляли в город Ош. Все перешедшие нашу границу были спасены. Уездным начальником Семиреченской области также, насколько возможно, облегчена была участь спасшихся бегством в наши пределы.

Население Яркенда бросилось бежать к Сары-Колю и далее к Шугнану, но сары-кольские киргизы возвратили беглецов и отдали их в руки китайцев.

На этот раз китайцы, наученные горьким опытом, держали себя первое время относительно весьма сдержанно. Население было успокоено, начальниками городов были назначены мусульмане, оставлено старое судопроизводство по шариату; религия осталась неприкосновенною¹⁷¹. Казнено в первые дни всего 10 человек. Но китайцы привезли с собой и новинку. Они, оставив в покое людей, обратили свое преследование, между прочим, на лошадей. Кашгар-

цам, по слухам, было запрещено иметь лошадей, а находившихся налицо отбирали в казну, а по другим слухам, маловероятным, морили голодом и даже расстреливали.

В лошадях, дававших кашгарцам возможность быстро передвигаться на огромные пространства, китайцы видели одну из главных причин своих прежних поражений».

(«Кашгария», соч. А. Н. Куропаткина)

¹ См. примечание 1.

² Урда собственно значит цитадель, замок среди укрепленного города. У киргизов урдою называлось небольшое укрепление среди зимового стойбища.

³ Обайдулла хан (Губайдулла.— Прим. ред.) не был признаваемым русской властью ханом, а кажется, только китайцами. В официальных бумагах того времени он именуется Габайдулла султан (см. Истор. записку по матер. Омского архива).

⁴ Это неверно. Акмолинская область образована значительно позднее, именно в 1868 году.

⁵ Г. Левшин говорит, что «Вали (хан), получивший ханское достоинство в 1781 году после смерти своего отца, остался в оном до смерти своей, постигшей его в 1821 году. В последние годы он, однако же, не был единственным ханом Средней орды, ибо по несогласиям его с некоторыми родоначальниками и по просьбам многих киргизов-казахов в 1816 году назначен в Среднюю орду императором Александром другой хан Буксей, сын Барака, умерший в 1819 году. Вместе с ним исчезло и звание ханское в Средней орде». (Опис. кирг.-каз. орд., т. 2, стр. 331). О несогласиях Вали хана со своими родственниками упоминает ниже и настоящий автор, говоря о донесении его русскому правительству о замыслах своих племянников: Сарыджана, Кенесары и других.

⁶ Буквально: «Иначе мы будем тем, чем захочет Бог».

⁷ Здесь нужно подразумевать главным образом киргизов симбирского ведомства, а именно части Средней и Большой орд. Киргизы Малой орды, а также все кочевавшие на р. Сыр не принимали в этом деле никакого участия. Здесь автор упоминает о каком-то письменном договоре, заключенном между Аблай ханом и русским правительством. Подобный договор в отношении обозначения границ владений этого хана едва ли мог быть заключен по неопределенности кочевий подчиненных ему киргизов. Занятие уроч. Кокчетав относится ко времени образования «новой линии» сибирских казаков.

⁸ Здесь выставлена весьма интересная, малоизвестная причина, именно захват уроч. Кокчетав, первых столкновений Кенесары с русскими. Первые действия его были удачны. В 1838 году он окружил и разбил команду сибирских казаков, причем сам ранен. Зимой он намеревался идти на р. Тургай для соединения с кочевавшими там его родственниками. Русское начальство, сведав об этом, послало на р. Тургай отряд под командою войскового старшины Лебедева числом до 1900 чел. при двух орудиях. Лебедев напал на аулы родственников Кенесары, взял их в плен и разграбил подведомственных киргизов. Когда он отступил, Кенесары, собрав до 3000 удальцов, бросился на наших киргизов восточной части, обобрал их, как полагают, на сумму 200.000 руб., и доходил до самой линии, где джигиты его захватили в плен 8 чел. русских, и, кроме того, разграбили тронцкий караван в несколько сот тысяч рубл. («Киргиз. степь», соч. Мейера, стр. 54).

Туркестан был в то время бекством Кокандского ханства.

¹⁰ Известный ташкентский бек, строитель медресе, мечетей и работ (странноприемных домов).

¹¹ Т. е. в г. Туркестан. Этот город, бывший в XVII веке столицей киргизских ханов из династии чингизида Шейбани, включает в себе самую почитаемую киргизами святыню, огромную мечеть Султан-Азрет-Асави, воздвигнутую по повелению Тамерлана.

¹² Сокращенно Мадали хан.

¹³ Жузбасы — сотник.

¹⁴ Время бесин — полуденный намаз, несколько больше 12 часов дня.

¹⁵ Кокандцы, подчиняя себе киргизские колена, облагали их особою податью, заклетом, взимавшимся натурою в размере 1/10 части с табунов крупного рогатого скота и гуртов баранов.

¹⁶ Юрты из белых войлоков составляют и теперь принадлежность людей именитых и богатых.

¹⁷ В кокандских войсках служили преимущественно представители тюркских народностей: кыпчаки, узбеки и ферганские кара-киргизы; собственно сартов было вообще мало.

¹⁸ Т. е. отца своего Касыма и братьев Сарыджана и Исенгельды.

¹⁹ При провозглашении Кенесары ханом, очевидно, был соблюден древний тюркский обычай: избранного ханом сажали на белую кошму и поднимали на ней почетные присутствующие избиратели. Если это было так, то понятно выражение: подняли ханом.

²⁰ Киргизские родовичи, очевидно, говорили про полосу земель в низовьях рр. Сарысу и Чу и вверх по течению последней, куда не достигало еще влияние ни русских, ни кокандцев.

²¹ Батыр (рус. богатырь) — человек, прославившийся военными подвигами, удалством, сиюю.

²² Об избрании Кенесары ханом Среднею и Малою ордами в то время, кажется, не было в подробностях известно в Оренбурге. Во всяком случае, этот акт был самовольством с его стороны, так как ханское достоинство было уже уничтожено в киргизских степях и киргизами управляли султаны-правители, назначавшиеся русской властью. Затем главнейшими причинами неудач сношений Кенесары с русскими нужно считать, во-первых, естественную вражду к нему султанов-правителей, выставлявших его действия уж в слишком мрачном виде, во-вторых, его беспокойный нрав, проявлявшийся в необузданном стремлении к удалству и наездничестве, грабежи тех родов, которые не признавали его власти, политическая бестактность и проч. Во всяком случае, создавать в киргизских степях сильного государя, который мог подчиняться только номинально, было бы большою ошибкою: это шло бы вразрез с задачами русского правительства на этой окраине. Кенесары был объявлен бунтовщиком и подвергся сильному преследованию.

²³ Не точно. Кенесары был вытеснен на рр. Чу и Или в 1846 году, когда и прекратились его действия против русских.

²⁴ Буквально сказано «русские города», чего не было.

²⁵ Сказано слишком обще. Кенесары только однажды удалось разгромить собственно русский отряд, состоящий из сибирских казаков. Что касается киргизских отрядов, действовавших в союзе с ними, то он разбивал их без особого затруднения. Во всяком случае, победить энергичного Кенесары и вытеснить его из подвластной нам степи стоило больших трудов и расходов.

²⁶ См. примечание 2.

²⁷ Обыкновенный возглас при упоминании о пророке.

²⁸ Здесь, вероятно, упоминается о нападении на Екатеринбургскую станицу, что было 14 августа 1844 г. Кенесары подошел с 500 чел., взял и сжег предместье (Форштадт), убил и ранил 5 человек, взял в плен 40 чел. и угнал весь скот. Само укрепление взято, однако, не было.

²⁹ Возбуждавшийся раньше этого времени вопрос о постройке в киргизской степи укреплений с целью удержать киргизов в повиновении окончательно решен в 1845 году, когда и воздвигнуто два укрепления: на р. Тургае — *Оренбургское* (теперь г. Тургай) и на р. Иргизе — *Уральское* (теперь г. Иргиз), о которых упоминается в этом рассказе.

³⁰ Султан Сюк, сын Аблая, с несколькими тысячами кибиток Большой орды, кочевавших в уроч. Семьрек, а также около рр. Коксу и Каратал, в 1819 году признал над собой власть России (см. Левшина, т. 2, стр. 92).

³¹ Дулаты — поколение Большой орды, состоящее из семи главных родов. После истребления калмыков (джунгаров) совокупными действиями китайцев и киргизов дулаты заняли Ташкент и владели им до 1815 года. Их главные зимовые стойбища, заключавшие в себе и ставки ханов, тянулись от села Зенгаты до кр. Ниязбека. Под Ташкентом до сего времени сохранились селения и зимовки, носящие имена киргизских ханов, как-то: Дурмен (Дурбет.— Прим. ред.), Кыбрайты, Бойты и др.

Около 1815 г. ташкентцы, выведенные из терпения поборами и грабежами дулатов, восстали под предводительством городского аксакала Юнус-ходжи; разбили киргизов и вытеснили их из ташкентского земледельческого района. Восстание сопровождалось большим кровопролитием: победивший Юнус-ходжа казнил киргизов беспощадно. Дулаты отошли в Чимкентский и Аулие-Атинский районы, где и кочуют до сего времени; небольшая часть, впрочем, осталась и в Ташкентском районе (см. «Сырдарьин. об.», соч. Смирнова, стр. 82, и Левшина, т. 2, глава 5).

³² Самым замечательным не только из перечисленных султанов, но из всех сподвижников Кенесары был султан Наурызбай. Это храбрый, отчаянный наездник, подвиги которого воспеты киргизскими певцами (ойлянци).

³³ Хун, или кун,— плата за кровь убитого на основании обычного права киргизов.

³⁴ Худайберген Баетов был начальником киргизской милиции в отряде генерала Черняева и за оказанные услуги получил чин зауряд-майора. Байзак впоследствии казнен Алимкулом в Ташкенте.

³⁵ Колено шапрашты принадлежит к поколению уйсын. Остальные перечисленные здесь колена (роды) дулатов.

³⁶ Вражда кара-киргизов со степными киргизами (казаками) имеет очень древнее происхождение. Начало ее нужно искать в соперничестве обеих народностей в политических делах в Средней Азии, что относится к средним векам. Аблай хан нанес кара-киргизам жестокое поражение в открытой битве и сильно опустошил их страну.

³⁷ Манапы ведут свое происхождение от целого ряда родоначальников-биев, главенствовавших в кара-киргизских родах. Урман и Джантай были из рода сарыбагиш.

³⁸ Буреме и шубуртбалы, вероятно, не колена, а отделения.

³⁹ *Саске* — время после восхода солнца, приблизительно с полчаса, когда оно поднялось над горизонтом на высоту трех пик. Сартовское название этого времени нанушта — ранний завтрак.

⁴⁰ *Кош* — ветвь рода каратал поколения сол. Подробности о родах кара-киргизов см.: «Сыр-Дарьинская область», соч. Смирнова.

⁴¹ *Салават* — особая отпустительная молитва; в переносном значении — всепрощение, полное прекращение всяких исков и споров между враждующими сторонами.

⁴² Аулие-Ата, Мерке, Токмак, Пишпек и Кастек в то время (1847 г.) принадлежали Кокандскому ханству.

⁴³ *Кызыл-Ауыз* — рыжая.

⁴⁴ Через Александровский хребет, в верховьях р. Кара-Кистак, против почт. стан. Тарты.

⁴⁵ *Жау кашты* — знач. неприятель бежал.

⁴⁶ Урочище на холме Кеклик Сенгир находится верстах в четырех от гор. Токмака (Семир. обл.) на левом берегу р. Чу в версте от берега реки.

⁴⁷ Вечерний намаз (молитва), совершаемый приблизительно за час времени до заката солнца.

⁴⁸ Арабский стих, употребляемый мусульманами, когда они говорят или слышат о смерти кого-либо.

⁴⁹ См. приложение 3.

⁵⁰ Вернее, *Саддык*, как и написано в подлинной киргизской рукописи. Увоенная здесь транскрипция имени *Садык* основывается на более часто встречающемся выговоре киргизов и сартов, на выговоре русских, не знающих имени Саддык, и на неофициальных рапортах и реляциях, в которых упоминается о действиях Садыка. Хотя *Саддык* и *Садык* два разных имени, но от этого суть не меняется. Мы придерживаемся хотя и не совсем верного, но общераспространенного имени. (Исторически верна транскрипция имени «Садык» — Сыздык, что отражено в названии книги. — Прим. ред.)

⁵¹ По русским сведениям, кенесаринцы были в то время под главенством султана Кучака как старшего в их роде.

⁵² В то время Кокандским ханством правил в качестве регента кыпчакский батыр Мусульманкул.

⁵³ Кунграды (конраты.— Прим. ред.)— многочисленный и сильный род поколения того же названия Большой орды и теперь занимают берега р. Сырдарьи от Ходжента до Перовска.

⁵⁴ Пансат — кокандский военный чин, начальник 500 чел., средний между мынбасы (начальник тысячи) и жузбасы (сотник).

⁵⁵ Канагатшах в то время был беком г. Ташкента.

⁵⁶ Неверно. В то время Колпаковский имел чин подполковника и был начальником Алатауского округа и окрестных киргизов Большой орды. Алатауский округ образован в 1858 году из земель, занятых на р. Или; впоследствии к нему были присоединены и зачуйские земли; в 1867 г. округ преобразован в Семиреченскую область.

⁵⁷ Токмак — был занят отрядом подполковника Циммермана 26 августа 1860 г., укрепления его взорваны и оставлены. (дон. полк. Циммермана 28 августа 1860 г.)

⁵⁸ Парванаши — один из высших кокандских чинов.

⁵⁹ По нашим сведениям, войско Канагатшаха состояло из 30.000 чел., в числе коих собственно кокандских войск (регулярной пехоты и кавалерии) было до 20.000 чел.; остальные были киргизы и кара-киргизы.

⁶⁰ Вероятно, Кастекский перевал, бывший на линии наступления армии Канагатшаха.

⁶¹ Узун-Агач был занят ротой пехоты, сотнею казаков и двумя легкими пушками (донес. ген. Гасфорта 10 ноября 1860 г.)

⁶² Непонятно, почему не могла быть введена стрельба из ружей и пушек. Что касается указания на то, что киргизские наездники выхватывали ружья из рук солдат, то рассказ об этом не заслуживает доверия по своей фантастичности.

⁶³ Русское название «Сауруков курган».

⁶⁴ Эпидемическая болезнь, очень заразная и быстро действующая, бараны после нескольких скачков падают и издыхают.

⁶⁵ См. приложение 4.

⁶⁶ Буквально сказано — «тяжелых людей».

⁶⁷ Ак-Мечеть, теперь г. Перовск. Ак-Мечеть взята штурмом в 1853 году.

⁶⁸ Крепость Яны-Курган взята генерал-лейтенантом Дебу 23 сентября 1861 года.

⁶⁹ В среде киргизов до сего времени сохранилось воспоминание о Тайчике как о храбром, удалом наезднике, похожем в этом отношении на своего дядю Наурызбая.

⁷⁰ Киргизы северных уездов Сырдарьинской области под названием *штатов* подразумевают положения об управлении Туркестанским краем. В 1887 году султан Ахмет Кенесарин был оставлен за штатом и ему назначена пенсия в 750 руб. в год. Умер в ноябре 1888 года.

⁷¹ Сузак населен сартами, находится на северной стороне Каратауских гор. В указываемое время определенной границы между Сырдарьинской линией и Кокандским ханством не было. Крайнею восточною точкою наших владений было укр. Жулек на р. Сыре; кокандцы владели г. Туркестаном, Сузаком и Чулак-Курганом (последние за Каратауским хребтом). По причине отсутствия ясно определенной границы на пространстве между указанными пунктами происходили столкновения между подчинившимися нам киргизами и подданными Коканда, вызывая вмешательство как русских, так равно и кокандских отрядов.

⁷² См. приложение 5.

⁷³ По нашим сведениям, Садык пришел в Туркестан 10 июня, когда подкопа сделано еще не было, а рылись траншеи.

⁷⁴ См. приложение 6.

⁷⁵ Это неверно. Алимкул, предводитель партии кыпчаков, не занимал ханского престола, хотя и был полновластным регентом при хане Султансеиде (1863—1865 гг.)

⁷⁶ Аулие-Ата занята 5 июня 1864 г.

⁷⁷ См. приложение 7.

⁷⁸ Т. е. не имевшего при себе лошади. При огромном распространении верховой езды в Средней Азии автору приходится, для точности, обозначать, какой был человек: конный или пеший.

⁷⁹ Батик — рукопашное оружие в виде дубины, на конце ее металлический шар с шипами.

⁸⁰ См. приложение 8.

⁸¹ Сюда призывали его политические интересы его партии (см. «Крат. истор. Коканд. хан.», соч. Наливкина).

⁸² Чимкент взят штурмом 21 сентября 1864 г.

⁸³ Сары-атагачская дорога идет по кратчайшему расстоянию от Ташкента к Туркестану. От Ташкента до р. Арыси она идет пустынною бугристой степью; Арысь пересекает несколько ниже впадения р. Бадам и через селения Чилик и Икан достигает Туркестана. Расстояние до 230 верст.

⁸⁴ Ибн Амин впоследствии был младшим помощником начальника Туркестанского уезда. В настоящее время живет в отставке, получая пенсию.

⁸⁵ Упомянув о наших казаках, автор везде называет их «русскими казаками» в отличие от киргизов, носящих тоже название «казак». Нужно заметить, что уральцы, находясь на службе, отступают от своего староверского обычая и курят табак. Только при возвращении на родину, подходя к своим станицам, курильщики разбивают трубки и бросают табак и курение до нового наряда на службу.

⁸⁶ Мир! Мир!

⁸⁷ Буквально сказано: оставили ружья.

⁸⁸ См. приложение 9.

⁸⁹ Неточность выражения. Осады не было, а была блокада, да и то не полная. Сражение на буграх Шортюбе происходило 9 мая 1865 года; в этой битве Алимкул был смертельно ранен пулею и умер в Ташкенте, где и имеется его могила на шайхантаурском кладбище. Спустя два года после взятия нами Ташкента кости Алимкула были вырыты и тайно увезены его родными в Фергану.

⁹⁰ См. приложение 10.

⁹¹ Вероятно, Кокандские ворота, через которые, а также соседние с ними, втянулись в город разбитые ташкентцы, перейдя кан. Салар в нескольких местах. Беспорядочность отступления из-под Шортюбе живо сохранилась в памяти ташкентцев и до сего времени. Вот название уничтоженных теперь ворот Ташкента: Бес-Агач, Каймас, Юлдарыс, Коканд, Кашгар, Лабзак, Карасарай, Сагдат, Джагагай, Кукчи, Самарканд и Камелар, или иначе Кашанап.

⁹² В это время в Ташкенте находился кокандский хан Султансеид, бывший под строгою опекою Алимкула. Весьма естественно, что ташкентцы после смерти Алимкула выбрали Садыка и дали ему права регента Кокандского ханства.

⁹³ Очевидно, приближенные бывшего регента Алимкула и заправлявшие вместе с ним делами ханства.

⁹⁴ Тюре — господин, начальник; «белая кость», дворянин.

⁹⁵ По русским сведениям, прибывший бухарский сановник был по имени Искандербек.

⁹⁶ Занятие урды Ташкента, где были казенные кокандские здания, означало вступление в командование городом, выезд — отказ от власти. То же — в Коканде, Ходженге и других городах.

⁹⁷ См. приложение 11.

⁹⁸ Случай этот известен в среде участников движения к Джизаку, хотя в реляциях впечатление залпа на войска несколько ослаблено.

⁹⁹ Рассказ касается эпизодов известного неудачного движения ген. Черняева на Джизак в январе 1866 года. Бухарцы и не предполагали вступать в бой, так как войны объявлено не было.

¹⁰⁰ См. приложение 12.

¹⁰¹ Указание местности совершенно непонятное. Как известно, эмир из Уратюбе вышел на берег Сыра у Ирджара, где и был разбит 8 мая 1866 г.

¹⁰² Кокандская крепость на правом берегу Сыра, верстах в семидесяти ниже Чиназа; она была брошена кокандцами без боя.

¹⁰³ В наших реляциях не упоминается об этом деле. Что касается перестрелки Садыка с нашими пароходами, то об этом было хорошо известно в то время.

¹⁰⁴ Поражение эмира генералом Романовским под Ирджаром (8 мая 1866 г.). Майда-Джингыл (по реляциям — Майда-Джилган) — озеро, близ которого был расположен передовой лагерь неприятеля.

¹⁰⁵ Поднесение начальнику голов убитых неприятелей есть очень древний азиатский обычай, свойственный как арийским, так равно и тюркским народностям.

¹⁰⁶ Очевидная путаница в рассказе, не исправленная автором. После Ирджара, где войсками командовал уже генерал Романовский, 24 мая был взят Ходжент под его же начальством; Уратюбе взято 2-го, а Джизак 18 октября под начальством генерала Крыжановского. Генерал Кауфман приехал в Ташкент в конце 1867 г.

¹⁰⁷ Русское название — Каменный мост, почти на полдороге между Джизаком и Самаркандом.

¹⁰⁸ Т. е. на левой стороне р. Сырдарья, носящей название и теперь «хивинской стороны».

¹⁰⁹ Сары-Булак знач. желтый родник, или источник, находится в 143-х верстах от Казалинска, на Куван-Дарье, а не так близко, как говорит автор.

¹¹⁰ Гребеньщик (Tamarix).

¹¹¹ См. приложение 13.

¹¹² Оазис Тамды в Кызылкумской пустыне, где и теперь имеются киргизские зимовки (кстау). Тамды по-книжному пишется и выговаривается Тамлы.

¹¹³ См. приложение 14.

¹¹⁴ Рассказ касается, очевидно, мелких стычек с бухарцами в течение 1867 года после взятия Джизака на новой пограничной линии, не определенной еще договором с Бухарою.

¹¹⁵ Гальча — горный таджик. По русским сведениям, Назар считался узбеком. Этот авантюрист был известен в народе под именем Назар-карак, т. е. Назар-разбойник.

¹¹⁶ Нужно думать, что разбойничье гнездо Назара было в Нуратинских горах против кишл. Нурек, к западу от Джизака.

¹¹⁷ После усмирения бунта Катта тюре Назар был захвачен бухарцами и казнен в Бухаре.

¹¹⁸ См. приложение 15.

¹¹⁹ Садык был сделан начальником над киргизами Кызылкумской пустыни и, должно быть, кочевниками, занимавшими северо-западный угол ханства. Влияние его на наших киргизов Джизакского уезда в то время было ощутительно.

¹²⁰ Абдулмалик тюре известен больше под именем Катта тюре как наследник престола эмира. Провозглашение его эмиром было делом рук партии, недовольной Музаффаром за неудачное окончание войны с русскими и миром с ними. Партия эта состояла главным образом из фанатизированного духовенства, составившего *фетву*, т. е. сепаративное разрешительное постановление на войну против эмира.

¹²¹ Генерал Кауфман не командовал отрядом во время экспедиции в Карши.

¹²² На реке Зеравшане. Очевидно, эмир шел к Кермене правым берегом реки.

¹²³ Бухарский *таш* равен 8 верстам.

¹²⁴ Ургенч — хивинское ханство. Название хивинского оазиса Ургенчем весьма распространено в Средней Азии.

¹²⁵ В Кызылкумской пустыне.

¹²⁶ К востоку от р. Амударьи. Очевидно, под управлением Садыка были собственно кызылкумские киргизы, составляющие теперь Мынбулакскую и Даукаринскую волости Амударьинского отдела, а также часть каракалпаков.

¹²⁷ *Дастархан* соб. знач. скатерть, на которой подается угощение; в переносном смысле — угощение; здесь же это слово употреблено в значении содержания от хана.

¹²⁸ Верстах в семи ниже Шейх-Абас-Вали, близ правого берега р. Амударьи; хивинский танап имеет 900 кв. саж. После присоединения правого берега р. Аму к русским владениям сад Садыка был конфискован в казну.

¹²⁹ Ошибка или простое незнание. Генерал Веревкин не был самарским военным губернатором; он командовал оренбургским отрядом и был уральским наказным атаманом и уральским военным губернатором, а от Астраханского, т. е. Каспийского, моря шел отрядом полковник Ломакин.

¹³⁰ Высшие министры хивинского хана.

¹³¹ Адам Кырылган — место гибели людей; Алты-Кудук — шесть колодез. Слово «кырылган» русскими переделано в «крылган»

¹³² См. приложение 16.

¹³³ В ночь с 10 на 11 мая. Большие костры, целая иллюминация (в подлиннике сказано буквально *свечи*, что в переносном смысле значит иллюминация), были зажжены в хивинском войске; русским было не до костров.

¹³⁴ См. приложение 17.

¹³⁵ Под аулом нужно подразумевать семейство Садыка, его теленгутов, пожитки и скот.

¹³⁶ Около 30 десятин, если считать ташкентский *батпан* (11 пуд.) посева. Относительно местоположения рассказ очень темен.

¹³⁷ Т. е. приветствовал их, но не слезая с лошади, что по азиатскому этикету означает, что приветствующий человек или равен, или выше тех, кому он отдает *салеж* (поклон, привет). Низший для приветствия соскакивает с лошади.

¹³⁸ В бытовом отношении эпизод этот весьма интересен: политический авантюрист в глухом уголке пустыни рассказывает свои приключения, а слушатели, величайшие грабители, проливают слезы. Туркмены имеют очень характерную поговорку: «Если враг нападает на кибитку твоего отца, то ты пристань к нему и грабь вместе». (См. «Через Афганистан», соч. Н. И. Гродекова).

¹³⁹ Гульжамал-аим и до сего времени жива. Нурберды хан умер в 1880 году, на 50-м году жизни. О туркменах и их ханах см. «Война в Туркмении», т. I, соч. Н. И. Гродекова.

¹⁴⁰ Все это известные среднеазиатские авантюристы. Абдурахман, вероятно, был во время бегства из Афганистана после неудачи в борьбе с партией Шерали хана; Абдулмалик — после своего поражения под Карши.

¹⁴¹ Предложения, сделанные Садыку, не совсем понятны. Ясно только то, что туркменам хотелось сделать на Бухару большой набег под благовидным предлогом защиты будто бы обиженного Садыка.

¹⁴² Якуп сардар, сын афганского эмира Шерали хана. В указываемое время Якуп сардар начальствовал в Герате как военною, так равно и гражданскою частями. После восстания, поднятого им против отца (в 1874 г.), Якуп сардар был заключен в тюрьму, из которой, по смерти Шерали, занял афганский престол, потерял его в борьбе с англичанами и теперь живет в Индии на английской пенсии. О времени правления Якуп сардара Гератом в среде населения остались хорошие воспоминания. (См. «Через Афганистан», соч. Н. И. Гродекова).

¹⁴³ Бухарская и кокандская *тенге* равна 20 коп.

¹⁴⁴ Без сомнения, еще в то время, когда Якупкулыбек состоял на кокандской военной службе.

¹⁴⁵ Якупбек хотя, по-видимому, ласково принял Садыка, но не давал ему никакого хода ни в своей администрации, ни в войсках; должно быть опасаясь, с одной стороны, беспокойного нрава этого киргизского авантюриста, а с другой — боясь русских, которые могли потребовать от него выдачи Садыка. Он скромно и незаметно жил при дворе Бадаулета и выступил опять на сцену только после его смерти, да и то ненадолго. По словам Беккулыбека, Садык носил чин пансата.

¹⁴⁶ См. приложение 18.

¹⁴⁷ По словам Беккулыбека, Якупбек был отравлен; Садык говорит противное. Подробности о смерти Якупбека см. в приложении 19.

¹⁴⁸ Джамадар — авантюрист из индустанцев. У Якупбека он был одно время начальником артиллерии.

¹⁴⁹ Местность указана неточно. Битва произошла в уроч. Джайды, недалеко от укр. Маралбасы, между Кашгаром и Аксу.

¹⁵⁰ Очевидно, эти 1700 чел. не были взяты в плен, а перебежали, покинув Хакимхана.

¹⁵¹ Это было еще до появления в Кашгаре Якупбека; предместье носит название Янги-Шаар — новый город.

¹⁵² Вместе с Якупбеком Кашгаром завладели преимущественно выходцы из Кокандского ханства, андижанские кыпчаки. В народе партия Якупбека носила название «андижанцев». В Кашгаре андижанцами именуются и в настоящее время торговцы из Ферганы. Это есть старинное воспоминание того, что Андижан был когда-то столицей Ферганы.

¹⁵³ Это было осенью 1877 года. В одно время с Садыком перешел в русские пределы и Беккулыбек со своими приближенными и семейством. Он поселился в сел. Пскент, находящемся в долине р. Ангрена, в 50 верстах на юг от Ташкента. Место это выбрано им для поселения потому, что Пскент был родиною его отца Якупбека.

¹⁵⁴ По приезде Садыка в Чимкент киргизы Большой и части Средней орд, бывшие раньше в подчинении у его отца, собрали ему до 500 баранов и другого скота, так как он прибыл без всяких средств. Во время своей деятельности Садык отличался большим бескорытием.

¹⁵⁵ Когда именно захвачено было бухарцами семейство Садыка, из рассказа не видно. Надо полагать, что уже после хивинского похода, когда он, уходя от русских, отправил семью в Чарджоу, а сам ушел к туркменам.

¹⁵⁶ От 17 июля 1864 г. № 60.

¹⁵⁷ Осколками гранат немало помято ружей.

¹⁵⁸ Этот единорог впоследствии был взят в Ташкенте генералом Черняевым после штурма города (см. донесен. от 17 июня 1865 г.)

¹⁵⁹ Сотник Павел Абрамичев.

¹⁶⁰ Из рассказа Садыка видно, что лошадь подбита под ним, а не под Алимкулом.

¹⁶¹ Из рассказов рядовых казаков — участников боя.

¹⁶² Кости погибших казаков покоятся на старом кладбище в гор. Туркестане, которое, по распоряжению военного губернатора Н. И. Гродекова, приведено в порядок в 1887 году.

¹⁶³ По распоряжению епископа Туркестанского и Ташкентского Неофита ежегодно, 6 декабря, в церкви гор. Туркестана служитя торжественная панихида по убитым.

¹⁶⁴ Как оказалось впоследствии, в этом деле был убит Алимкул.

¹⁶⁵ В это время у нас ранено три офицера: поручик Месяцев (смертельно), подпоручик Лапин и прапорщик Салтановский 2-й, и несколько нижних чинов убито и ранено.

¹⁶⁶ В окрестностях гор. Коканда.

¹⁶⁷ В верхней части Ферганской долины.

¹⁶⁸ Впоследствии хан Кашгара Якупбек Бадаулет (Счастливый).

¹⁶⁹ Т. е. из династии ходжей, владеющих Кашгаром.

¹⁷⁰ Вероятно, не считая времени сна.

¹⁷¹ Неприкосновенность религии всегда строго соблюдалась китайцами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАГАДКА КЕНЕСАРЫ	5
Выдержки из постановления ЦК ВКП(б) Казахстана	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ГЛАВА I.	
Первоначальная деятельность султана Кенесары Касымова	15
ГЛАВА II.	
Действия манапов Джантая и Урмана и смерть Кенесары и его приближенных в войне с кара-киргизами	20
ГЛАВА III.	
Потомство Кенесары хана	28
ГЛАВА IV.	
Причины переселения сыновей Кенесары хана на берега р. Сыра	30
ГЛАВА V.	
Деятельность султана Садыка до взятия русскими Ташкента	31
ГЛАВА VI.	
Взятие русскими Ташкента	37
ГЛАВА VII.	
Участие Садыка в войне русских с Бухарою	39
ГЛАВА VIII.	
Участие Садыка в возмущении Абдулмалика (Катта тюре)	46
ГЛАВА IX.	
Завоевание русскими Хивы и переход Садыка к туркменам	48
ГЛАВА X.	
Пребывание Садыка в Кашгаре и возвращение в русские пределы	51

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Сведения об Аблай хане (1711—1781)	55
II. Заметка о Кенесары	56
III. Заметка о смерти Кенесары	57
IV. Битва под Узун-Агачем	57
V. Причины движения русских отрядов в культурную часть Средней Азии	59
VI. Взятие русскими гор. Туркестана	60
VII. Бой под Ак-Булаком	62
VIII. Рекогносцировка гор. Чимкента	68
IX. Бой под Иканом	69
X. Бой под Шортюбе	78
XI. Взятие гор. Ташкента	81
XII. Зимнее движение к гор. Джизаку	103
XIII. Бой под Сары-Булаком	106
XIV. Стычка под Джизаком	108
XV. Сражение под Зерабулаком	109
XVI. Нападение Садыка на колонну генерала Бардовского	110
XVII. Выход туркестанского отряда на р. Амударью	113
XVIII. Сведение о походе Якупбека в Аксу	124
XIX. Сведения о занятии Кашгара китайцами	—

Документально-художественное издание

Ахмет Кенесарин

Султаны Кенесары и Сыздык

Биографические очерки

Редактор *Р. Соболева*

Художник *С. Майоров*

Художественный редактор *С. Макаренко*

Технический редактор *Н. Кушнарева*

ИБ № 4805

Сдано в набор 27.03.92 Подписано в печать 19.08.92. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. кр.-отт. 7,98.
Усл. печ. л. 7,56. Уч.-над. л. 8,18. Тираж 24 000 экз. Заказ № 366.
Цена договорная.

Издательство «Жалын» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143

Полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480002, г. Алма-Ата, ул. Макатаева, 41

Так кто же он на самом деле, султан Кенесары Касымов, одна из самых загадочных личностей в истории Казахстана прошлого века? Если враг казахского народа, как навязчиво подсказывают официальные источники, то тогда почему даже в годы суровых сталинских репрессий тайком, в кругу родных и близких, о нем пересказывались легенды, предания, пелись песни, под страхом ареста хранились портреты Кенесары и членов его семейства, рукописные и печатные документы о его деятельности?

